

Ян Флеминг

Доктор Но

1

Часам к шести вечера последние лучи солнца угасали за Голубыми горами. На Ричмонд-роуд опускались сиреневые сумерки, и в ухоженных садах раздавалось лишь кваканье лягушек да жужжание стрекоз.

Кроме гудения насекомых на пустынной улице не было слышно ни звука. Владельцы роскошных особняков — банкиры, директора компаний, важные чиновники — уже с пяти часов сидели в семейном кругу, принимали душ или переодевались. Через каких-нибудь полчаса улица снова оживится, наступит время коктейлей. Но пока этот небольшой участок длиной не более километра, который кингстонские торговцы называют «Ричроуд», напоминал пустую сцену, где разливался одуряющий аромат жасмина.

Ричмонд-роуд на Ямайке — это все равно, что Парк-Авеню в Нью-Йорке, Кенсингтон Палас Гарденс в Лондоне или улица Фош в Париже. Здесь живет высшее кингстонское общество, занимая огромные старинные дома, окруженные идеально подстриженными газонами, экзотическими деревьями и цветами, достойными Хоупского ботанического сада. Эта длинная, прямая, тенистая улица резко отличается от остальной части города — пыльной, душной, кишачей людьми, вульгарной — но элегантные обитатели Рич-роуд все же не брезгают делать там бешеные деньги. Для завершения картины нужно добавить, что в начале улицы располагается обширный парк Кинг Хауз, где живет губернатор и главный комендант Ямайки.

Дом номер один представляет собой солидный двухэтажный особняк с двумя верандами, выкрашенными в белый цвет. Ко входу с колоннами ведет покрытая гравием дорожка, по обеим ее сторонам — великолепные газоны и теннисные корты, которые в этот вечер, как, впрочем, и во все остальные, поливали несколько молодых негров. Это своего рода Мекка кингстонской элиты — Королевский клуб. Уже пятьдесят лет здесь собираются сливки общества, гордые своим могуществом и заботливо оберегающие свои привилегии.

Маловероятно, что подобные местечки просуществуют на Ямайке долго. Однажды его окна, наверняка, закидают камнями или просто подожгут. Но пока Королевский клуб — одно из приятнейших заведений на этом субтропическом острове. Обстановка и обслуживание здесь отличные, а кухня и винный погреб сливаются лучшими на всем Карибском море.

Как обычно в это время, около клуба стояли четыре автомобиля. Они принадлежали четверем заядлым любителям бриджа, которые каждый вечер обязательно собирались здесь и играли, начиная с пяти часов и до полуночи. По их автомобилям можно было бы проверять часы. Первой стояла машина генерала сил обороны Карибского бассейна, потом — машины выдающегося кингстонского адвоката и профессора с кафедры математики Университета. И завершал ряд небольшой черный «санбим» майора Джона Стренжвейза, офицера в отставке, занимающегося вопросами регионального контроля, или, проще говоря, местного представителя британской секретной службы.

Ровно в 6 часов 13 минут тишина Ричмонд-роуд была нарушена стуком палок. Трое нищих слепых показались из-за угла и медленно направились к стоящим у клуба машинам. Это были негры с примесью китайской крови, крупные мужчины с бесстрастными лицами. Сгорбившись, они двигались цепочкой, держась за плечи

друг друга и постукивая по мостовой своими белыми тросточками. У первого на носу были очки с синими стеклами, а в руке — сума для подаяний, в которой уже позвякивало несколько монет. На всех троих болтались грязные лохмотья, на головах — ветхие бейсбольные шапочки с длинными козырьками. Шли они совершенно молча, с закрытыми глазами, и об их появлении свидетельствовало только постукивание палок. В самом Кингстоне, где на каждом шагу попадаются нищие и калеки, на них, несомненно, не обратили бы никакого внимания. Но на элегантной пустынной Ричмонд-роуд вид этих мужчин вызывал какое-то болезненное, неприятное ощущение. Не каждый день увидишь полунегров-полукитайцев: смешение этих кровей встречается нечасто.

А в это время в зале для игр заканчивалась очередная партия. Загорелая рука Джона Стренжвейза бросила последние карты.

— Сто, — сообщил он. — И девяносто снизу.

Он взглянул на часы и встал.

— Я вернусь через двадцать минут. Закажите выпить, Билл. Я плачу. Для меня все, как обычно. И не пытайтесь тут без меня жульничать. У меня на такие вещи нюх.

Билл Темплар, генерал, звучно рассмеялся.

— Хорошо-хорошо, только не задерживайтесь. С вашей стороны шикарно — бросить карты, когда партнеры в выигрыше.

Стренжвейз был уже у дверей. Вошел негр-официант. Игроки заказали выпивку, в том числе виски с содовой для Стренжвейза. Это повторялось каждый вечер. Ровно в 6:15 Стренжвейз извинялся и вставал, даже если партия была в самом разгаре. Ему необходимо срочно позвонить в свою контору. Стренжвейз был отличным малым и достойным соперником, поэтому его партнерам волей-неволей приходилось терпеть этот ежедневный короткий перерыв в игре. Стренжвейз не давал никаких объяснений на этот счет. Впрочем, его друзья, хорошо знавшие жизнь, не отличались чрезмерным любопытством. Стренжвейз редко отсутствовал больше двадцати минут, и стало уже ритуалом, что в виде извинения он оплачивает выпивку.

Сидя за столиком для бриджа в ожидании Стренжвейза, игроки с увлечением заговорили о скачках.

На самом деле, эта отлучка была для Стренжвейза самым важным моментом за весь день. В это время он выходил на радиокontakt, принимаемый мощной радиостанцией лондонской резиденции секретной службы, расположенной в квартале Реджент-парк.

Ровно в половине седьмого по местному времени Стренжвейз передавал свой ежедневный рапорт и получал, приказы из Лондона. Это повторялось каждый день, кроме тех случаев, когда он заранее сообщал о своей отлучке на другой остров его «территории», или когда он серьезно заболел. Этого, впрочем, с ним еще ни разу не случилось.

В случае невыхода на связь в половине седьмого Лондон посылал повторные позывные ровно в семь — так называемый «синий» вызов. Если агент молчал и на этот раз, в семь тридцать подавался последний сигнал — «красный» вызов. После этого отсутствие ответа автоматически расценивалось в Лондоне как сигнал тревоги. Секция № 3, к которой принадлежал Стренжвейз, поднималась на ноги и должна была выяснить, что произошло с резидентом.

Даже при наличии неоспоримой уважительной причины «синий» вызов рассматривался как показатель плохой работы агента. Лондонская радиосеть чрезвычайно перегружена, поэтому все работники приучены к строжайшей пунктуальности. Надо ли говорить, что Стренжвейз никогда не прибегал ни к «синему», ни к «красному» вызову и уже давно вычеркнул их из своего цветного спектра.

Каждый вечер в половине седьмого он выходил из Королевского клуба, садился

в машину и доезжал до своего дома у подножия голубых гор, откуда открывался чудесный вид на Кенсингтонскую долину. В шесть двадцать пять он пересекал холл, заходил в кабинет и закрывал дверь на ключ. Мисс Трублад, его секретарша и правая рука, тоже офицер в отставке, надев наушники и передавая позывные WXN на четырнадцатой частоте. На ее круглых симпатичных коленках лежал блокнот для стенографирования. Стренжвейз садился рядом, и, готовый к контакту, надевал вторую пару наушников. Ровно в шесть двадцать восемь он сменял мисс Трублад и ждал необычную для загруженного эфира паузу, подтверждающую, что Лондон готов к ответу.

Ежедневная железная дисциплина, вполне соответствовала характеру Стренжвейза. Он был высоким, худым, темноволосым мужчиной, казалось, способным отразить любой удар.

Стренжвейз пересек холл Королевского клуба, толкнул двери, затянутые тонкой сеткой от комаров, и спустился по ступенькам, ведущим к аллее. Он испытывал почти чувственное наслаждение от только что закончившейся партии. Он выиграл ее очень хитро и красиво. На улице посвежело, поднялся легкий ветерок. Дело, которым Стренжвейз занимался по приказу своего шефа М. вот уже две недели, проходило весьма успешно. Ему неожиданно удалось найти ценного осведомителя в китайской колонии Кингстона. Но с другой стороны, можно ли доверять сведениям, полученным от какого-то истеричного китайца? «Странная история», — подумал Стренжвейз. — «Как бы не нарваться на неприятности!» Он пожал плечами. На Ямайке никогда не происходит ничего неприятного. Наверное, и эта история — пшик. Как обычно...

Впереди он заметил ковыляющих по мостовой троих слепцов, подсчитал, что обгонит их раньше, чем дойдет до машины, и порылся в кармане в поисках мелочи. Нашупал горсть монет и достал один флорин. Он уже поравнялся с нищими. «Смотри-ка, полунегры-полукитайцы! Забавно...»

Монета упала в сумку для подаяний.

— Да благословит Вас Господь, мистер, — сказал первый.

— Господь, Господь... — эхом повторили двое других.

Стренжвейз уже держал в руке ключ зажигания. Вдруг он услышал, что постукивание палок за спиной прекратилось. Он резко обернулся. Но было уже поздно. Все трое держали в руках револьверы с глушителями. Они разошлись в стороны, чтобы не мешать друг другу. Один целился в живот, другой в сердце, третий в голову. Выстрелили они одновременно.

Стренжвейза отбросило, он упал на мостовую, поднял облачко пыли и замер. Умер он еще в падении.

Было шесть часов семнадцать минут. Послышалось шуршание шин, и перед тремя мужчинами остановился катафалк, украшенный черными перьями. Задние дверцы его были открыты. Мужчины бросили туда тело Стренжвейза и забрались сами. Закрыли дверцы, уложили труп в открытый гроб и уселись на стоящие по бокам скамеечки. Потом быстро стащили с себя лохмотья и надели черные шелковые плащи. Три цилиндра заменили бейсбольные шапочки.

— Чего ждешь? Поехали! — крикнул самый высокий из убийц водителю, тоже полукровке.

Затем бросил взгляд на светящийся циферблат своих часов. Шесть часов двадцать минут. Три минуты — и дело сделано! В намеченные сроки они уложились точно.

Катафалк описал величественный полукруг и, важно покачивая на ветру черными перьями, медленно покатил в сторону Голубых гор, увозя трех скорбящих людей, скрестивших в знак траура руки на груди.

— WXN вызывает WWN... WXN вызывает WWN... WXN...

Розовый пальчик Мэри Трублад стучал ключом передатчика.

Шесть часов двадцать восемь минут. Стренжвейз на минуту опаздывал. Мэри Трублад улыбнулась, думая о мчащемся по побережью черном автомобиле. Стренжвейз должен вот-вот появиться. Она уже слышала его быстрые шаги. Он наклонится к ней с извиняющейся улыбкой и наденет наушники.

— Простите, Мэри, — скажет он. — Машина никак не заводилась.

Или:

— Я был уверен, что полиции прекрасно известен номер моего «санбима». И что же вы думаете? Они остановили меня в Хаф Уэй Три для проверки документов!

Чтобы сэкономить время, Мэри достала вторую пару наушников. Она по-прежнему передавала:

— WXN вызывает WWN... WXN вызывает WWN...

На ее часах было уже 6:29. Мэри всерьез забеспокоилась. Через несколько секунд Лондон ответит. Боже мой! Что она будет делать, если Стренжвейз не придет? Она понимала, что ей самой бесполезно и опасно пытаться передать ежедневный рапорт вместо него. Служба безопасности прослушивает все радиogramмы, а у каждого агента свой неповторимый почерк. Есть специальная аппаратура, отмечающая все особенности этого почерка и способная моментально выявить чужую руку.

Пять лет назад, до отъезда Мэри на Ямайку, шеф службы контроля показал ей настоящие джунгли машин, чьи длинные названия внушили ей уважительный трепет. Ей объяснили, что контакт-радио автоматически подключается, когда радиogramму передает незнакомая рука. Это мера предосторожности на случай, если рация попадет к врагу. А если агента хватают и силой заставляют вызывать Лондон, ему достаточно слегка изменить почерк, чтобы предупредить спецслужбу, и его поймут совершенно безошибочно, как если бы он передал сообщение о провале прямым текстом.

Ну вот! Вызывает Лондон...

Шаги в холле... Наконец-то! Он успел. Оставалось выиграть какие-то секунды.

— WWN вызывает WXN... WWN вызывает WXN... Вы меня слышите? — спросил Лондон.

Шаги уже приблизились к двери.

Мэри Трублад спокойно передала:

— Отвечает WXN... WXN... Я вас отлично слышу.

Позади раздался грохот взрыва. Что-то больно ударило ее в бедро. Это оказался кусок замка. Она в ужасе обернулась. В дверях кабинета стоял мужчина. Нет, не Стренжвейз, а огромный негр с желтой кожей и раскосыми глазами. В его руке поблескивал револьвер.

Мэри Трублад открыла рот, чтобы закричать. На лице незнакомца появилась задумчивая, загадочная улыбка. Он медленно, с удовольствием прицелился и выпустил три пули прямо ей в сердце.

Девушка соскользнула со стула, как тряпичная кукла. Еще секунду в комнате раздавался писк лондонских позывных, потом все стихло.

В зале контроля за тысячи километров отсюда кто-то выругался:

— Черт подери! О чем они там думают, мерзавцы?

Таково было надгробное слово над Джоном Стренжвейзом и Мэри Трублад.

В это время убийца поставил на пол коробку с надписью «ВЗРЫВООПАСНО» и стал засовывать тело Мэри Трублад в холщовый мешок. Ноги не влезали, и их пришлось согнуть в коленях. Потом он взвалил на плечи эту тяжелую ношу, отнес ее к дверям дома, бросил и вернулся в кабинет. Сгреб сборники кодов и позывных, предназначенные для переговоров с Лондоном. Сложил их в стопку возле коробки

«ВЗРЫВООПАСНО» вместе с остальными бумагами, которые смог отыскать. Методично разорвал портьеры, швырнул их в ту же кучу, а сверху уложил пару стульев. Затем зажег маленький веселый огонек, схватил мешок и отбежал на безопасное расстояние. Наконец-то он мог спокойно удалиться, унося то, что осталось от Мэри Трублад и испытывая приятное чувство хорошо выполненного дела.

Спрятанный за кустами катафалк терпеливо его дожидался. Уже стемнело, слышалось только надоедливое жужжание стрекоз и тихий шум мотора. На улице не было ни души. Высокий китаец обернулся. Из холла клубами валил дым. Чтобы огонь разгорелся, убийца оставил дверь открытой настежь.

Он подал мешок двум своим напарникам. Они с большим трудом втиснули его в гроб, где уже лежало тело Стренжвейза. Китаец тоже забрался в машину и закрыл за собой дверцы.

Со вздохом облегчения он опустил на сидение и снова надел цилиндр. Приличия прежде всего!

В окнах второго этажа уже мелькали язычки пламени. Водитель катафалка неторопливо нажал на газ, выехал на узкую боковую дорогу и повел машину в направлении ущелья Мона.

Там, на глубине ста метров, и остался лежать тяжелый гроб.

Ровно за сорок пять минут все архивы и персонал английской секретной службы в Карибском бассейне были уничтожены. Радиопередатчик здесь никогда больше не заработает.

2

Спустя три недели в Лондоне наступил март. Приход его сопровождался большим шумом. На рассвете первого марта разразилась настоящая буря. Яростный ветер с ледяным дождем и градом хлестал несчастных прохожих в мокрых плащах, испуганно жавшихся к стенам по дороге на работу.

Погода, как говорится, просто собачья, и даже сам М., редко удостаивающий своим вниманием такого рода детали, отметил это, вылезая из черного роллса без номерных знаков, остановившегося перед большим зданием на Редженс Парк. Порыв ветра с крупным градом хлестнул М. по лицу. Однако, вместо того, чтобы где-нибудь укрыться, он важно обошел машину и наклонился к шоферу.

— Вы можете возвращаться домой, Смит. Сегодня вечером я поеду на метро. Не самая лучшая погода для прогулок на автомобиле.

— Да, хозяин. Благодарю вас.

Смит, бывший старший механик на крейсере военно-морских сил Ее Величества, с умилением улыбнулся, наблюдая за М., который строевым шагом удалялся под пеленой дождя. Это вполне в его стиле! Смит протер ветровое стекло изнутри, потом нажал на газ, и машина медленно тронулась. «Да, таких людей нынче встретишь нечасто», — вздохнул он.

Промокший до нитки М., шеф английской службы информации, вошел в свой кабинет. И только когда за ним закрылась дверь, он вытащил голубой шелковый платок и вытер лицо. Ни за что на свете он не сделал бы этого на глазах у лифтера или портье. Затем, вновь обретая достойный вид, он сел за письменный стол и нажал кнопку интерфона.

— Я пришел, мисс Манипенни, — сказал он. — Принесите последние сообщения и свяжите меня с сэром Джеймсом Молони. В это время он должен быть в госпитале Сент-Мэри. И еще. Я приму 007 через полчаса. Но до этого вам необходимо принести мне досье Стренжвейза.

М. услышал металлическое «Хорошо, шеф» и отпустил кнопку.

Затем, по давно заведенному обычаю, достал трубку и принялся ее набивать. Когда вошла секретарша, он не поднял головы и даже не взглянул на полдюжины депеш, которые она старательно разложила на столе. Он прекрасно знал; что если бы произошло нечто необычное, его уведомили бы еще ночью. Один из телефонов загудел.

— Это вы, сэр Джеймс?.. Не могли бы вы уделить мне пять минут?

На другом конце провода послышался легкий смехок:

— Могу даже шесть. Что случилось? Хотите, чтобы я обследовал одного из министров Ее Величества, который вызывает у вас подозрения?

— Речь не об этом, — ответил М. без тени улыбки.

Он принадлежал к старой школе и не любил шуток подобного рода. Впрочем, продолжил он весьма вежливо:

— Мне бы хотелось узнать ваше мнение по поводу одного из наших сотрудников, не будем называть его имя, который вчера вышел из госпиталя. Вы понимаете, о ком я говорю?

Последовала короткая пауза.

— Прекрасно понимаю, — сказал наконец сэр Джеймс. Голос его зазвучал с профессиональным бесстрашием.

— Физически парень в отличной форме, — продолжил он. — Раны на ноге полностью зажили. Откровенно говоря, я считаю, что он еще легко отделался. Но если вы собираетесь поручить ему какое-нибудь новое дело, я бы вас попросил его побережь. У него все-таки было нелегкое испытание.

— За это ему и платят, — проворчал М.. — Так я не понял, он здоров или нет?

— Дорогой мой, — ответил сэр Джеймс. — Это довольно сложный вопрос. Боль, ее действие, порог, границы еще мало изучены. Очень трудно измерить страдания женщины при родах или мужчины — при почечных коликах. Слава Богу, человеческое тело невероятно выносливо. Но не заблуждайтесь, ваш агент действительно испытал адские мучения. Конечно, у него ничего не сломано, но если быть точным...

— Ладно, ладно, — с целомудренной стыдливостью проговорил М..

Что бы там ни было, Бонд совершил ошибку и, естественно, за это поплатился. И не сэру Джеймсу Молони учить М., как руководить своими агентами. Ему показалось, что в голосе знаменитого врача звучал легкий урек...

— Кстати, сэр Джеймс, вы когда-нибудь слышали о некоем докторе Питере Стейнкране?

— Нет, не доводилось.

— Это американский медик. Он недавно опубликовал работу о сопротивляемости человеческого организма. Среди всего прочего я обнаружил там список частей тела, без которых человек теоретически может обойтись. Я его переписал дословно. Зачитываю: желчный пузырь, селезенка, миндалины, аппендикс, одно из двух легких, одна почка, две пятых крови, две пятых печени, большая часть желудка, 1 м 25 см кишечника и половина мозга. Что вы на это скажете?

— Я удивляюсь, — ответил сэр Джеймс ледяным тоном, — что ваш автор не включил в список обе ноги и обе руки. По-моему, все это чушь. Но куда вы клоните и что пытаетесь доказать?

— Просто подтверждаю, что наш приятель легко отделался. На самом деле, — продолжил он как можно более твердо, — у меня не было намерений поручать ему какое-либо сложное дело. Напротив, я хочу предложить ему поездку на курорт. На Ямайке исчезли двое наших агентов. Мужчина и женщина. Все указывает на то, что они скрылись вместе. Но мне нужны доказательства. Теперь убедились — не слишком трудная задача.

— В таком случае, я не возражаю, — сказал сэр Джеймс. — Не подумайте, что я

суюсь не в свое дело, но человеческая смелость имеет свои пределы. Я знаю, парни, которыми вы руководите, не из слабаков. Но не думаю, что вам будет приятно увидеть, как кто-то из них сломается. Тот, о котором мы говорим, силен и вынослив. Я уверен, он еще долго проработает для вас. Но вспомните, что Моран говорит о бесстрашии.

— Не помню.

— Он говорит, что бесстрашие, как капитал — чем больше расходуешь, тем меньше остается. А наш приятель транжирит этот капитал, начиная с войны. Подумайте об этом. Он еще настоящий боец, но всему есть предел.

— Правильно, — отрезал М., решив на этом завершить обсуждение. — Я посылаю его на Ямайку погреться на солнышке. Не волнуйтесь. Кстати, вы выяснили, чем его отравила эта русская?

— Вчера я получил результаты анализа, — сказал сэр Джеймс, тоже весьма довольный переменной темы.

У старины М. характер капризной, чем погода. Сумел ли он правильно понять?

— На это у нас ушло три месяца. По части ядов русским можно доверять. Они обязательно придумают такой составчик, о котором никто и не слыхивал. На этот раз речь шла о фугу. Научное название — Тетродоксин. Его выделяют из молок одной японской рыбы. Сами японцы часто используют его при самоубийствах. Этот состав по своему действию немного напоминает яд кураре. Сначала — паралич нервной системы. Потом парализуются мышцы моторно-двигательного и дыхательного аппаратов. У человека двоится в глазах, потом он просто не может их открыть. Затем отказывают дыхательные мышцы, голова откидывается и начинается паралич органов дыхания.

— Если я правильно понял, Бонд остался жив только чудом?

— Да, это на самом деле так. Он выжил благодаря одному французу, который находился рядом. Тот его немедленно уложил и стал делать искусственное дыхание до прихода врача. Вторым чудом было то, что этот доктор в свое время практиковал в Южной Америке и хорошо знал действие яда кураре. Один шанс из миллиона, что все это совпало... Кстати, а что стало с русской?

— Она умерла, — ответил М. своим самым сладчайшим голосом. — Ну ладно, сэр Джеймс, я бесконечно вам благодарен. И не волнуйтесь. Я не буду перегружать вашего пациента. До свидания.

Сказав это, он повесил трубку и принялся за лежащие на столе бумаги. Скоро перед ним осталась лишь бежевая папка с красной звездочкой «совершенно секретно». На обложке стояли крупные буквы «КАРИБЫ», а чуть пониже было подписано «Стренжвейз и Трублад».

На интерфоне зажглась лампочка.

— Пришел 007, шеф, — прозвучал голос мисс Манипенни.

— Пусть войдет. И вызовите ко мне, пожалуйста, минут через пять главного эксперта по оружию.

М. выпрямился и раскурил трубку. Он не отводил внимательного, безжалостного взгляда от двери.

Джеймс Бонд вошел и сел.

— Добрый день, 007, — сказал М. сухо.

— Здравствуйте, шеф, — ответил Бонд.

Молчание. М. яростно тянул трубку. Бонд казался совершенно спокойным. Но как долго он ждал и боялся этого момента! В течение долгих месяцев, пока его перевозили из больницы в больницу, в течение нескончаемых недель выздоровления, пока он вновь и вновь тренировал ослабшее тело, он думал только о том мгновении, когда снова сядет напротив М.. Это будет означать, что он опять стал человеком.

Холодные серые глаза М. разглядывали его без тени снисхождения. Зачем он вызвал его? Чтобы устроить выволочку по поводу ошибки, едва не ставшей роковой? Или, хуже того, собирается перевести Бонда на работу в контору, забыв обо всех его прошлых заслугах?

«Но может быть... может быть, — говорил себе Бонд, — шеф приготовил для него какое-нибудь стоящее задание, которое поможет ему снова проявить себя асом секретной службы?»

М. откинулся на спинку кресла и наконец заговорил:

— Как вы себя чувствуете? Рады встрече?

— Очень рад, шеф. И чувствую себя отлично.

— Что вы думаете по поводу последнего дела? Мне не хотелось бы показаться надоедливым, но, как вам известно, я предпринял некоторое расследование. Впрочем, начальник главного штаба уже получил ваши свидетельские показания. Хотите что-нибудь добавить?

Интонации М. Бонду не понравились. Сухой, деловой тон, не предвещающий ничего хорошего. Однако, он прямо ответил:

— Мне нечего сказать, шеф. Во всем случившемся виноват только я.

М. медленно наклонился вперед и обеими руками оперся на стол. Взгляд его был жестким.

— Это совпадает с моим мнением, — проговорил он пугающе мягким голосом. — Если я правильно помню, ваш пистолет дал осечку. Это была «Беретта» с глушителем, так? Агент с индексом 00 не имеет права на подобную оплошность. Если, конечно, он не собирается менять профессию...

Бонд окаменел. Для агента право носить 00 является высшей честью и означает риск и опасность, то есть те вещи, которые Бонд по-настоящему любил. Вопрос М. прозвучал, как пощечина. Но Бонд сдержался.

— Это не входит в мои планы, шеф, — коротко ответил он.

— В таком случае, — продолжал М., — вам необходимо полностью сменить оружие. Впрочем, это не только мое мнение. Так же решила и комиссия по расследованию.

На этот раз Бонд возразил:

— Я привык к своему пистолету. Он мне подходит, и я его люблю. Любое другое оружие как и «Беретта» могло дать осечку.

— Комиссия по расследованию считает иначе. Но хватит спорить. Нам остается решить, каким оружием вы будете пользоваться в дальнейшем.

М. наклонился к интерфону.

— Будьте добры, пригласите эксперта.

И, повернувшись к Бонду, добавил:

— Майор Ботроуд — лучший в мире специалист по оружию мелкого калибра. Поэтому я его и пригласил. Послушаем, что он нам скажет.

Эксперт вошел и сел. Это был худой маленький человечек со светло-серыми глазами и белесыми волосами.

— Прежде всего, — обратился к нему М., — мне бы хотелось услышать ваше мнение о «Беретте» 25 калибра.

— Дамский пистолетик, шеф, — уронил человек, едва разжав губы.

— Что вы имеете в виду? — спросил М., глядя на Бонда с убийственной иронией.

— Тугой взвод, но потом палит без передышки. К тому же, он красив и очень нравится женщинам.

— А если использовать глушитель?

— Еще хуже, — ответил эксперт с некоторым раздражением. — Когда выхватываешь пистолет, глушитель может запутаться в одежде. Нет, подобное

сочетание я бы никому не посоветовал. Особенно в делах серьезных.

М. добродушно улыбнулся Бонду.

— У вас есть какие-нибудь возражения?

— Да, я не согласен, — упрямо проговорил Бонд. — Я пользуюсь «Береттой» уже пятнадцать лет и не имел повода жаловаться. Конечно, я пробовал оружие и покрупнее; например. Кольт 45 калибра с длинным стволом. Но для ближнего боя «Беретта» с ее небольшими размерами просто незаменима. Да и для дальнего — тоже. Все дело в глушителе, я уверен. К сожалению, мы вынуждены иногда им пользоваться.

— Результат нам уже известен, — сухо произнес М.. Но потом, смягчившись, добавил:

— Не сомневаюсь, что вы легко привыкните к другому оружию. Впрочем, с этим все ясно. Будьте добры, встаньте. Я бы хотел, чтобы наш эксперт до принятия решения посмотрел на ваше телосложение.

Бонд неохотно поднялся. Ботроуд внимательно его оглядел. Пощупал мускулы, потрогал запястья. Потом спросил холодным профессиональным тоном:

— Могу я взглянуть на ваш пистолет?

Бонд откинул полу пиджака и достал «Беретту» со спиленным стволом. Ботроуд взвесил ее на ладони, тщательно осмотрел и положил на стол.

— Кобуру и ремень тоже, прошу вас.

В напряженной тишине Бонд покорно стащил пиджак, отстегнул замшевый ремень и кобуру. Взглянув на них, Ботроуд с саркастической улыбкой бросил все это на стол.

— Думаю, мы сможем подобрать кое-что получше.

Таким же тоном с Бондом разговаривал портной, у которого он шил свой первый костюм. Бонд снова сел. Он перестал с раздраженным видом изучать потолок и перевел бесстрастный взгляд на М..

— И что же вы предлагаете? — спросил последний.

Майор Ботроуд перешел на тон человека, хорошо знающего свое дело.

— Вы знаете, шеф, — сказал он скромно. — Я сам испытал большинство автоматических пистолетов мелкого калибра — пять тысяч выстрелов с двадцати метров. И наиболее подходящим считаю «Вальтер ППК» 7,65 мм. Он занимает всего лишь четвертое место после японского «М14», русского «Токарева» и «М38 Зауэра». Мне нравится его мягкий спуск. Специальная форма магазина делает его очень удобным. Думаю, 007 он подойдет. Это действенное оружие. Конечно, калибр 32 потяжелее «Беретты-25», но более легкого пистолета не подобрать. К тому же патроны для «Вальтера» продаются во всем мире. Что выгодно отличает его от русского и японского оружия.

М. повернулся к Бонду.

— Есть вопросы?

— Пистолет хорош, — признал Бонд, — хотя и не такой изящный, как «Беретта». А как я буду его носить?

— В кобуре «Бернс Мартэн», — без колебания ответил Ботроуд. — Из нее вы сможете достать пистолет намного быстрее, чем из этого хлама.

Он презрительно мотнул головой в сторону стола.

— В среднем 3/5 секунды, чтобы попасть в человека с 10 метров. По-моему, неплохо?

— Ну что ж, — сказал М., — вопрос решен. А как с оружием крупного калибра?

— Наиболее подходящим мне кажется «Смит и Вессон» 38, — безапелляционно произнес Ботроуд. — На пистолете ни единого выступа, он не зацепится за одежду и весит не более 350 грамм. Чтобы не утяжелять, придется ограничиться пятью патронами. Но когда их используешь, — добавил Ботроуд, — это, как минимум, один

труп. Со стандартными патронами у этого оружия невероятная мощь. Существуют разные длины ствола и...

— Во всем полагаюсь на вас, — быстро прервал его М.. — Итак, «Вальтер» и «Смит и Вессон». Будьте любезны, пришлите нам их немедленно. 007 должен за неделю натренироваться до совершенства. Спасибо большое. Я вас больше не задерживаю.

Эксперт кивнул и бесшумно вышел. Возникло молчание. Бонд с грустью думал, что его пятнадцатилетний союз с «Береттой» подходит к концу. Сколько раз этот холодный кусочек металла спасал ему жизнь? Он вспоминал, как вечерами, сидя в гостиничных номерах в любом уголке земного шара, он доставал «Беретту», разбирал ее на детали, чистил и смазывал в ожидании переделки. Бонд, к своему удивлению, почувствовал себя расстроенным.

— Мне очень неприятно, Джеймс, — прозвучал низкий голос М.. — Я знаю, как вы привязались к своей «Беретте». Но в нашем деле и так слишком много риска.

— Я знаю, — ответил Бонд с извиняющейся улыбкой.

— У меня для вас есть дело, — продолжил М.. — Расследование на Ямайке. Там одновременно исчезли два наших агента. Любовная история. По крайней мере, это кажется наиболее вероятным. Ничего серьезного. Солнце пойдет вам на пользу. Поупражняйтесь с новым оружием на морских черепахах. Настоящий отпуск! Что скажете?

Бонд с горечью подумал: «И это все, что он может предложить? Да, похоже, после провала он мне не доверяет». Он сказал:

— Прекрасная мысль. Правда, в последнее время я привык к делам посерьезнее. Но надо — значит, надо. Если вы приказываете...

— Да, — ответил М., — приказываю.

3

Начало темнеть. Погода еще больше ухудшилась. М. зажег настольную лампу. В свете желтого абажура обтянутый кожей стол принял кроваво-красный оттенок.

М. подвинул Бонду большую папку, на обложке которой тот прочел «Стренжвейз — Трублад». Что случилось со Стренжвейзом? И кто такая Трублад? М. нажал на кнопку.

Словно для того, чтобы ответить не безмолвные вопросы Бонда, в кабинет вошел начальник штаба, полковник, примерно одного возраста с Бондом. Его обязанности были весьма нелегкими, и только крепкое телосложение и хорошее чувство юмора спасали его от нервных срывов. Он был одним из лучших друзей Бонда. Они приветливо улыбнулись друг другу. М. обратился к вошедшему:

— Я только что передал Бонду дело Стренжвейза. Он выяснит, что произошло, и все это время будет выполнять функции главного тамошнего агента. Послушайте, Бонд, вы ведь, кажется, работали со Стренжвейзом лет пять назад? Что вы можете о нем сказать?

— Отличный парень, — просто ответил Бонд. — Но я думал, что его перевели куда-нибудь в другое место. Пять лет в тропиках — это слишком!

М. пропустил замечание мимо ушей.

— А его подручную Мэри Трублад вы знали?

— Нет, шеф.

— Отзывы о ней великолепные. И, судя по фотографиям, очень хорошенькая. Может быть, в этом ключ ко всей истории. Как по-вашему, Стренжвейз интересовался женщинами?

— Вполне возможно, — сказал Бонд, подумав при этом о себе. — Но что с ним все-таки произошло?

— Именно это вам и предстоит выяснить. Ровно три недели назад Джон Стренжвейз и Мэри Трублад пропали. Исчезли в один вечер, оставив после себя только горку пепла. Бунгало Стренжвейза, сборники кодов, досье, передатчик — все сгорело. Девушка не забрала ничего из своих вещей, даже паспорт. Но это еще ни о чем не говорит: Стренжвейз легко мог достать ей другой. Они могли улететь самолетом во Флориду или Южную Америку. Полиция проверяет списки пассажиров. Результатов — ноль. Но, учитывая эффективность работы этой конторы, я не удивляюсь. Возможно, ничего так и не обнаружится.

Начальник главного штаба нахмурился и повернулся к Бонду:

— Не могу не отметить: в этой истории есть одна странная деталь. Я имею в виду их последний радио-контакт с нами. В 18:30 они, как обычно, вышли на связь с Лондоном. Служба безопасности сработала четко: сообщили, что передавала Мэри Трублад. Потом связь внезапно прервалась. Никакого ответа ни на «синий», ни на «красный» вызовы. На следующий день секция № 3 послала туда агента из Вашингтона. Он виделся с губернатором. Тот был в курсе. Бунгало само загореться не могло. К тому же, за Стренжвейзом уже числились любовные истории. Хотя можно ли его за это осуждать? На Ямайке совершенно нечего делать. Губернатор, вашингтонский агент и местная полиция заключили, что Стренжвейз и Мэри Трублад сбежали вместе. Дело закрыли.

Начальник штаба извиняющимся тоном обратился к М.:

— Я знаю, вы склоняетесь к тому же мнению, но у меня все равно остается неуверенность. Прежде всего, из-за последней радиосвязи, которая не стыкуется со всем остальным. Во-вторых, потому что все друзья Стренжвейза дали одинаковые показания: 18:15 он вышел из клуба, как делал это каждый вечер, заказав всем выпивку и пообещав вернуться через двадцать минут. Все подтвердили, что он выглядел совершенно нормально, не нервничал и не торопился. И начиная с этого момента, он буквально испарился. Даже не сел в машину. Она осталась стоять у клуба. Если он решил бежать с девушкой, то почему бы ему не уехать утром? Или еще лучше ночью, после передачи нам ежедневного рапорта?

— Позволю себе заметить, — проворчал М., — что влюбленные часто ведут себя по-идиотски. И к тому же, другого объяснения пока нет. На Ямайке уже лет пять не происходит ничего серьезного. После вашего последнего дела, Бонд. Время от времени на остров пытаются пролезть кое-какие кубинские коммунисты. Там прячутся отдельные английские уголовники, наивно считая себя в безопасности. Вот, пожалуй, и все. Что вы об этом думаете, Бонд?

— Не верю, — четко проговорил Бонд. — Не верю, чтобы Стренжвейз мог все бросить ради женщины. Возможно, у них с секретаршей и была интрижка, но он не из тех людей, которые путают дело и удовольствие. А главное, Стренжвейз любил свою работу. Нет, он не мог сбежать, это невероятно.

— В таком случае, какие вы можете предложить объяснения? — с легким раздражением спросил М.. И медленно принялся набивать трубку. Эта история начинала ему надоедать. Он ненавидел путаницу и всякие любовные дела. Похоже, Бонд со своим расследованием может зайти в тупик. Но Бонд придерживался другого мнения. Он хорошо знал Стренжвейза и решил его защитить.

— Чем занимался Стренжвейз в последнее время? — спросил он.

— Абсолютно ничего интересного, — ответил М., повернувшись за подтверждением к начальнику главного штаба.

— Точно, — отреагировал тот. — Не считая дурацкой истории с птицами...

— Ах да, — сказал М. с глубочайшим презрением, — ну это уже из компетенции зоопарков. Морское ведомство подсуло нам эту историю, по-моему, недель шесть назад.

— Именно так, — подтвердил начальник штаба. — Американское общество

Одюбон по охране исчезающих птиц пожаловалось нашему послу в Вашингтоне. Министерство иностранных дел переслало жалобу в Морское ведомство, а те перекинули ее нам.

Это общество Одюбон — могущественная организация. Ему даже удалось перенести в другое место центр атомных испытаний, мешавший какой-то птичке откладывать яйца.

— Ну хватит об этом, — передернул плечами М..

Но Бонд не был удовлетворен.

— А что оно хочет от нас, это общество Одюбон? — поинтересовался он.

Трубка в зубах М. угрожающе закачалась. Он протянул папку начальнику главного штаба.

— Держите. Здесь все. Объясните ему.

— Двадцатого января мы переслали дело Стренжвейзу. Он подтвердил получение. И после этого полное молчание. В двух словах, речь идет о разновидности розовых фламинго, несколько лет назад находившихся на грани уничтожения. Только у берегов Флориды еще оставалось незначительное количество. И вдруг выясняется, что обнаружена большая колония этих птиц, гнездящаяся на крошечном островке Крэб Ки, расположенном между Кубой и Ямайкой. Он принадлежал Ямайке и, следовательно, являлся британской территорией. Раньше на нем добывали гуано [птичий помет], но из-за низкого качества добыча прекратилась. Уже лет пятьдесят остров оставался необитаемым. Общество Одюбон сняло часть территории и устроило там своеобразный заповедник для редких птиц. На остров отправили двух охранников и изменили маршруты проходящих там авиалиний. Количество птиц стало быстро расти. По последним данным с Крэб Ки оно достигло пяти тысяч.

Потом началась война. Цены на гуано резко подскочили, и какой-то тип решил купить остров и начать разработки. Он снюхался с правительством Ямайки, и те согласились, при условии, что это не отразится на птицах из ведомства Одюбон. Это произошло в 1943 году. Новый владелец привез дешевую рабочую силу и стал заколачивать бешеные деньги. Но потом цены на гуано опять упали, и бедняга едва смог свести концы с концами.

— Кто этот человек? — спросил Бонд.

— Один китаец. Или, точнее, полукитаец-полунемец. У него еще такое забавное имя — доктор Джулиус Но.

— Но, эН-О?

— Именно так.

— Что еще о нем известно?

— В общем-то мало. Он живет очень замкнуто. После заключения договора с правительством Ямайки нигде не появляется. Между Крэб Ки и другими островами нет сообщения. Это его остров, и он хочет жить там в полном покое. Он говорит, что гуано может вытеснить птиц. И это, конечно, правильно. До последнего Рождества мы, практически, не имели с ним никаких контактов.

— А как сейчас?

— Одному охраннику из ведомства Одюбон удалось доплыть на лодке до северного побережья Ямайки. Это был огромный барбадосец, невероятно сильный и выносливый — настоящая скала. Все его тело покрывали глубокие раны, и через несколько дней он умер, успев, однако, рассказать невообразимую историю. На лагерь охранников напал дракон, изрыгающий огонь. Он убил его товарища, спалил лагерь и принялся уничтожать птиц. Бедняга, конечно, помешался. В общество Одюбон было послано сообщение, и те немедленно отправили на Крэб Ки самолет с двумя важными шишками для расследования. На острове есть посадочная площадка. Доктор Но пользуется самолетом для пополнения запасов продовольствия.

— Американцам действительно больше некуда деньги девать, кроме как на этих чертовых птиц! — раздраженно воскликнул М..

Бонд с большим трудом удержался от улыбки.

— В любом случае, беднякам не повезло. Самолет разбился при посадке. В живых не осталось никого.

Новое несчастье заставило мирное общество Одюбон прибегнуть к более серьезным средствам. На этот раз, для выяснения отношений с проклятым доктором Но к острову был послан эсминец. Я говорю о таких деталях, чтобы показать вам возможности, которыми располагают эти любители фауны.

Капитан эсминца был встречен доктором Но с величайшей любезностью. Ему показали остов сгоревшего самолета. Ничего подозрительного. Тела двух пассажиров и пилота были заботливо захоронены доктором Но. Он торжественно передал эти останки капитану, чрезвычайно польщенному теплым приемом.

Капитан также захотел осмотреть лагерь охранников. Его туда отвели. По словам доктора Но, ребята просто спятили от жары и одиночества. Один спалил лагерь, а заодно и своего товарища. Объяснения показались капитану весьма правдоподобными, когда он увидел забытое Богом и людьми болото, на котором охранники прожили почти десять лет.

Так как больше смотреть было не на что, капитана галантно проводили на корабль. На этом история могла и закончиться, если бы капитан на свою голову не рассказал, что заметил на острове совсем немного птиц. Общество Одюбон впало в настоящую истерику и потребовало от нас более скрупулезного расследования. Для этого дело и передали Стренжвейзу.

М. бросил на Бонда тяжелый, укоризненный взгляд.

— Видите, — сказал он, — стоило ли огород городить? Кучка старых маразматичек основывает общество по охране летучих рыб или миниатюр восемнадцатого века, и начинаются неприятности. Этих дам ничего не остановит. У них есть и деньги, и связи. Если понадобится, они обратятся к самому Господу Вседержителю. И наступает момент, когда приходится принимать меры для их успокоения. И все это сваливается мне на голову, ведь речь идет о британской территории. А так как остров — еще и частная собственность, никто официально вмешиваться не желает. Что им всем от меня надо?! Чтобы я послал подводную лодку выяснить, что произошло с выводком розовых аистов?

М. в ярости затряс головой, потом агрессивно добавил:

— Таково последнее дело Стренжвейза. Надеюсь, вам в общих чертах все понятно? У меня сегодня еще очень много дел.

Бонд встал.

— Я бы хотел забрать папку. Здесь много непонятного. В той или иной связи с этими птицами уже погибли четыре человека. Кроме того, мы еще не знаем, что стало со Стренжвейзом и Мэри Трублад. Может, это лишь абсурдное совпадение, но начинать нам больше не с чего.

— Берите, берите, — нетерпеливо сказал М.. — Отправляйтесь на курорт и возвращайтесь как можно быстрее. Все это — такая путаница. Я на вас надеюсь.

Бонд забрал папку и протянул руку к лежащей на столе «Беретте».

— Нет, это оставьте здесь, — резко остановил его М.. — Лучше как следует поупражняйтесь со своим новым оружием. В конце недели увидимся.

Бонд в упор взглянул на М.. Впервые в жизни он почувствовал к нему настоящую ненависть. Он прекрасно знал, почему М. ведет себя с ним так оскорбительно. Но не слишком ли это суровое наказание? Ведь Бонд и так едва не погиб во время последнего задания. А М. еще издевается, посылая его погреться на солнышке.

В глубине души Бонд понимал, что это так называемое «дело», эта увеселительная поездка в большей степени должна послужить для его унижения.

Старая обезьяна!

Вне себя от ярости, но с улыбкой на лице, Бонд попрощался с высоким начальством и вышел, пробормотав:

— Птицы — вот что меня всегда интересовало.

4

Самолет пошел на снижение. Внизу, на расстоянии нескольких тысяч километров, показалось зелено-коричневое шахматное поле — Куба. Самолет стал медленно разворачиваться в сторону Ямайки. Бонд наблюдал, как в иллюминаторе вырастает огромный зеленый остров, похожий на черепаший панцирь. Если вокруг Кубы океан был густо-синим, то здесь из-за подводных рифов он становился бледно-голубым, почти молочным. Индейцы аравак называли остров «Ксаймака» — страна рек и холмов. Что верно, то верно: внизу словно натянули голубую сеть из ручьев и рек. Как она прекрасна, эта земля, и как богата!

Склоны Голубых гор уже погрузились в фиолетовую тень. В Кингстоне один за другим вспыхивали огни. Долину и аэропорт еще освещали последние лучи солнца. Монотонно мигал маяк в Порт Руаяль.

Самолет плавно пошел на посадку. На несколько секунд он, казалось, окунулся в золотое море догорающего солнца, а потом мягко коснулся земли и побежал по посадочной полосе.

Стоило Бонду выйти из самолета, как его окутал хорошо знакомый влажный тропический воздух. Он понял, что еще не успев дойти до таможни, совершенно промокнет. В паспорте значилась профессия «экспортер-импортер».

— Какую кампанию представляете, мистер? — вежливо осведомился служащий.

— «Универсал Экспорт», — ответил Бонд, не задумываясь.

— Вы здесь по работе?

— Нет, только для отдыха.

— Желаю удачи, мистер, — сказал служащий и вернул паспорт.

Первым, кого Бонд увидел у таможни, был высокий смуглый мужчина, небрежно опирающийся на перегородку. На нем была все та же вылинявшая рубашка и, видимо, те же брюки хаки, что и пять лет назад, когда Бонд встретился с ним впервые.

— Куоррел! — позвал Бонд.

Смуглое лицо за перегородкой расплылось в широчайшей улыбке. Мужчина помахал рукой в знак приветствия.

— Все в порядке, кэп? — спросил он радостно.

— Отлично, — сказал Бонд. — Надо только получить чемодан, и можем ехать. Ты на машине?

— Конечно, кэп.

Таможенный офицер, который, как и все на острове, прекрасно знал Куоррела, заговорщически подмигнул Бонду и протянул чемодан, даже не открывая.

Бонд дружески сжал крепкую, мозолистую ладонь Куоррела. Он взглянул в его темно-серые глаза, унаследованные, наверняка, от какого-нибудь предка пирата.

— Ты не изменился, Куоррел, — сказал он. — Что черепахи? Хороший улов?

— Когда да, когда нет. Как обычно.

Куоррел вдруг нахмурился и принялся строго разглядывать Бонда.

— Вы болели, кэп?

— Да, было дело, — ответил он. — Но я уже давно на ногах. А почему ты спросил?

У Куоррела появился смущенный, несчастный вид. Он боялся огорчить своего дорогого кэпа, как он звал Бонда.

— Да так, извините. Я просто хорошо знаю ваше лицо.

— Мне пришлось несладко, — признался Бонд. — И я пока далеко не в лучшей форме. Так что мне будут нужны твои тренировки, как в прошлый раз.

Болтая, они направились к машине. Неожиданно рядом сверкнула фотовспышка.

К ним приблизилась очаровательная китаянка в ямайском костюме, с фотоаппаратом на шее и листком бумаги в руках. Загадочно улыбаясь, она обратилась к ним:

— Спасибо, господа. Я — фоторепортер из «Дейли Глинер». Вы — мистер Бонд, не так ли? Сколько времени собираетесь пробыть на острове?

Бонд едва смог скрыть раздражение. Хорошенькое начало!

— Я здесь проездом, — коротко ответил он. — Уверен, что для вас найдутся более интересные пассажиры.

— Не думаю, мистер Бонд, — сказала девушка с лукавой улыбкой. — Могу ли я узнать, в каком отеле вы собираетесь остановиться?

«Черт бы ее побрал!» — выругался про себя Бонд.

— В «Миртл Бэнк», — сказал он.

— Большое спасибо, мистер Бонд, — прозвенел нежный голосок. — Желаю удачи.

Подойдя к стоянке, Бонд подозрительно спросил Куоррела:

— Скажи, ты уже видел ее в аэропорту?

Куоррел наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Потом помотал головой.

— По-моему, нет, кэп. Но в «Глинере» полно таких девчонок.

Бонд задумался. С чего бы это газеты стали охотиться за его фотографией? Он не был на острове уже пять лет, да и в те времена пресса им не интересовалась.

Они подошли к машине. Это был черный «санбим». Увидев номер, Бонд вздрогнул. Этого только не хватало! Автомобиль Стренжвейза!

— Где ты взял эту машину? — спросил он спокойно.

— В гараже других не было. А чем она плоха?

— Да нет, все в порядке, — покорно ответил Бонд.

— Поехали.

Куоррел сел за руль. Бонд продолжал размышлять. Черт возьми, и как это он сам не догадался позаботиться о машине! А теперь попробуй поработай незаметно с такой визитной карточкой.

По обеим сторонам дороги росли огромные кактусы. Вдалеке уже сиял золотыми огнями Кингстон. В жарком воздухе плыли тропические ароматы. Но Бонд ничего не замечал. Он злился на самого себя. В телеграмме он просил губернатора острова отыскать Куоррела, с которым работал пять лет назад. Крепкий парень с Кайманских островов [Кайманская дуга — цепь островов в Карибском море] и весьма ценный проводник — здесь немало мест, куда Бонд без Куоррела даже не сунулся бы. Всеобщий любимец, надежный спутник и отличный моряк. Бонд знал, что без помощи Куоррела его миссия на этом острове обречена на неудачу.

Он заранее заказал номер с душем в отеле «Голубые горы» и попросил, чтобы ему подготовили машину. На ней-то Куоррел и приехал за ним в аэропорт.

Бонд вздохнул. Надо было добираться в отель на такси и только потом встречаться в Куоррелом. Тогда он, увидев «санбим», смог бы его поменять.

Теперь же дело выглядело так, словно он каждому встречному-поперечному сообщил о целях своего визита. Остается еще только увидеть в «Глинере» свою физиономию с подписью. Бонд был профессионалом и не мог не знать что первые промахи в деле самые опасные — потом их не возможно исправить. Они заставляют противника действовать первым и могут привести к провалу.

Но есть ли противник? Бонд повернулся на сидении. Метрах в ста позади, в темноте слабо светились фары. На Ямайке все водители включают фары на полную

мощность. Бонд наклонился к Куоррелу:

— Сейчас подъедем к развилке. Левая дорога — на Кингстон, правая — на Моран. Сверни направо, выключи фары и остановись. Понял? Действуй.

— Ясно, кэп, — радостно сказал Куоррел. Опять в его жизни начинались приключения.

Мотор взревел, и они резко рванулись вперед. Задняя машина скрылась из вида. Доехав до развилки, Куоррел совершил великолепный поворот и остановился на обочине. Почти тотчас же послышался шум мощного мотора. На огромной скорости мимо проехала машина с включенными фарами. Несомненно, искали «санбим». Автомобиль свернул на кингстонское шоссе. Бонд успел заметить, что это было такси американской марки. За рулем — шофер, пассажиров нет.

Еще минут десять они не двигались. Потом Бонд обратился к Куоррелу:

— Можешь ехать в Кингстон. Они, конечно, преследовали именно нас. Такси пустым из аэропорта не поедет. Слишком накладно. В любом случае, надо быть начеку. Может, мы их не провели, и они сейчас где-нибудь затаились.

— Будьте спокойны, кэп, я не подведу, — сказал Куоррел, потирая руки.

Вскоре они влились в поток кингстонских машин. В толчее автобусов, автомобилей, повозок и тяжело нагруженных осликов трудно было понять, есть ли за ними слежка. Через четверть часа они выехали на Джанкин-роуд, главную магистраль острова. И вскоре заметили огромную зеленую неоновую пальму и надпись «Голубые горы. ОТЕЛЬ для вас». У входа росли аккуратно подстриженные кусты.

Куоррел вошел, следом за ним — Бонд.

В этот момент метрах в пятидесяти от гостиницы черное такси развернулось и исчезло за холмом.

Отель «Голубые горы» оказался заведением со всеми современными удобствами и старинными традициями. Бонда встретили с особым вниманием, ведь о его приезде предупредили прямо из губернаторского дворца Кинг Хауз.

Ему отвели просторный угловой номер с балконом, откуда виднелись сверкавшие вдали огни кингстонской долины.

Млея от наслаждения, Бонд залез под холодный душ и минут пять обливал вспотевшее от тропической жары тело. Затем перешел к более серьезным делам и заказал двойной джин-тоник и зеленый лимон. Разрезал лимон пополам, опустил в бокал и добавил несколько кубиков льда. Критически взглянул на приготовленный напиток, попробовал его и, вполне довольный результатом, вышел с бокалом на балкон.

Он простоял там довольно долго, сладострастно вдыхая вечерний воздух и предаваясь приятным размышлениям. Итак, он здесь, вдали от Лондона, вдали от госпиталя. Он с нежностью вспомнил об М. и улыбнулся. Этот старый краб небось и впрямь думает, что отправил его на курорт. Но чутье подсказывало Бонду — дело предстоит серьезное и трудное, вполне в его вкусе.

Четверть восьмого. Куоррел никогда не опаздывает. Они собирались поужинать вместе. Куоррел долго чесал в затылке и, наконец, предложил кабачок на берегу моря, «Бато-Лавуар».

— Хозяин — мой приятель. Его зовут Ники-Спрут, потому что один раз он дрался с огромным спрутом. Едва не отдал Богу душу. Кухня там хорошая, вино еще лучше, да и музыка имеется.

Улыбка Куоррела ясно говорила, что о лучшем нечего и мечтать.

Бонд надел белую рубашку и легкий темно-синий костюм. Во избежание всяких сюрпризов проверил «Вальтер», убедился, что его не видно под пиджаком, и

спустился вниз.

Куоррел уже ждал в машине. Они не спеша поехали вдоль порта, миновали два-три дорогих ресторана и несколько ночных клубов, откуда выглядывали аппетитные красотики. Дальше начинался бедняцкий район. Дорога сворачивала. Бонд заметил желтую неоновую вывеску в форме испанского галеона — «Бато-Лавуар». Они прошли в небольшой пальмовый садик, за которым виднелся песчаный пляж и океан. Под пальмами стояли столики, а чуть подальше Бонд различил пустую танцевальную площадку. Трое негров наигрывали вариации на тему «Парень, увези ее на Ямайку, здесь отличный ром».

Половина столиков была свободна, за остальными сидели, в основном, негры. Кроме них были еще английские и американские матросы с девушками.

Огромный чернокожий толстяк в смокинге, увидев двух новых клиентов, вскочил и бросился им навстречу.

— Да это же мистер Куоррел! — воскликнул он. — Сейчас организуем отличный столик на двоих.

— Привет, Ники-Спрут, — с улыбкой поздоровался Куоррел. — Выбери нам местечко поближе к кухне и подальше от музыки.

Толстяк хохотнул.

— Что желаете? — спросил он.

Бонд попросил джин-тоник с лимоном, Куоррел выбрал пиво. Потом они заказали холодного омара и бифштекс с овощами.

Трио снова заиграло. Вечерний бриз шумел в пальмовых листьях. В нескольких метрах глухо плескались морские волны.

— Здесь хорошо, — заметил Бонд.

— Он просто молодчага, этот Ники-Спрут, — довольно сказал Куоррел. — Тоже кайманец, как я. Ему известно все, что происходит в Кингстоне. Но вы не беспокойтесь. В свое время у нас с ним было небольшое суденышко. И ему взбрело в голову отправиться на Крэб Ки. Хотел насобирать бакланьих яиц, а наткнулся на спрута. Настоящее чудовище! Они сцепились, и гадина продырявила Ники легкое. Тут он малость струхнул и, вернувшись в Кингстон, продал мне свою половину судна. Это было еще до войны. Теперь он богачей. А я все еще ловлю черепах.

Куоррел грустно развел руками.

— А что это за Крэб Ки? — безразлично поинтересовался Бонд.

Куоррел бросил на него быстрый взгляд.

— Паршивое местечко, кэп, — ответил он просто.

— Почему?

— Его купил во время войны один китаец. Из-за гуано. Навез туда кучу людей. И с тех пор о них ни слуху, ни духу. Сгинули. Этот остров, как могила, — закончил он мрачно.

— Даже так? — насмешливо спросил Бонд.

— Там охрана с автоматами. И радар. И самолет. Кое-кто из моих друзей пытался туда пробраться. Больше я их не встречал. Честно, кэп, от этого острова надо держаться подальше.

Официант принес омаров. За едой Бонд рассказал Куорреллу о деле Стренжвейза. Тот внимательно его слушал, время от времени уточняя детали. Когда Бонд дошел до птиц на Крэб Ки, Куоррел нахмурился, что являлось у него признаком глубочайшего внимания. Потом он узнал о последних словах охранника их общества Одюбон, и его серые глаза превратились в узкие щелочки. Бонд описал взрыв самолета при посадке.

Куоррел отодвинул тарелку и ладонью вытер губы.

— Слушайте, кэп, — сказал он, наклонившись к Бонду, — я не знаю, кто водится на этом чертовом острове — птицы, бабочки или пчелы. Но готов поспорить на

последний доллар, что любой, кому захочется сунуть туда нос, живым от китайца не уйдет.

— Почему ты так думаешь?

Куоррел развел руками.

— Все очень просто. Китаец никого к себе не пускает. Он убил моих друзей и всех остальных, кто приближался к острову. Он — важная шишка. И прикончит каждого, кто встанет у него на пути.

— В самом деле?

— Точно, конечно, не известно. Всякие ходят слухи. Но, не сомневайтесь, с ним шутки плохи.

Вспышка. Бонд резко обернулся. В тени пальмы стояла маленькая китайка с аэродрома. Она была одета в черное сатиновое сари, разрезанное сбоку до самого бедра. На шее по-прежнему болтался фотоаппарат. На губах — лукавая улыбка.

— Приведи мне эту девчонку, — сказал Бонд Куоррелу.

Куоррел неторопливо поднялся.

— Привет, красотка, — произнес он негромко и вытянул руку.

Девушка провела язычком по губам и взялась за руку.

Куоррела. Тогда он крутанул ее, как в танце, и, не разжимая пальцев, сильно прижал к себе.

— Осторожней, мне больно! — воскликнула девушка.

— Ну что вы, — отозвался Куоррел с добродушной улыбкой.

Ее кошачьи глаза на побледневшем лице засверкали от ярости.

— Немедленно отпустите меня, — прошипела она.

— А куда торопиться? — заметил Куоррел. — Пойдем к нам, выпьем по стаканчику. И не стоит волноваться.

В обнимку они подошли к сидящему за столиком Бонду. Куоррел по-прежнему сжимал руку китайки. Они уселись, как влюбленная парочка.

— Добрый вечер, — галантно поздоровался Бонд. — Похоже, если вас не остановить, мое изображение заполнит все страницы «Глинера».

— Сегодня вечером я обхожу бары, — объяснила девушка самым искренним тоном. — Первый снимок вышел плохо. Надо переделать. Вот и все. Не могли бы вы попросить этого господина меня отпустить?

— Вы работаете на «Глинер», — сказал Бонд, пропустив ее слова мимо ушей. — Как вас зовут?

— Не ваше дело.

Бонд подал Куоррелу знак, и тот принялся неторопливо выкручивать ей руку. Девушка кусала губы и молчала. Куоррел поднажал.

Она сдавленно вскрикнула, потом сказала:

— Ладно. Меня зовут Анабелла Чанг.

Ее глаза метали молнии.

— Прелестное имя, — заметил Бонд.

И обратился к Куоррелу:

— Позови хозяина.

Свободной рукой Куоррел взял вилку и постучал ею по рюмке. Тотчас подбежал толстяк.

— Вы когда-нибудь видели эту девушку?

— Да, — ответил тот. — А что, пристаёт? Хотите, я выброшу ее вон?

— Ну зачем же, — отказался Бонд. — Она очаровательна. Я только попрошу Вас позвонить в «Глинер» и узнать, работает ли она сегодня вечером для газеты. Если, конечно, у них вообще числится фоторепортер Анабелла Чанг.

— Сию минуту, — сказал Ники-Спрут и исчез.

— Почему Вы не позвали хозяина на помощь? — любезно осведомился Бонд.

Девушка бросила на него злобный взгляд и не ответила.

— Я в отчаянии, что нам пришлось применить силу, — сказал Бонд, — но хотелось бы узнать, зачем Вам так нужна моя карточка. Отвечайте.

— Я уже отвечала, — раздраженно бросила она. — Я выполняю свою работу. Вернулся запыхавшийся Ники.

— Точно, — сказал он. — У них есть Анабелла Чанг. Но она работает самостоятельно, и газета покупает лишь то, что представляет для нее интерес. Сказали, что девчонка отлично фотографирует.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Но и это не объясняет, зачем ей нужно мое фото. Хватит, шутки кончились. Отвечайте.

Их взгляды встретились. В ее глазах Бон прочел презрение.

— Никогда, — произнесла она медленно.

— Ну что ж. Действуй, Куоррел.

Правое плечо Куоррела незаметно опустилось. Девушка изогнулась на стуле. Она попыталась придвинуться к Куоррелу поближе, чтобы уменьшить боль. Но тот резко оттолкнул ее свободной рукой.

Она посмотрела прямо ему в глаза и плюнула. Куоррел улыбнулся, словно оценив удачную шутку, и продолжал выкручивать ей руку.

В дикой ярости девушка принялась бить ногой по ножке стола. Но внезапно замерла. По ее лицу пробежала струйка пота.

— Говорите же, — мягко сказал Бонд. — Отвечайте на вопрос, и Вас отпустят.

Он подумал о руке девушки, которая вот-вот сломается. Девушка забормотала какие-то китайские слова. И вдруг собрав оставшиеся силы, левой рукой бросила Куоррелу что-то в лицо. Бонд не успел ее остановить. Раздался взрыв и звон разбитого стекла. Девушка кинула в него фотовспышкой, едва не угодив в глаз.

Куоррел провел рукой по щеке, и ладонь его тут же наполнилась кровью.

— Черт! — сказал он коротко.

В этом ругательстве не было ни тени злости. Только восхищение, даже какое-то чувственное удовольствие. Он повернулся к Бонду.

— От нее ничего не добьешься, кэп. Кремень, а не девка. Может, ей руку сломать?

— Не стоит, — поспешил ответить Бонд. Пусть идет.

И все-таки он кое-что узнал. Человек, который стоит за Анабеллой Чанг — крепкий орешек. Он хорошо знает, кого использовать. Девчонка ничего бы не сказала, это ясно.

Куоррел все еще держал ее за руку. Он приподнял ее повыше.

— Вы меня задели, — сказал он. — Теперь моя очередь.

Его серые глаза неотрывно смотрели на китаянку. Он нащупан на ее ладони нежный выпуклый треугольник возле большого пальца, называемый холмом Венеры, и принялся его выдирать и выкручивать. Бонд заметил, как стальные пальцы Куоррела побелели от напряжения.

Девушка истошно завопила. Куоррел удвоил усилия, потом выпустил ее руку.

Анабелла Чанг вскочила, словно пронзенная электрическим разрядом. Прижимая к груди помертвевшую руку, она взглянула на них сверкающими от ненависти глазами.

— Подонки, — прошипела она. — Вы у меня еще попляшете!

Фотоаппарат качнулся у нее на шее, и она убежала.

Куоррел добродушно расхохотался. Потом взял со стола салфетку и осторожно промокнул щеку.

— Моя щека зарубцуется скорей, чем ее ладошка! — сказал он лукаво.

Он перевел мечтательный взгляд на Бонда:

— Такой огромный холм Венеры, как у этой девчонки, увидишь нечасто. В

постели она, наверное, сущий черт. Нет вернее знака. Вы в курсе, кэп?

— Нет, — ответил Бонд.

— Ее рука долго еще будет болеть. Но ничего серьезного.

Он вздохнул.

— Надо будет познакомиться с малышкой поближе, чтобы проверить мою теорию.

Оркестр заиграл «Налей рома своему мужчине».

Бонд посоветовал Куоррелу:

— Поверь мне, старина, — женись-ка ты поскорей и оставь ее в покое. Иначе рано или поздно заработаешь нож в спину. А сейчас пора возвращаться. Спать ляжем и так поздно, а силы нам еще, судя по всему, пригодятся. К тому же, тебе надо побыстрее перевязать щеку. Позови хозяина.

— И все-таки, какая красивая, чертовка, — сказал Куоррел и постучал вилкой по бокалу.

5

На следующее утро, пока Бонд завтракал, сидя на балконе, в его ушах еще звучала угроза, брошенная Анабеллой Чанг вместо прощания: «Вы у меня еще попляшете!»

Не зная почему, Бонд теперь был уверен, что Стренжвейз и Мэри Трублад были убиты.

Возможно, они обнаружили важные сведения и, чтобы заставить их замолчать, кто-то убрал их вместе со всеми документами. Этот «кто-то», конечно, знал, что секретная служба обязательно займется расследованием причин исчезновения двух агентов. Непонятным образом таинственный «кто-то» узнал о приезде Бонда. «Кто-то» его сфотографировал и будет за ним следить. Если Бонд станет опасным, «кто-то» не задумываясь его уничтожит. Автомобильная катастрофа, уголовная резня — да мало ли способов безнаказанно убрать человека!

«А как, — спросил себя Бонд, — этот „кто-то“ отреагирует на обращение с его подручной китайкой?» Если Бонд правильно оценил противника, для того это явится открытым объявлением войны.

Поведение Бонда могло привести на мысль, что ему уже что-то известно — возможно, Стренжвейз перед смертью успел послать в центр предварительный рапорт.

После случая с Чанг противник, безусловно, постарается как можно быстрее избавиться от Куоррела, и, конечно, от Бонда.

Бонд закурил первую сигарету. Глядя, как в воздух поднимается тонкая струйка дыма, он думал, что для начала нужно ответить на самый важный вопрос — кто его противник?

Пока вырисовывается только один достойный кандидат: милейший доктор Джулиус Но, полунемец-полукитаец, владеющий Крэб Ки, островом, откуда никто не возвращается. В английских досье о нем никаких сведений. Запрос, досланный в американское ФБР, тоже не дал результатов.

Для Бонда немаловажную роль играла также реакция Куоррела. Бесстрашный моряк, готовый в любую минуту броситься в самые отчаянные авантюры, бледнел от ужаса при одном упоминании Крэб Ки.

Для чего нужна окружающая остров таинственность и строгие меры предосторожности, принимаемые доктором Но? Для охраны гуано? Чушь!

На десять утра у Бонда была назначена встреча с губернатором. Необходимо повидаться также с представителем Колониального управления и получить точные сведения о Крэб Ки и, если удастся, о докторе Но.

В дверь постучали. Вошел Куоррел. На его щеке красовался наклеенный крест-накрест пластырь, делавший его похожим на корсара.

— Доброе утро, кэп. Вы сказали — к восьми тридцати.

— Входи, входи, Куоррел. Нам предстоит тяжелый день. Хочешь позавтракать?

— Спасибо, кэп, я уже ел. Копченая рыба и здоровенный стакан рома.

Бонд восхищенно присвистнул.

— В восемь утра? Неплохо!

— Это так освежает, — скромно сказал Куоррел.

— Сегодня я буду целый день занят, — продолжил Бонд. — Но на это время тебе тоже работы хватит.

— К Вашим услугам, кэп.

— Прежде всего машина. Ее надо поменять. Поедешь в гараж, занимающийся прокатом автомобилей, «Мотта», например, и возьмешь сроком на месяц что-нибудь поновее. Потом погуляешь по набережным, будешь искать двух мужчин, похожих на нас и умеющих водить машину. Купи им такие же, как у нас, костюмы, и скажи, что завтра утром они должны приехать в испанский городок Монтего. Пока пусть поставят «санбим» в гараж Леви. А Леви предупреди по телефону.

У Куоррела азартно заблестели глаза:

— Вы хотите кого-то надуть и выдать их за нас, кэп?

— Именно так. Ты дашь каждому по 16 ливров. И объяснишь им, что я чокнутый американский толстосум, которому в шесть утра в Монтего может понадобится «санбим».

— Положитесь на меня, кэп.

— И еще. Помнишь дом на северном берегу, который мы снимали пять лет назад? Не знаешь, он свободен? Попробуй снять его на месяц. Вот деньги на расходы.

Куоррел удивленно поднял брови, увидев толстую пачку банкнот. Молча взял ее и запихнул под рубашку, поближе к телу.

— Больше ничего, кэп?

— Это все. Но главное, будь осторожен. Каждый раз, когда тебе понадобится куда-нибудь зайти, оставляй машину в стороне. И особенно остерегайся, если заметишь поблизости какого-нибудь китайца. Встречаемся завтра утром в четверть седьмого.

— Понял, кэп, — ответил Куоррел и закрыл за собой дверь.

Через полчаса Бонд вышел из отеля, поймал такси и поехал в Кинг Хауз. В холле он не стал расписываться в журнале для посетителей, а сразу же прошел в приемную. Там его продержали добрых четверть часа, давая почувствовать всю незначительность его особы. Наконец секретарь соизволил провести его на второй этаж, в святая святых.

В кабинете губернатора плавал дым гаванской сигары. На огромном столе стояла ваза со свежими цветами, и лежали номера «Дейли Глинер» и «Таймс Уикли».

Губернатору на вид было лет шестьдесят. Он сидел, положив на стол холеные руки. Увидев посетителя, не встал и не улыбнулся, только проговорил утомленным голосом:

— Садитесь, прошу Вас, мистер... мм... Бонд, если не ошибаюсь.

Бонд был готов к подобному ледяному приему. Один из друзей в Лондоне его предупреждал. Губернатор почти достиг пенсионного возраста. Несколько месяцев терпения, и он получит в Лондоне пост генерального директора или главного администратора. А пока его девизом было: «Никаких историй, никаких неприятностей». Приход Бонда, однако, не предвещал ничего тревожного.

— Вы хотели со мной увидеться? — спросил он более любезным тоном.

— Совершенно верно, — ответил Бонд. — Я хотел встретиться с Вами, как

только прилетел. Я здесь по делу Стренжвейза. Впрочем, вы, вероятно, получили об этом сообщение от государственного секретаря.

Это был изящный способ дать губернатору понять, что Бонда не так просто сбить с толку.

— Получил, — высокомерно проронил представитель Ее Величества. — Но чем я могу Вам помочь? Мы уже во всем разобрались.

— Разобрались? И что же выяснили? — поинтересовался Бонд, изобразив на лице невинное удивление.

— Все совершенно ясно, — ответил губернатор терпеливым тоном, каким разговаривают с несколько туповатым собеседником. — Стренжвейз закрутил любовную интрижку, это понятно с первого взгляда. Некоторые из ваших... мм... коллег просто голову теряют, завидев какую-нибудь юбку.

Бонд, вне всякого сомнения, тоже был отнесен к этой порочной категории людей. Надутый старикашка продолжал:

— С ним это случается не впервые. Что, замечу в скобках, очень дурно отражается на авторитете нашего государства, мистер мм... Бонд. Я был бы рад узнать, что в следующий раз ваше начальство пришлет сюда кого-нибудь посерьезнее. По-моему, это просто необходимо. А что касается дела Стренжвейза, тут я во всем доверяю вашей доблестной полиции.

Бонд любезно улыбнулся.

— Непременно сообщу ваше мнение по возвращении в Лондон, — сказал он. — Мой непосредственный шеф, несомненно, им заинтересуется. Да и министр обороны с государственным секретарем тоже. Может быть, вы хотите еще чего-нибудь передать? С удовольствием помогу вам в этом. Кстати, я тоже целиком и полностью доверяю комиссару полиции Ямайки.

Губернатор поднял на Бонда подозрительный взгляд. Да, этот парень не прост. С ним надо поосторожнее.

— Дорогой мистер Бонд, сказал он. — Это ведь всего лишь дружеский обмен мнениями. Вы, наверное, захотите еще с кем-нибудь встретиться, пока будете на острове?

— Я бы хотел встретиться с представителем Колониального управления.

— А что именно вас интересует? — озабоченно спросил губернатор.

— Речь идет о птицах с Крэб Ки. Это дело нам передали из Колониального управления. Мне нужны некоторые уточнения.

— Чудесно, чудесно, — сказал губернатор с видимым облегчением. — Я попрошу господина Плейдл-Смита незамедлительно вас принять. И, поверьте мне, дело Стренжвейза разъяснится само собой. Увидите, скоро оба они вернутся.

Он встал и церемонно протянул Бонду руку.

— Ну что же, всего доброго, мой друг. Рад был с вами познакомиться. Сам я никогда не был на Крэб Ки, но это, наверняка, очень милый уголок.

— Ничуть не сомневаюсь, — ответил Бонд, представив себе выражение лица Куоррела, если бы тот услышал подобную оценку. И тихо закрыл за собой дверь.

— Юный прохвост, — процедил сквозь зубы губернатор Ямайки.

Принимавший Бонда представитель Колониального управления оказался рослым парнем с жесткими волосами и глазами нашкодившего ребенка. Он принадлежал к числу заядлых курильщиков трубок, которые постоянно донимают своих близких просьбами найти их кисет или спички. На протяжении трех минут разговора он занимался подобными поисками, шаря в ящиках стола, и только после этого немного успокоился.

— Бонд... Бонд... — произнес он задумчиво. — Я где-то слышал это имя. Ах, да, вспомнил! Ведь это вы занимались делом о сокровищах четыре-пять лет назад! Потрясающая авантюра. Хорошо бы вы снова внесли в нашу жизнь хоть немного

оживления. Что за страна! Они говорят только о федерации и самоопределении, а сами даже не могут наладить работу общественного транспорта! А расовая проблема! Знаете ли, друг мой, между малайцем с прямыми волосами и малайцем с курчавой шевелюрой больше разницы, чем между мной и моей чернокожей кухаркой. Вот такие дела!

— Но скажите, чем я все-таки могу быть вам полезен? Это, наверняка, интересней, чем все эти идиотские дела, которыми забит мой стол.

Бонд улыбнулся. Похоже, он нашел себе одного союзника на этом острове.

— Я приехал, — начал он, — чтобы разобраться в деле Стренжвейза. Но, прежде всего, могу ли я задать вам один странный вопрос? При каких обстоятельствах вы наткнулись на дело, которым я занимался? Может, им кто-нибудь интересовался? Я не хочу показаться нескромным, но любопытно было бы узнать.

— Такая уж у вас профессия, — сказал Плейдл-Смит с симпатией. — Дайте подумать... Ага, помню! Я увидел досье на столе моей секретарши. Она только недавно устроилась на это место и теперь пытается во всем разобраться. Хотя должен заметить, что на столе лежала целая куча папок, и вашу я раскрыл случайно, наугад. Вот и все.

— Благодарю вас, — сказал Бонд. — Не сердитесь, но стоило мне прилететь, как слишком много людей заинтересовались моими планами и намерениями. Теперь к делу: Я хотел бы с вами поговорить о Крэб Ки. Что Вы знаете о докторе Но, о гуано?

— О гуано я мог бы рассказывать вам часами, бедняга! — рассмеялся Плейдл-Смит. — Я начинал работать в Перу, и все время встречался там с людьми из Административной компании гуано. Можете себе представить! А что касается доктора Но, то мы сейчас попросим его досье.

Он позвонил. За спиной Бонда открылась дверь.

— Мисс Торо, — сказал Плейдл-Смит, — принесите, пожалуйста, досье на Крэб Ки. Хотя, подождите, их там два: одно о продаже острова, другое о предсмертных показаниях охранника. Мисс Лонгфеллоу знает, где их найти.

— Хорошо, шеф, — прозвучал мелодичный голосок, и дверь закрылась.

— Итак, вернемся к гуано, — продолжил Плейдл-Смит. — Оно образуется из птичьего помета. На Крэб Ки, в частности, из помета зеленых бакланов. Они поглощают тонны хамсы и перерабатывают ее в гуано. Вот, в двух словах, и вся технология. Так возникают гуановые острова. И если Вы вспомните, что процесс непрерывно продолжается, начиная с сотворения мира, то сможете представить себе масштабы: миллионы и миллионы тонн гуано. В середине прошлого века обнаружили, что гуано является уникальным естественным удобрением, содержащим огромное количество нитратов и фосфатов. Тогда целые флотилии устремились к островам и принялись их опустошать. Началась своего рода гуановая лихорадка. Жестокая конкуренция. Соперники, не задумываясь, убивали друг друга. Неизвестные острова держались в страшной тайне.

— А Крэб Ки? — напомнил Бонд.

— Крэб Ки — единственный из гуановых островов, расположенный у северного берега. Но его гуано содержит сравнительно небольшой процент фосфата. Разработки начинались, когда подскочили цены на гуано. Но потом немцы выбросили на рынок химические удобрения. Правительство Перу — страны, владеющей богатейшими запасами гуано — поняло, что оно должно их беречь, а не разбазаривать направо и налево. Оно национализировало гуановую промышленность и принялось разводить птиц. Время все расставило по своим местам, когда выяснилось, что гуано приносит сельскому хозяйству гораздо большую пользу, нежели химические удобрения. Тут снова вспомнили про Крэб Ки. В начале войны один китаец решил купить остров и возобновить разработки. Он привез туда рабочую силу, установил новейшее оборудование и теперь поставляет удобрения

каждый месяц прямиком в Антверпен.

Остров превратился в настоящую крепость. Поползли разные слухи, но еще никто не жаловался.

— А что, Крэб Ки в самом деле так дорого стоит?

— Каждая пара бакланов в год производит гуано на два доллара. Не считая центов. Каждая самка откладывает по три яйца два раза в год. Таким образом, одна пара стоит долларов пятнадцать, а на острове более ста тысяч птиц. По нашим сведениям, цифра верная. Итак, птички стоят полтора миллиона долларов, что само по себе уже немало. Прибавьте стоимость оборудования — еще миллион. Надеюсь, Вы поняли, что эта мерзкая дыра является неплохим состоянием.

Но куда же подевалась моя секретарша с досье на Крэб Ки? Сейчас выясним.

Он нажал на кнопку. Дверь снова открылась.

— Послушайте, мисс Торо, — спросил он раздраженно, — где досье, за которым я Вас послал?

— Мне очень жаль, шеф, — сказал нежный голосок, — но мы нигде не можем их найти. Они исчезли.

— То есть как исчезли?! — разъярился Плейдл-Смит. — Этого не может быть! Кто последний держал их в руках?

— Последним их брал майор Стренжвейз, шеф.

— Но я совершенно точно помню, что он принес их обратно!

— Не знаю, шеф, — сказала секретарша бесстрастно. — Папки на месте, а внутри пусто.

Бонд осторожно повернулся на стуле. Он бросил на девушку быстрый взгляд.

И вздрогнул. Теперь он знал, куда подевались досье на Крэб Ки и каким образом его прошлое дело попало на стол к секретарше. Он понял, откуда в этой истории так много необъяснимых деталей.

Как доктор Но, как Анабелла Чанг, маленькая секретарша с непроницаемым взглядом за стеклами темных очков тоже была китайкой.

6

Плейдл-Смит с Бондом обедали в Королевском клубе. Разговор, естественно, шел о Ямайке.

— Не забывайте, — говорил Плейдл-Смит, попивая кофе, — что житель Ямайки — это одновременное воплощение равнодушия и очарования. Он обладает всеми достоинствами и недостатками ребенка. Он живет на богатейшей земле, но не способен наживать на этом деньги. Он просто не знает, как за это взяться, он слишком ленив.

Потом приходят англичане. Они берут все, что плывет в руки, и обогащаются. Впрочем, за последние двести лет никто из англичан не нажил здесь по-настоящему крупного состояния. Они не задерживаются надолго. Радуются, получив пакет акций, и отбывают.

А вот португальские евреи смогли воспользоваться ситуацией лучше. Они приехали одновременно с англичанами, но, в отличие от них, остались. К несчастью, они очень тщеславны и выбрасывают бешеные суммы на постройку великолепных домов и пышные приемы. Их имена мелькают в колонках светской хроники «Глинера». Деньги они наживают главным образом на роме и табаке. К тому же, они представляют на острове интересы крупных британских фирм, заводов по производству автомобилей, страховых компаний и т.д.

Потом появились сирийцы. У них немалые капиталы, но, к сожалению, нет такой практической сметки, как у евреев. Они владеют большей частью дорогих магазинов и фешенебельных отелей.

И, наконец, остаются китайцы — деловитые, основательные, скрытные. Их колония — наиболее могущественная на Ямайке. В их руках сосредоточены булочные, прачечные и почти все продовольственные магазины. Китайцы не ассимилируются и тщательно оберегают свои традиции. Время от времени, случается, они спутываются с негритянками. Результаты вы можете увидеть в Кингстоне. Так возникает новая, совершенно необычная раса. Ее представители имеют большое влияние на черных, но сами целиком и полностью зависят от китайцев. Как и китайцы, они очень умны, но при этом обладают самыми низкими пороками негров. Эти полукровки могут стать опасными, если за ними не следить. У полиции с ними вечно полно неприятностей.

— Ваша секретарша, — спросил Бонд, — тоже, по-моему, принадлежит к этой расе?

— Так и есть. Работает она просто великолепно. Я взял ее всего полгода назад. Она оказалась самой блестящей из всех кандидаток на место секретаря.

— И что, это сообщество как-то организовано, имеет лидера?

— Пока еще нет. Но скоро, безусловно, они к этому придут. Сейчас же это меньшинство, с которым приходится считаться. Кстати, я вспомнил про историю с досье, — добавил Плейдл-Смит, взглянув на часы. — Неслыханно! Я прекрасно помню...

От растерянности он даже не закончил фразу.

— Впрочем, — продолжил он, — я обязательно во всем разберусь. Пока ясно одно — я ничем не могу вам помочь. Но не расстраивайтесь, в досье не было особо интересных сведений. Этот доктор Но — весьма скрытный субъект. До того, как вмешалось это общество Одюбон, на Ямайке про него вообще не слышали. Что касается самого Крэб Ки, в досье была одна или две карты, сделанные еще до войны, и копия последних топографических измерений. Как мне кажется, этот остров — гиблое место. Километры болот, и на берегу огромная куча гуано.

Услышав подобное описание, Бонд улыбнулся.

— Вы, быть может, хотите, — спросил Плейдл-Смит, — чтобы я дал вам пропуск в Институт? Там-то, конечно, найдется карта Крэб Ки.

— Я бы вас очень попросил, — сказал Бонд.

Через час он уже сидел в темном зале Института. Пахло затхлостью, как обычно в редко проветриваемых помещениях. Перед Бондом лежала карта Крэб Ки, датированная 1910 годом. Он тщательно скопировал ее на листок кальки, любезно предоставленной сотрудником института.

Остров был размером около восьмидесяти квадратных километров. Три четверти занимали болото и неглубокое озеро. Из озера вытекала узкая речушка, мелевшая в песчаной долине на южном побережье. Бонд предположил, что охранники общества Одюбон должны были разбить лагерь недалеко от устья реки. На западной стороне остров заканчивался мысом, длиной более ста пятидесяти метров. Под ним на карте было написано красными чернилами: «Залежи гуано. Разработки прекращены в 1880 году».

Никакого намека на дорогу или хотя бы тропинку. Домов, естественно, тоже нет.

Вот, пожалуй, и вся информация. Остров расположен примерно в пятидесяти километрах от Ямайки, и в ста километрах к югу от Кубы. Океан вокруг Крэб Ки неглубокий, за исключением западного побережья.

Бонд вдруг почувствовал, что совершенно выдохся. Было всего четыре часа дня, но воздух раскалился, как в доменной печи. Рубашка прилипла к телу. Бонд вышел из Института с приятным чувством сделанного дела и остановил такси.

— В отель «Голубые горы», — бросил он.

В холле Куоррел не оставил для него никакой записки.

— Сразу после завтрака вам прислали из Кинг Хауза корзину фруктов.

В голосе молоденькой служащей сквозило уважение.

— Кто ее принес? — спросил Бонд.

— Какой-то цветной. Он сказал, что это от губернатора.

— Благодарю вас, мисс.

Он взял ключ и поднялся наверх, прыгая через две ступеньки. Проверил, заряжен ли пистолет. Возможно, его опасения и смешны, но мало ли что может случиться. Он бесшумно повернул ключ в замочной скважине и ударом ноги распахнул дверь.

Комната была пуста. Он тщательно осмотрел все уголки и потом запер за собой дверь на ключ. На самом видном месте, на столе, возвышалась великолепная корзина, украшенная ленточками и полная фруктов: крупных золотистых мандаринов, грейпфрутов, розоватых бананов, спелых яблок. Наверху даже лежали два апельсиновых брэнчона.

Все это сооружение венчал небольшой конверт. Бонд осторожно вытащил его и вскрыл. На плотном листе бристольской бумаги было написано: «С наилучшими пожеланиями от Его превосходительства губернатора».

— Гмм, — пробормотал Бонд, — это на него не похоже.

Он приподнял корзину и, приложив к ней ухо, прислушался. Ни звука. Тогда он высыпал фрукты на ковер. По-прежнему ничего подозрительного.

Бонд пожал плечами. Столько страхов из-за невинного подарка. Но вдруг он нахмурился. Оставалась еще одна возможность. Он взял золотистый брэнчон, который показался ему наиболее аппетитным, и отнес его в ванную. Положил в раковину и вернулся в комнату. Неторопливо достал чемодан. Тонкий слой талька, который он предусмотрительно насыпал вокруг замочка, сказал ему все, также как и легкие царапинки на коже чемодана. «Эти люди менее осторожны, чем те, с которыми я в свое время сталкивался» — сказал себе Бонд.

Он тщательно проверил содержимое чемодана. Все было на месте. Из специального «ящичка для инструментов» он достал ювелирную лупу. Вставил ее в глаз, вернулся в ванную и зажег свет над раковиной. Потом взял плод двумя пальцами и принялся медленно его поворачивать. Нет, он не ошибся: в золотой кожуре было крошечное отверстие от иглы, заметное только при очень сильном увеличении.

Бонд отложил брэнчон. На лбу у него опять выступили капли пота. Итак, война — война не на жизнь, а на смерть. Он улыбнулся себе в зеркало, но глаза оставались холодными.

Еле слышный сигнал тревоги, который прозвучал у него в мозгу, когда он увидел в аэропорту очаровательную китайночку, его не обманул. Опасность!

Стренжвейз и Мэри Трублад, вне всякого сомнения, были убиты, а документы уничтожены. Эта парочка слишком много знала.

Потом появился Бонд. Благодаря стараниям мисс Таро, секретарши Плейдл-Смита, его уже поджидали. Встреча прошла достойно. Об этом позаботились Анабелла Чанг и шофер пустого такси, который, конечно, следил за Бондом до самого отеля «Голубые горы».

— Что же, господа китайцы, стреляйте первыми!

Ситуация постепенно прояснялась. Их первый удар не попал в цель. Но на них можно положиться — на этом они не остановятся.

Кто же за ними стоит? С этого момента Бонд был готов к встрече и не отказался бы от нее ни за что на свете.

— До скорого свидания, доктор Но, — сказал он.

Потом, не торопясь, вернулся в спальную и внимательно осмотрел с лупой все фрукты. В каждом было маленькое игольное отверстие, старательно замаскированное возле плодоножки.

Бонд позвонил и попросил картонную коробку, веревку и бумагу. Затем соорудил пакет, аккуратно уложил туда фрукты и перевязал. Потом набрал номер Плейдл-Смита.

— Это опять я, — сказал он. — Мне бы хотелось узнать, есть ли в Кингстоне лаборатория для химических анализов... Есть? Прекрасно! Тогда я пошлю вам небольшой пакет. Будьте любезны, отправьте его в лабораторию сами. Мне бы не хотелось, чтобы фигурировало мое имя. Я потом вам объясняю, почему. Когда получите результаты анализов, перешлите их, пожалуйста, мне. Всю неделю я буду в Бо Дезер — это в морганском порту. Мне очень неприятно наводить такую таинственность, но я вам все расскажу при первой же встрече. Огромное спасибо. До свидания.

Бонд спустился, отдал пакет таксисту и прибавил огромные чаевые.

— Передать только в собственные руки, — добавил он.

Было шесть вечера. Бонд принял душ, переоделся и заказал первый бокал. Зазвонил телефон. Это был Куоррел.

— Все в порядке, кэп, — довольно сообщил он.

— Отлично. А как дела с домом?

— Он пустовал. Я все сделал, как вы велели.

— Тогда до завтрашнего утра. Пока.

Да, на Куоррела можно положиться. Он действует умело и скрытно. Бонд вышел на балкон. Садилось солнце. На город и порт напозала темно-фиолетовая тень. В Кингстоне один за другим зажигались огни окон и реклам. В небе проурчал самолет. Вот на таком же летел накануне Бонд. Его взгляд рассеянно скользнул по стене. Сколько всего произошло за сорок восемь часов! М. был бы весьма удивлен, узнай он о ситуации. Бонд все еще слышал брошенное им презрительное словечко «курорт».

У Бонда был передатчик. Может, стоит сообщить обо всем М.? Но сообщить о чем?

«Шеф, этот проклятый доктор Но прислал мне корзину с отравленными фруктами!»

Он представил себе реакцию М.. Тот побагровеет и нажмет на кнопку интерфона. Вызовет начальника главного штаба:

— Наш 007, — скажет он, — окончательно спятил. Утверждает, что ему подсунили ядовитый банан. Как Вам это нравится? Он слишком долго валялся в госпитале из-за отравления. Теперь он ничего не стоит. Немедленно отзовите его обратно.

Бонд иронически поморщился. С некоторыми поправками, все произойдет именно так. Нет, он ничего не будет сообщать. Надо дожидаться более веских доказательств. Конечно, если ситуация обострится, а он не предупредит начальство — не миновать неприятностей.

Бонд выпрямился. Надо быть начеку.

А губернатор? Может, стоит ему позвонить? Но при одном воспоминании о напыщенном старикашке Бонд отказался от этой мысли.

Полужинал он рано. И в девять вечера решил лечь спать. К завтрашнему дню все было готово. Он подвел итоги и попросил коридорного разбудить его в половине шестого.

Он забаррикадировал дверь и для большей безопасности опустил жалюзи. Ночь будет душной — что ж, тем хуже для него. Осторожность прежде всего. Бонд разделся догола и скользнул под прохладную простыню, положив под подушку «Вальтер». Он не любил спать один.

В середине ночи он внезапно проснулся. Светящиеся стрелки показывали три часа утра. Неподвижно вытянувшись, он прислушался. В комнате — ни звука. За окном тоже. Только где-то вдалеке раздавался собачий лай. Он продолжался

несколько минут и прекратился также резко, как и начался. Снова повисла гнетущая тишина. Сквозь опущенные жалюзи пробивался лунный свет. Что же все-таки разбудило Бонда? Он осторожно шевельнулся, готовый сразу же выскочить из постели. И тут же снова замер.

По правой лодыжке что-то ползло. Через некоторое время это «что-то» достигло колена. Бонд почувствовал десятки лапок, царапающих кожу на ноге. Похоже на какое-то насекомое. Бонд решился слегка приподнять голову. Боже правый! Да оно величиной с ладонь!

И тут Бонд услышал звук, которого никогда еще в жизни не слышал. Он отчетливо услышал, как у него на голове дыбом встают волосы. Невероятно! А он-то считал, что так говорится для красного словца, чтобы поразить воображение. И вот теперь испытал это сам:

«Что-то» медленно перемещалось. Вдруг Бонд подумал, что попросту поддался панике. Инстинкт сработал раньше разума. Бонд понял, что по нему ползет ядовитая сколопендра.

Напрягшись, он неподвижно лежал на кровати, обливаясь холодным потом. Но сознание оставалось ясным. Он вспомнил, что однажды уже видел тропическую сколопендру, выставленную в бутылке со спиртом в Британском музее. Насекомое достигало в длину двадцати сантиметров, как и это, у него на ноге. Куча плоских светло-коричневых лапок. По обеим сторонам головки сколопендры Бонд заметил два согнутых усика, на концах которых, как сообщала подпись, содержался яд, убивающий при проникновении в кровь.

Сколопендра пересекла колено и отправилась дальше.

«Что бы ни случилось, — приказал себе Бонд, — не двигаться и не дрожать». Он чувствовал только одно — царапанье двух рядов ножек. Цепляясь, они направлялись к паху, привлеченные теплом. Бонд стиснул зубы. Непреодолимое желание сбросить тварь... Нет, не двигаться, иначе укус неизбежен!

Живот покрылся гусиной кожей. Тут уж Бонд ничего не мог поделать. Но сколопендра продолжала ползти. Она двигалась к груди, цепляясь лапками за мурашки на теле.

— Так, — сказал себе Бонд, — она на сердце. Если сейчас укусит — конец.

Но сколопендра великодушно продолжала свой путь и переползла на правую грудь. Оттуда направилась к шее и замерла.

Что происходит? Насекомое словно что-то ищет, колеблется... возможно, заинтересовано пульсацией сонной артерии. Если бы Бонд мог остановить ток крови! В отчаянии он пытался договориться со сколопендрой, успокоить ее.

«Не бойся, — шептал он про себя, — этот стук для тебя не опасен. Уходи отсюда!»

Словно услышав эти призывы, насекомое снова отправилось в путь. Залезло на подбородок Бонда, пересекло губы и поползло вдоль носа.

«Только не двигаться!» — повторял про себя Бонд. Насекомое быстро миновало глаз, достигло лба и там остановилось. Секунды казались нескончаемыми.

«Господи, что она там делает?!»

Она пила! Пила капельки пота, выступившие на человеческом лбу. Бонд, похолодевший от ужаса, чувствовал, как пот струями заливает его тело и простыню. Он начал дрожать. Сдерживаться больше не было сил. Бонд приоткрыл рот, пытаясь восстановить дыхание. Так, так, спокойствие! Насекомое снова зашевелилось. Заползло в волосы. А если оно там останется? Если ему понравится в этом лесу? Интересно, как спят сколопендры? Лежа? Стоя?

«Выходи оттуда. Уползай!» — в отчаянии передавал мозг Бонда.

Наконец сколопендра решилась и переползла на подушку. Бонд услышал легкое царапанье лапок о ткань. Он сдержался и еще секунду лежал неподвижно. Потом,

снова почувствовал себя свободным, живым, прыгнул с кровати и бросился к выключателю. Его тело била нервная дрожь.

Вспыхнул свет, и Бонд вернулся к постели. Вот она, гадина, во вмятине на подушке! Первым его желанием было отбросить подушку подальше. Но он опять сдержался.

— Спокойно, — прошептал он. — Возьми себя в руки. Торопиться уже некуда.

Снова овладев собой, он осторожно взял подушку за уголок и сбросил ее на пол. Упав на ковер, сколопендра попыталась уползти. Бонд огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Ботинок — это то, что нужно.

Он почувствовал, что опасность позади, и уже задумывался, как насекомое могло попасть к нему в кровать. Он медленно поднял ботинок и ударил им по полу. Раздался хруст.

Сколопендра извивалась в предсмертной агонии.

Бонд ударил еще раз.

Теперь на ковре осталось только желтоватое пятно.

Бонд отбросил ботинок и кинулся в ванную.

Руки дрожали, по лицу струился пот. Его вырвало.

7

— Послушай, Куоррел, — небрежно спросил Бонд, — на Ямайке много сколопендр?

— Да, иногда попадается эта мерзость, кэп. Могут и убить. Они водятся в старых заброшенных домах, в гнилом дереве. По ночам вылезают. А почему Вы спросили, кэп? Вы видели сколопендру?

Бонд сделал вид, что не расслышал вопроса. Он решил также не посвящать Куоррела в историю с фруктами. Хотя Куоррел и смельчак, но зачем его волновать попусту?

— А могут они заползти в жилой дом? В шкаф, например, или в обувь?

— Никогда в жизни, — решительно ответил Куоррел. — Если их, конечно, не сунут туда нарочно. Эти дряни не любят чистоты. Они прячутся в дырах и щелях. Вы можете их найти под сгнившими бревнами или камнями. Но в жилом доме — исключено.

— Понятно, — сказал Бонд.

И заговорил на другую тему:

— А что наши двойники? Уехали в «санбиме»?

— Да, кэп. Парни были просто в восторге. Приятная прогулка, да еще за десять ливров, их можно понять! Они очень похожи на нас, только погрязней. Хотя нельзя сказать, — сокрушенно покачал он головой, чтобы они были достойными гражданами. Ничего не поделаешь, я взял то, что смог отыскать. Меня изображает один нищий. А с вами, кэп, еще хуже. Я нашел вам двойника у Бетси.

— Кто такая Бетси?

— Хозяйка самого большого кингстонского борделя. Этот тип занимается у нее регистрацией клиентов.

— Ну, нам выбирать не приходится, — рассмеялся Бонд. — Лишь бы он умел водить машину, остальное — ерунда. Надеюсь, они добрались до Монтего без приключений.

— Не беспокойтесь, кэп. Я таких ребят хорошо знаю. Я им сказал, что если они застрянут по дороге, я тут же сообщая в полицию об угоне автомобиля.

Беспокойство Бонда объяснялось совсем другими причинами. Но он не стал делиться ими со своим верным помощником.

У взятого Куоррелом напрокат маленького «остина» был отличный мотор. Бонд

вел машину, испытывая настоящее удовольствие. На дороге почти никого не было. Время от времени они обгоняли крестьянина с косой на плече, жующего вместо завтрака корень сахарного тростника, или женщину с тяжелой корзиной овощей и фруктов в руке, направляющуюся на базар в Стони Хилл. На голове у нее покоились ботинки, которые она наденет только при входе в деревню.

Мирная патриархальная атмосфера, царящая здесь уже более двух веков.

— Прошу прощения, кэп, — сказал Куоррел, — но не затруднит ли вас посвятить меня в свои дальнейшие планы? Я вчера целый день об этом думал.

— Я и сам пока толком не знаю, — признался Бонд. Как я тебе уже говорил, меня послали на остров выяснить обстоятельства исчезновения двух наших агентов. Местные власти считают, что они вместе сбежали. Но я уверен — их убили.

— Не может быть! — сказал Куоррелл, впрочем, без особого волнения. — Вы что, знаете, кто это сделал?

— Я поразмышлял на досуге, и склонился к мнению, что это — наш милейший доктор Но с Крэб Ки. Стренжвейз сунул нос в его дела и поплатился. Заметь, что пока это всего лишь предположение. Но после моего приезда здесь стали происходить забавные вещи. Поэтому я и послал «санбим» в Монтего, чтобы замести следы. А мы пока спрячемся на несколько дней в Бо Дезер.

— А дальше, кэп?

— Наша первая задача — привести меня в нужную форму. Придется потренироваться, как в прошлый раз. Помнишь?

— Еще бы. Будете в отличной форме, кэп, я отвечаю.

— И вот тут мы с тобой совершим небольшую прогулку на Крэб Ки.

Вместо ответа Куоррелл присвистнул. Потом помрачнел.

— Мы только взглянем на остров и постараемся не встречаться с доктором Но. Я хотел бы увидеть знаменитый заповедник птиц и осмотреть место лагеря охранников из общества Одюбон. Если обнаружится, что дело нечисто, мы туда еще вернемся. И на этот раз с куда большим шумом. Но пока не проведено серьезное расследование, это невозможно. Что скажешь?

Куоррелл закурил сигарету, и, только выпустив большой клуб дыма, высказал свое мнение.

— Я вас очень уважаю, кэп, — проворчал он, — но, по-моему, вы спятили. Хотите, чтобы вас там прикончили, на этом Богом забытом острове?

Бонд, не отрываясь, смотрел на дорогу. Куоррелл бросил на него косой взгляд.

— Ну хорошо, кэп, — сказал он. — Только, знаете, у меня на Кайманах семья. И я бы хотел, — в его голосе послышалось смущение, — я бы хотел перед отъездом застраховать свою жизнь.

Старина Куоррелл! Бонд обнял его одной рукой и взглянул в глаза. На этом суровом лице между бровями пролегла глубокая морщина — верный признак того, что бравый моряк волнуется.

— Договорились, — сказал Бонд. — Завтра же поеду в Порт-Мария и застрахую тебя на приличную сумму. Беру это на себя. А как мы доберемся до острова? На шлюпке?

— Это самое подходящее, — покорно ответил Куоррелл. — Нам нужен спокойный океан и легкий ветер. Дождемся северо-восточного бриза и ночи потемней. К концу недели луна войдет во вторую четверть. Тогда можно и отправляться. Где Вы собираетесь высадиться, кэп?

— На южном берегу. Возле устья реки. По ней мы доберемся до острова. Лагерь охранников наверняка был именно там. К тому же там у нас будет вдоволь пресной воды. Сможем даже рыбку половить.

Куоррелл кивнул без всякого воодушевления.

— Сколько времени мы пробудем на острове, кэп? Мы ведь не сможем взять с

собой много еды. Хлеб, сыр, солонина. И никакого табака, дым может нас выдать. Паршивое место — сплошные болота, да затонувшие деревья.

— Думаю, надо рассчитывать дня на три. Погода может испортиться и задержать нас на одну, а то и на две ночи. Возьмем с собой пару хороших охотничьих ножей и пистолет. Никогда не знаешь, что может случиться.

— Вот это точно, кэп, — подтвердил Куоррел мрачно.

Он опустил голову и до самого Порта-Мария не проронил больше ни слова.

Они пересекли небольшой тихий городишко и поехали вдоль мыса к Морганскому порту. Все вокруг было именно таким, как помнил Бонд: конусообразный столб острова Неожиданностей торчал, как огромный палец, на песке виднелись ряды аккуратно разложенных лодок, рядом поблескивали на солнце груды пустых ракушек. Издалека доносился негромкий шум прибоя, разбивающегося о скалы, которые пять лет назад едва не оказались для Бонда роковыми.

В голове Бонда замелькали воспоминания. Он выехал на узкую дорогу, петлявшую среди плантаций сахарного тростника. Вскоре он заметил развалины бастиона Бо Дезер, возвышавшиеся на береговой скале подобно разбитому кораблю. Куоррел вылез из машины и пошел открывать ворота, ведущие к снятому ими бунгалу. Бонд въехал во двор и остановился за длинным одноэтажным белым зданием.

Все вокруг казалось спокойным и мирным. Бонд обошел дом, пересек газон и увидел океан. Рассеянно посмотрел на него и остановился, вспомнив о Солитэр — раненой, истекающей кровью девушке, которую он спас на острове Неожиданностей. Он никогда не забудет, как шел по газону последние метры, не опуская ее тело, казавшееся невероятно тяжелым)

Интересно, что с ней стало? Где она сейчас?.. Бонд пожал плечами и отогнал это приятное воспоминание.

Была половина девятого. Он занес в дом вещи и переоделся в шорты и сандалии. Куоррел завладел кухней, и вскоре оттуда донесся восхитительный запах поджаренного бекона и свежего кофе. За завтраком они обсудили режим дня. В семь часов подъем, затем час плавания, завтрак, час солнечных ванн, бег на 3 километра, плавание, обед, отдых, солнечные ванны, подводное плавание. Вечером горячая ванна, массаж, потом ужин. В девять — отбой.

Они немедленно принялись за выполнение программы. За эту полную тренировок неделю не произошло никаких событий. Бонд чувствовал себя отлично. И тут пришло сразу два сообщения.

Первое заключалось в нескольких строчках из «Глинера»: черный «санбим» под номером H2473 врезался в грузовик, водитель которого до сих пор не найден... От удара обе машины съехали с дороги и упали в ущелье. Оба пассажира «санбима» — Бен Гиббонс из Кингстона и Джозиян Смит, без определенного места жительства, погибли. Некого мистера Бонда, английского туриста, нанявшего машину, убедительно просят прийти в ближайший полицейский участок.

Бонд сжег газету, чтобы не пугать Куоррела.

В рекордно короткий срок — всего один день — пришла телеграмма от Плейдл-Смита. В ней говорилось следующее:

«Каждый предмет содержал дозу цианистого калия, достаточную, чтобы убить лошадь. Почему бы не подыскать другую овощную лавку? Желаю удачи. Плейдл-Смит.»

Телеграмму Бонд тоже сжег.

Куоррелу легко удалось нанять лодку, на которой они тренировались целых три дня. Она представляла собой грубо обработанный, выдолбленный внутри ствол

гигантского древовидного хлопчатника. Две узких скамеечки, два тяжелых весла, да небольшой грязный парус — вот и все.

— На вид, конечно, не блеск, — сказал Куоррел, — но вы увидите ее в деле. Часов семь-восемь пойдем под парусом. Остаток пути — на веслах, чтоб радар нас не сразу засек.

Погода по-прежнему стояла отличная, и, судя по метеосводкам, изменений не предвиделось. Ночи были темными, хоть глаз выколи. Подготовка проходила очень тщательно. Бонд ходил в старых брюках из черной холстины, темной рубашке и веревочных сандалиях.

Наконец, наступил последний вечер. Бонд был рад снова начать действовать. За это время он выезжал из дому только один раз — чтобы запастись продовольствием и выполнить желание Куоррела, застраховав его жизнь. Бонд даже нервничал от нетерпения — впереди его ждало настоящее приключение. С тайной, с безжалостным противником и физическим напряжением. Именно такое, как он любил. Рядом — надежный спутник, и борьба пойдет за правое дело — что еще нужно мужчине! В глубине души Бонду приятно было думать, что он покажет М., как он понимает отдых на курорте. Это презрительное, унижительное словечко крепко засело у Бонда в голове.

Он вынул оба пистолета и внимательно их оглядел. Конечно, ни один из них не будет ему дороже «Беретты». Но, испытав их во время тренировок, Бонд понял настойчивость М. в вопросе смены оружия. В конце концов он выбрал «Смит и Вессон», более тяжелый и с более дальним радиусом действия. Если на Крэб Ки начнется заваруха, дело вряд ли дойдет до ближнего боя.

Он приладил кобуру к ремню на брюках и взял хороший запас патронов. Пикник? Отлично, но пистолет никогда не помешает.

Потом Бонд вынес в сад бутылку джина, лед и содовую, и с бокалом в руке стал наблюдать за наступлением ночи. Скоро все вокруг окутала непроглядная темнота. Ветер, дувший из глубины острова, казался хорошим предзнаменованием. Около кустов тихонько квакали лягушки. Светлячки уже начали свои причудливые ночные танцы.

Тропическая темнота всегда навевала на Бонда какую-то тоску. К счастью, под рукой было отличное лекарство. Бонд налил себе хороший глоток джина. Он и сам не мог объяснить, почему пьет. Возможно, из-за пятидесяти миль, которые предстоит проплыть по ночному океану? Или от боязни неизвестности? А может, просто чтобы прогнать мысли о таинственном докторе Но? Ну нет, этого наш приятель не дожидается!

Из темноты вынырнул Куоррел. Он возвращался с пляжа.

— Пора, кэп, — сказал он.

Бонд неторопливо допил бокал.

Волны негромко бились о борт лодки. Бонд устроился на передней скамейке, Куоррел сел сзади. Парус, обернутый вокруг мачты, был у него под рукой.

Бонд оттолкнулся веслом от берега. Лодка мягко развернулась, и, направляемая умелой рукой Куоррела, поплыла в пролив между подводными рифами, над которыми поднималась легкая завеса мельчайших брызг. Мужчины принялись слаженно грести. Весла бесшумно входили в воду. Вокруг была крошечная темнота. Их отплытия, конечно, никто не мог заметить.

Задача Бонда заключалась в том, чтобы грести, не останавливаясь, в то время как Куоррел ловко направлял лодку. При выходе из пролива они попали в водоворот. Лавируя между коралловыми зарослями и острыми, как лезвия, рифами, Куоррел и Бонд с силой налегали на весла. Раз десять весло Бонда глухо ударялось о скалу. В какое-то мгновение ему показалось, что лодка вот-вот врежется на огромной скорости в выросший вдруг впереди коралловый массив. Но Куоррел в последний

момент успел его обогнуть.

Трудный участок был позади. Они вышли на глубокую воду.

— Слава Богу, кэп, — облегченно вздохнул Куоррел.

Бонд выпрямился и прекратил грести. Он услышал, как Куоррел разворачивает парус. С легким хлопком парус натянулся, надуваемый ветром. Брызги ударили Бонду в лицо. Воздух посвежел, скоро станет холодно. Бонд съежился, обхватив колени руками. Деревянная скамейка была жесткой и грубой. Похоже, что ночь будет не из приятных, длинная и тяжелая.

Над их головами успокаивающе мерцал Млечный путь. Бонд обернулся. За сгорбленной фигурой Куоррела вырисовывалось огромное темное пятно — Ямайка. Маленькие светящиеся точки, которые он заметил слева, были, наверное, огнями Порта-Мария. Они уже прошли мили две. Скоро позади останется десятая часть пути, потом четверть, половина. Это наступит около полуночи, и тогда настанет очередь Бонда управлять лодкой. Он вздохнул, положил голову на колени и закрыл глаза.

Он, должно быть, незаметно заснул, потому что вдруг очнулся от удара весла о борт лодки. Стрелки на светящемся циферблате показывали четверть первого. Он потянулся, размял затекшее тело и повернулся к Куоррелу.

— Извини, старина, — сказал он. — Тебе надо было растолкать меня пораньше.

Звук собственного голоса показался ему непривычно гулким. В ответ блеснула белая полоска зубов. Куоррел улыбнулся:

— Зато вы отлично выспались, кэп.

Они осторожно поменялись местами. Бонд сел позади. Куоррел заботливо закрепил пеньковый трос руля за крючок. Бонд уточнил курс по Полярной звезде.

Ночь казалась необъятной, бесконечной, океан словно задремал. Плеск волн походил на спокойное дыхание огромного уснувшего существа. Они пересекли фосфоресцирующее пятно. Брызги сверкали, как изумруды. Потом темнота снова мягко окутала смешное утлое суденышко.

Стайка летучих рыб спугнула ночную тишину метрах в десяти от лодки. Потом они снова нырнули, и опять воцарилось безмолвие.

Прошел час. Потом два, три, и вот, наконец, половина пятого утра. Куоррел проснулся.

— Пахнет землей, кэп, — прошептал он.

Темнота впереди сгущалась. Бесформенное пятно перед ними постепенно приняло очертания огромной морской крысы, сзади светила бледная луна. Теперь остров был ясно виден. Слышался отдаленный шум прибоя.

Куоррел и Бонд поднялись, свернули парус и снова взялись за весла. Еще примерно километр, размышлял Бонд, они проплывут незамеченными, слившись с волнами. Никакой радар их не засечет. Самым опасным будет последний километр. Его надо пройти очень быстро — скоро начнет светать.

Теперь и Бонд почувствовал запах земли. Он не был особенно сильным — просто легкое дуновение, которое можно различить только после долгих часов, проведенных в открытом море.

Возле берега волны вспенивались барашками и перехлестывали через борт. Куоррел и Бонд налегли на весла, и пот заструился по их уставшим лицам. Лодка, которая под парусом словно летела по воде, теперь отяжелела и едва двигалась. Плечи Бонда горели, ободранные колени саднили. На руках вздулись мозоли, и весла, казалось, весили целую тонну.

Но земля была близко. Уже виднелось пятно песчаной косы. Шум прибоя перерос в грохот. Вокруг острова высился настоящий заслон из рифов, но, благодаря ловкости Куоррелла, они успешно достигли пролива.

Теперь их подхватило попутное течение. Куоррел придвинулся к самой корме лодки. И вскоре океанская зыбь сменилась спокойной водой.

— Все в порядке! — воскликнул Куоррел. — Мы поднимаемся по реке.

Куоррел направил лодку по ветру, к небольшому скалистому заливу в конце песчаной косы. Бонд спросил себя, почему пляж не сверкает в лунном свете. Лодка уткнулась в берег. Бонд выпрыгнул на песок. И тут же понял. Пляж был черным. Песок под ногами казался мелким и мягким; но на самом деле это была вулканистая лава, за века превратившаяся в пыль. На черном фоне босые ступни Бонда походили на двух белых крабов.

Не теряя ни минуты, они спрятали лодку, предварительно очистив дно от водорослей. Для этого ее пришлось протаскать метров десять до прибрежных деревьев. Здесь они укрыли ее высохшими водорослями и ветками. Куоррел отошел, чтобы полюбоваться работой. Обнаружить лодку было невозможно. Потом он собрал в пучок пальтовые листья и тщательно замел все следы на песке.

Бонд вытер со лба пот.

Светлая полоска на востоке указывала на близость рассвета. Было пять часов утра. Мужчины смертельно устали. Они перекинулись короткими фразами, и Куоррел скрылся среди скал. Бонд расчистил на сухом песке место, скрытое густым кустарником. Убил нескольких притаившихся там крабов и бросил их в болото. Потом, не думая больше ни о каких возможных соседях, растянулся на песке, перевернулся на спину и замер.

Он спал.

8

Бонд лениво открыл глаза. Ощувив под головой мягкий песок, он вспомнил, где находится. Посмотрел на часы. Десять утра. Солнце уже сильно припекало, несмотря на затенявшие лицо широкие листья кустарника. Бонд заметил впереди на песке какую-то тень. Куоррел? Он осторожно раздвинул скрывавшие его ветки. И едва сдержал удивленный возглас. Чтобы удержаться, пришлось глубоко вздохнуть. В светлых глазах Бонда заплясали лукавые огоньки. Перед ним, повернувшись спиной, стояла обнаженная девушка.

Впрочем, она не была совершенно голой. На талии застегнутый широкий кожаный пояс, на правом бедре висит чехол с огромным охотничьим ножом. Пояс только подчеркивал наготу и делал ее еще более восхитительной.

Девушка стояла меньше чем в трех метрах от Бонда и внимательно разглядывала какой-то предмет, лежащий у нее на ладони. У нее была очень красивая спина. Гладкая кожа цвета кофе с молоком блестела, как шелк. Необычайно мускулистая для женщины, спина завершалась очаровательной попкой, крепкой и круглой, как у мальчика. Ноги длинные и стройные. На приподнятой пятке виден светлый участок незагорелой кожи. Значит, она не полукровка. На плечи падают влажные пряди длинных пепельных волос. На лоб сдвинута маска для подводного плавания с зеленой трубкой.

Вся эта сцена, с пустынным пляжем, лазурным морем и юной обнаженной девушкой с длинными мокрыми волосами что-то напомнила Бонду... Венера Ботичелли, вид со спины. Именно она!

Как сюда попала эта девушка? Что она здесь делает? Взгляд Бонда скользнул по пляжу. Песок оказался не черным, как ему показалось вначале, а коричневато-шоколадным. Справа виднелась река. Пляж был совершенно пуст. На песке ничего, кроме кучки розовых ракушек, поблескивающих на солнце. Метрах в десяти слева возвышался скалистый утес, и рядом, на земле, лежала длинная узкая лодка, укрытая в тени камней.

Лодка, вероятно, очень легкая, иначе девушка не смогла бы сама ее вытащить. А может, она не одна?

Однако других следов на песке не было. Возможно, она здесь живет? Или тоже приплыла с Ямайки этой ночью? Маловероятно. Как могла девушка проделать путь в пятьдесят миль по ночному океану, если даже двое таких крепких мужчин, как Бонд и Куоррел, выбились из сил?

В любом случае, чем она может здесь заниматься? Словно чтобы ответить на этот безмолвный вопрос, девушка быстро взмахнула рукой, и на песок у ее ног упали несколько ракушек. Они были ярко-розовые. Такие же, подумал Бонд, какие он уже видел на берегу.

Потом она приблизила ладонь к лицу и стала тихонько насвистывать. В ее голосе слышны были победные нотки. Она насвистывала «Марион» — тягучий мотив, который Бонд, однако, очень любил. Он принялся едва слышно подпевать:

Весь день и всю ночь, Марион,

На горячем песке у воды я тебя поджидал...

Девушка внезапно замерла, испуганно прислушиваясь. Бонд улыбнулся и продолжил припев:

В глубине твоих глаз я могу утонуть,

Запутавшись в сеть твоих длинных волос...

Руки девушки опустились. Она слушала, слегка опустив голову и спрятав лицо во влажных волнах волос.

Наконец она решилась снова тихонько засвистеть, потом нерешительно замолкла. Бонд ответил.

Тогда девушка резко обернулась. Она даже не пыталась скрыть свою наготу. Только закрыла лицо руками.

— Кто здесь? — прошептала она испуганно.

Бонд неторопливо поднялся и вышел из-за кустов. Он развел руки, чтобы показать, что в них ничего нет, и улыбнулся.

— Только я, — сказал он. — Не пугайтесь.

Девушка быстро выхватила нож. Бонд с интересом за ней наблюдал. Он понял, почему она только что машинально прикрыла лицо. Оно было очень красивым, с темно-синими глазами и пушистыми, золотистыми от солнца ресницами. Полные, нежные губы. Серьезное, волевое лицо человека, привыкшего самому за себя постоять. Однако ей, очевидно, не всегда это удавалось — нос у нее был грубо перебит, как у боксера. Бонд испытал настоящий гнев при мысли, что кто-то мог так ударить это нежное, невероятно красивое существо. Именно из-за носа она и закрывала лицо, а не великолепную грудь, упругую и загорелую, как и все тело.

Ее глаза поймали взгляд Бонда и смело его выдержали.

— Кто вы? Что вам здесь надо? — спросила она.

У нее был мягкий, мелодичный акцент жительницы Ямайки. Но голос твердый, привыкший командовать.

— Я англичанин, — сказал Бонд, — и интересуюсь птицами.

— Правда? — спросила она недоверчиво.

Ее рука не отпускала рукоятки ножа.

— И долго вы за мной следите? Как вы сюда попали?

— Это, моя дорогая, долгая история. Сейчас гораздо важнее узнать, кто вы такая.

— Весьма интересная личность. Я приплыла с Ямайки. Собираю ракушки. А вы добирались на лодке?

— Ну конечно.

— И где же она?

— Мы с другом спрятали ее у прибрежных деревьев.

— Но здесь не видно никаких следов.

— Потому что мы их уничтожили. Мы — осторожные люди. В отличие от вас.

Кстати, вы приплыли под парусом?

— Что за вопрос! Конечно, как обычно.

— Тогда о вашем присутствии уже известно. На острове есть радар.

— Им ни разу не удалось меня поймать! — сказала она с вызовом.

Тут она, составив, по-видимому, о Бонде определенное мнение, спрятала нож. Маску со лба она тоже сняла. Голос ее смягчился:

— Как вас зовут?

— Бонд. Джеймс Бонд... А вас?

Вопрос, казалось, застал ее врасплох. Она на секунду задумалась, потом проговорила:

— Ридер.

— Ридер? Но это, вероятно, фамилия? А имя?

— Ханничайлд.

Бонд улыбнулся.

— Что вы нашли в этом смешного? — обиженно спросила она.

— Да нет, ничего... Чудесное имя. Ханничайлд Ридер.

— Все зовут меня просто Ханни.

— Очень рад с вами познакомиться, Ханни.

Это избитая фраза, казалось, напомнила девушке о ее наготе. Она покраснела и неуверенно сказала:

— Мне надо одеться.

И посмотрела на лежащие у ее ног ракушки. Было ясно, что ей очень хочется их унести. Ее глаза выдавали это желание лучше всяких слов.

— Не смейте их трогать, пока я не вернусь! — приказала она строго.

Глаза Бонда заискрились от смеха. Его от души развеселил этот детский вызов, но он вежливо ответил:

— Не беспокойтесь, я их посторожу.

Она снова на него посмотрела, словно сомневаясь в его искренности. Потом махнув рукой, скрылась за скалами.

Бонд сделал несколько шагов и подобрал одну ракушку. Она была еще живой, створки плотно сжаты. Похожа на лиловый камешек. Ракушка показалась Бонду совершенно обыкновенной, и он бросил ее рядом с остальными. Интересно, девушка действительно приехала за ними? Похоже, что да. Но какой невероятный риск — долгое ночное путешествие в полном одиночестве, да еще не менее трудный путь обратно! Да к тому же ей, кажется, известно, что Крэб Ки — опасное место. Разве она не сказала: «Им ни разу не удалось меня поймать?»

Забавная девочка! При мысли о ней Бонд почувствовал теплоту, даже нежность. Он уже забыл о перебитом носе. Но хорошо запомнил глаза, губы, великолепное тело. В ее фигуре, осанке было что-то царственное.

А эта манера нападать! Не раздумывая, она выхватила нож, чтобы защищаться, как дикая самка, защищающая своих детенышей. Откуда она, где живет? Кто ее родители? Она казалась совершенно одинокой. Да, кто она все-таки, эта Ханничайлд Ридер?

За спиной послышались быстрые шаги. Бонд обернулся. На Ханни были надеты какие-то лохмотья — коричневая холщовая рубашка с оторванными рукавами и темная продранная юбка, стянутая на талии кожаным ремнем. На правом боку по-прежнему висел нож. На плече — холщовый мешок.

Она осторожно приблизилась, словно гибкая лесная кошка. Подошла к нему совсем близко и молча принялась собирать ракушки, бросая их в мешок.

— Они редкие? — спросил Бонд.

Она выпрямилась и посмотрела ему в лицо, словно ища следы какой-нибудь задней мысли. Потом, видимо, успокоившись, сказала заговорщицким тоном:

— Обещайте не говорить никому ни слова. Могила?
— Могила! — сказал Бонд с серьезным выражением лица.
— Ну ладно, — сказала она дрожащим от гордости голосом. — Эти ракушки очень редкие! В Майами мне дадут по пять долларов за штуку. Этот вид называется «Элегантная Венера».

Ее глаза блестели от возбуждения. Она доверяла страшную тайну.

— Сегодня утром я обнаружила здесь целую колонию, — она махнула рукой в сторону океана. Потом вдруг снисходительно взглянула на Бонда.

— Вы-то не можете их найти. Они умеют хорошо прятаться. Кроме того, надо нырять на большую глубину. Я бы удивилась, если бы вам это удалось. А я непременно сегодня же обшарю все дно. Если хотите, могу подарить вам несколько штук похуже.

— Благодарю за любезность, — ответил Бонд со смехом. — Но у меня другие планы. Мне совсем не нужны ваши ракушки... Могила! — добавил он, глядя ей в глаза.

Мешок был полон. Она выпрямилась.

— А птицы? — спросила она. — Какие они? За них хорошо платят? Скажите честно, я никому не проболтаюсь. Могила! Меня интересуют только ракушки.

— Ну хорошо, — сказал Бонд. — Это разновидность розовых фламинго, с плоским клювом. Вы видели их здесь?

— Ах, эти! — протянула она с разочарованием. — В свое время их здесь были тысячи. Но теперь почти не осталось. Их спугнули.

Перестав бояться подвоха от этого симпатичного орнитолога, она уселась на песке, обхватив колени загорелыми руками, очень гордая своими познаниями. Бонд прилег рядом, небрежно опираясь на согнутый локоть. Он старался не спугнуть атмосферу пикника, детской дружбы, сообщничества, чтобы попытаться узнать побольше об этой забавной и красивой девушке.

— Не может быть! — сказал он. — И вы знаете, кто их спугнул?

Она нетерпеливо передернула плечами.

— Люди, которые здесь живут... Не знаю, кто они такие, но тут есть один китаец, и он очень не любит птиц. А еще есть дракон... Китаец послал дракона, а тот выпустил пламя и сжег гнезда. Тогда все птицы улетели. Потом еще были два охранника, следившие за птицами. Дракон их тоже убил. По крайней мере, я так думаю.

Создавалось впечатление, что она рассказывает сказку о Синей Бороде и очень в нее верит.

— Этот дракон, какой он? — спросил Бонд. — Вы его видели?

— Да, видела.

Она с трудом сглотнула слюну, борясь с неприятным воспоминанием.

— Я приехала сюда впервые год назад, чтобы насобирать ракушек или хотя бы обойти остров. Но повезло мне только месяц назад, когда я нашла эти, — она похлопала по мешку. — Прежде я находила много других, но не таких редких.

Как раз перед Рождеством я собралась обследовать речку. Поднялась по ней до лагеря охранников. Все было разгромлено. Надвигалась ночь, и я решила там остаться. А посреди ночи проснулась оттого, что надо мной появился дракон. У него были горящие глаза и длиннющий язык. Еще короткие крылья и острый хвост. Сам весь черный, с золотом...

Увидев выражение лица Бонда, Ханни нахмурилась.

— Я его видела! — воскликнула она упрямо. — Ярko светила луна, а он был совсем близко. Громко рычал. И прошел по кустам. Потом увидел гнезда. Выпустил струю огня и сжег всех птиц. Я даже почувствовала запах паленого мяса. Это было ужасно. Страшнее я ничего в жизни не видела.

Она искоса посмотрела на Бонда, потом перевела взгляд на океан.

— Я вижу, — сказала она рассерженно, — вы мне не верите. Вы из этих городских жителей, которые ничему не верят. Фу!

Ее передернуло от отвращения.

— Послушайте, Ханни, — ласково сказал Бонд. — Но драконов не существует! Вы увидели нечто, похожее на дракона. И я спрашиваю себя, что бы это могло быть.

— Почему это вы думаете, что они не существуют?! — запальчиво возразила девушка. На этот раз она разозлилась по-настоящему. — В этой части острова нет ни одной живой души. И здесь прекрасно мог поселиться дракон... И вообще, что вы о них знаете? Что вы понимаете в животных? Я, например, с раннего детства живу среди змей. Одна. Уверена, вам никогда не приходилось видеть, как самка богомола пожирает своего самца... А танец спрута? Вы видели танец спрута? А змея с колокольчиком на шее, которая им трясет, чтобы вас разбудить — такое вы встречали?! Скорпион, убивающий себя собственным жалом — это вы видели? А подводные растения, ночью, вам когда-нибудь попадались? И в тот раз, с драконом, я не ошиблась!

Она замолчала, задыхаясь от возмущения.

— Вы такой же городской тип, как и все остальные. Чего от вас еще ждать!

— Послушайте, Ханни, — терпеливо ответил Бонд. — Вам известны вещи, которых не знаю я. Но не моя вина, что я родился в городе. Мне бы очень хотелось увидеть все, о чем вы говорите. Но жизнь распорядилась иначе. Хотя мне тоже известно не так уж мало. Например...

Бонд запнулся, думая о том, что могло бы заинтересовать юную дикарку. Наконец он продолжил:

— Например, то, что на этот раз китаец не даст вам спокойно уплыть с острова. И мне тоже.

Она удивленно повернулась к нему.

— С чего вы взяли? Не бойтесь. Надо только спрятаться до ночи, а потом улизнуть. Они уже посылали собак и даже самолет, чтобы меня поймать. И остались с носом.

Она вновь с интересом оглядела Бонда.

— Они за вами охотятся? — спросила она.

— Боюсь, что да, — признался Бонд. — Последние километры мы специально плыли на веслах, чтобы радар нас не засек. Но ваш парус он засек наверняка. Думаю, что китаец принял вашу лодку за мою и теперь захочет со мной повидаться... Сейчас я пойду разбужу своего приятеля, и мы вместе подумаем, как нам быть дальше. Моего друга зовут Куоррел. Надеюсь, он вам понравится.

— Мне очень неприятно, что...

Она не закончила фразу.

— Я не могла знать.

— Конечно, — сказал Бонд. — Нам просто не повезло, вот и все. И вам тоже. Вы-то им не нужны. А вот мной, боюсь, они серьезно интересуются.

Куоррел сумел хорошо спрятаться. Бонду понадобилось не меньше пяти минут, чтобы его отыскать. Забравшись в расщелину между скал, он крепко спал. Его смуглое лицо во сне казалось воплощением детской невинности. Бонд негромко свистнул и улыбнулся, увидев, как Куоррел встрепнулся, словно напуганный зверь. Он тут же заметил Бонда и принял виноватый вид.

— Привет, кэп, — сказал он. — Я, кажется, проспал.

Бонд уселся рядом и рассказал о встрече с Ханничайлд Ридер, о ее ракушках и о последствиях, которые им теперь грозили.

— Одиннадцать часов, — закончил он, — и нам необходимо составить новый план действий.

— Я надеюсь, вы не собираетесь тащить девчонку с нами? — с надеждой спросил Куоррел. — Ей там нечего делать.

Он вдруг осекся, поднял голову и прислушался. Бонд затаил дыхание. Куоррел резко вскочил на ноги.

— Быстро, кэп, — негромко бросил он. — Они приближаются.

9

На пляже по-прежнему не было ни души. Только с песка исчезли ракушки Ханничайлд и следы ног. Куоррел все тщательно замел. Мужчины затащили лодку девушки в расщелину между скал и прикрыли ее водорослями.

Куоррел отправился на оконечность мыса, чтобы наблюдать за океаном. Бонд с Ханни поджидали его немного в стороне. Вдруг примерно в полукилометре от берега они заметили катер. Шум мотора едва пробивался сквозь грохот прибоя. Но, судя по всему, это был очень мощный катер.

Плывет ли на борту доктор Но? Решил ли он сам заняться поисками? Нет, маловероятно. Он наверняка поручает такую работу простым охранникам.

Над головой пролетели бакланы. Бонд с интересом следил за птицами. Если верить объяснениям Плейдл-Смита, это, вероятно, разведчики, оправляющиеся на поиски хамсы — любимого бакланьего лакомства. Бонд увидел, как птицы стали описывать круги совсем низко над водой, и наконец, вытянув вперед головки, нырнули, и через долю секунды взлетели с рыбой в клювах.

Бонд почувствовал на плече руку Ханничайлд. Показав на бакланов, она проговорила:

— Вот курочки, которые несут золотые яйца. Главное богатство китайца.

Бонд повернулся к девушке. Она выглядела совершенно беззаботной, ничуть не встревоженной тем, что их могло ожидать. Все происходящее, вероятно, казалось ей своего рода игрой в прятки, а играть она умела неплохо. Бонд от всей души пожелал, чтобы не случилось ничего серьезного.

Теперь уже стали отчетливо видны блестящие на солнце детали катера. Бонд последний раз посмотрел на мирный тихий пляж, затем перевел решительный взгляд на оконечность мыса, откуда неся шум моторов.

Он разглядел восьмиметровую пустую палубу, над которой возвышалась небольшая кабинка с сиреной и радиоантенной на крыше. Через стекло можно было разглядеть фигуру мужчины. Скоро к нему присоединился второй. Оба были неграми, но с довольно светлой кожей, одетые в рубашки и брюки цвета хаки и бейсбольные шапочки с длинными козырьками. В руках у одного был громкоговоритель, перед вторым на треноге стоял автомат.

Человек с громкоговорителем взял бинокль и принялся внимательно оглядывать пляж. Несмотря на шум моторов, можно было расслышать обрывки слов.

Мужчина не торопясь рассматривал пляж и прибрежные скалы. Потом вдруг остановил бинокль как раз на том месте, где укрылись Бонд с Ханничайлд, а затем быстро перевел его на расщелину, где лежала замаскированная лодка девушки. До берега донеслось неразборчивое восклицание. Негр передал бинокль своему напарнику, тот взглянул на берег и утвердительно закивал.

«Похоже, мы обнаружены, — сказал себе Бонд. — Эти ребята знают свое дело».

Он видел направленный прямо на них ствол автомата. Негр поднес ко рту громкоговоритель, и на весь пляж загремел раскатистый металлический голос:

— Слушайте, парни. Выходите, вам не сделают ничего плохого.

«Американский акцент», — отметил Бонд машинально.

— Вас засекли, так что поторапливайтесь, — грохотал громкоговоритель. — Мы видим лодку. Поэтому не стоит придуриваться. Вылезайте живей, руки за голову, и

все будет хорошо.

Наступила тишина. Раздавался лишь мерный шум прибоя, да отдаленные крики бакланов. Рядом слышалось прерывистое дыхание Ханничайлд.

Бонд осторожно коснулся ее руки.

— Двигайтесь поближе ко мне, — сказал он. — Тогда мы не будем для них такой большой мишенью.

Он ощутил рядом теплоту женского тела. Щека Ханни коснулась его плеча.

— Заройтесь в песок, — бросил Бонд. — И как можно глубже.

Он принялся делать то же самое. Всем своим весом вжавшись в песок, он стал зарываться. Девушка последовала его примеру. Чуть-чуть приподняв голову, Бонд снова увидел катер. Негр снова поднял громкоговоритель:

— Ну, как знаете, парни! — яростно прогремел он. — Вас предупреждали, так что не обижайтесь.

Он опустил руку, и сразу раздалась автоматная очередь. Последний раз Бонду приходилось слышать автоматную стрельбу во время заварухи в Арденнах.

«Что и говорить, — подумал он. — От нашей чертовой работенки не помолодеешь».

Пули со свистом ударялись о скалы, поднимали фонтанчики песка. Наконец снова стало тихо.

Высоко в небе кружила стайка испуганных бакланов. Бонд снова взглянул на катер. Мужчины на борту перекинулись несколькими словами. Громкоговоритель снова ожил:

— Ну, ладно. Вам все равно крышка.

Катер описал дугу вдоль пляжа.

— Все в порядке, Ханни, — прошептал Бонд. — Теперь уже недолго осталось.

«Бедная девочка! — думал он. — Все это по нашей вине».

Он едва успел спрятать голову в песок. Автомат снова начал стрелять, на этот раз без предупреждения. Со всех сторон свистели пули. Вокруг падали обломки крошащегося камня. Автомат продолжал свои методичные плевки.

Опять тишина. «Похоже, мы на очереди», — решил Бонд. Он чувствовал, как к нему прижимается дрожащее тело девушки. Бонд успокаивающе обнял ее за хрупкие плечи.

Снова свист пуль. Скрывавшие их кусты прошила автоматная очередь. Вокруг посыпались срезанные ветки. Бонд почувствовал дуновение ветра и подумал, что теперь они совсем на виду. Возможно, кустарник был их единственным прикрытием. Впрочем, сейчас это уже не важно... Стук автомата не прекращался, но огонь перенесся несколько дальше. Потом, наконец стих.

Ханни задыхалась от ужаса.

— Если вы меня еще слышите, парни, — рявкнул громкоговоритель, — то знайте — мы скоро вернемся собирать вас по кусочкам. И на этот раз с собаками... До встречи!

Взревел мотор. Катер обогнул мыс и пошел в западном направлении. Прошло несколько минут. Не было слышно ни звука.

Бонд решил высунуть голову. Впереди расстился пустынный пляж.

Ханни приподняла лицо, на котором были следы слез. Она походила на смертельно перепуганного ребенка.

— Это было ужасно, — с трудом выдавила она. — Что им нужно? Они ведь могли нас убить...

«Именно этого они и добиваются», — подумал Бонд. Он понял, что если Ханничайлд и привыкла сама себя защищать, то только от окружающей природы. Она хорошо знала зверей, насекомых, рыб, фазы луны и приметы. Это ее мир, и она его любит. Но в безжалостном мире людей она беззащитна. Он сказал:

— Успокойтесь, Ханни. Это всего лишь кучка грязных подонков. Они сами нас боятся. Ничего страшного... Им нас не поймать. А вы держались молодцом, получше иного мужчины. А теперь вставайте. Нам надо разыскать Куоррела. И потом, мне кажется, самое время перекусить. Кстати, что вы тут обычно едите, во время ваших экспедиций?

— Чаще всего морских ежей... Еще можно насобирать диких бананов и корней. Я никогда не беру с собой еду.

В нескольких метрах от них показалась голова Куоррела. Он рассматривал лодку Ханничайлд, которая превратилась в решето.

Девушка в отчаянии воскликнула:

— Моя лодка! Как же я теперь вернусь обратно!

— Не расстраивайтесь, мисс, — сочувственно сказал Куоррел. — Кэп даст вам другую. Мы возьмем вас с собой. Возле скал у нас спрятана отличная лодка. Я только что оттуда. Ни одна пуля не задела.

В его голосе чувствовались искренние симпатия и сочувствие. Он лучше Бонда понимал, что может означать для девушки потеря лодки — вероятно, ее единственного достояния.

Он обернулся к Бонду:

— Я же говорил вам, кэп. Эти типы умеют работать. Не надо было с ними связываться. Теперь еще явятся с собаками... Собаки-то полицейские, пинчеры, по-моему... мне ребята рассказывали — этих зверюг здесь не меньше двадцати. Надо решить, что мы будем делать дальше. И не ошибиться.

— Конечно, Куоррел. Но сначала давайте что-нибудь съедим. В любом случае, эти подонки ошибаются, если думают, что они нас напугали. Ни за что на свете не уеду с острова, пока все не осмотрю. А Ханни возьмем с собой.

И продолжил, повернувшись к Ханни:

— Если вы не против, пойдемте с нами. А потом мы отвезем вас на Ямайку.

— Мне кажется, — тихо произнесла Ханни, — что у меня нет другого выхода. То есть, я хочу сказать... Я буду очень рада, если вы возьмете меня с собой. Я вам не помешаю. Только прошу вас, отвезите меня поскорее обратно. Я совсем не хочу больше встречаться с этими типами. Скажите, у вас много времени займут ваши птицы?

— Не очень, — ответил Бонд уклончиво. — Но мне необходимо выяснить, что с ними произошло и почему. Итак, сейчас двенадцать часов. Подождите нас здесь и постарайтесь не оставлять следов. Мы с Куоррелом попытаемся понадежней спрятать лодку. Это сейчас главное.

Через час приготовления закончились. Бонд с Куоррелом набросали в лодку камней и песка и утопили ее в мелком месте под скалами. Все следы за собой они уничтожили. Это не составило никакого труда, так как после обстрела на земле лежал настоящий ковер из опавших листьев и сломанных веток. Затем они выложили провизию и поели; мужчины — с большим аппетитом, Ханни же едва притронулась к еде.

Потом начался тяжелый переход через болото. Стояла невыносимая жара. С северо-востока дул обжигающий ветер.

— И так здесь всегда, — сказал Куоррел. — Не будь ветра, гуано не смогло бы просохнуть.

Бонд порадовался, что его кожа уже достаточно задубела на солнце и не обгорит.

Возле устья реки тянулась широкая песчаная полоса и неглубокое озерцо с застоявшейся водой. Другого выхода не оставалось, пройти можно было только

здесь. Бонд повернулся к девушке:

— Сейчас придется забыть про стыдливость. Оставим рубашки, чтобы не обгореть на солнце. Что касается остального, то советую все снять. Пойдете позади нас.

Не дожидаясь ответа, мужчины скинули брюки. Куоррел свернул их и положил в мешок с провиантом, где лежал и пистолет Бонда.

Вода доходила им до пояса. Озеро сузилось, и на берегу начали появляться деревца. Наконец они дошли до холодной протоки. Река оказалась довольно глубокой и извилистой. Дно покрывал толстый слой ила, и при каждом шаге ноги их погружались в густую жижу. Мелкие рыбешки и креветки щекотали лодыжки. Время от времени приходилось останавливаться и отрывать пиявок.

Но все это было не так страшно. По крайней мере, вблизи воды зной не казался таким невыносимым. Хотя, чем сильнее они удалялись от океана, тем мучительней становился гнилой запах болот. В воздухе разносилась вонь тухлых яиц, характерная для поднимающихся из болота газов. Появились комары, которые тут же набросились на Бонда.

— У вас на коже соль. Похоже, что вы пришли им по вкусу, — подшучивал Куоррел.

Бонд снял рубашку, и намочил ее в реке. Стало немного легче. Но с каждым шагом запах делался все непереносимее.

Деревца поредели. Речка расширилась, дно стало потверже.

— Осторожно, — предупредила Ханни. — Здесь начинается самый опасный отрезок. Километра полтора придется идти прямо на виду. Надо быть внимательней. Потом, перед озером, река опять сузится. — Лагерь охранников стоял на песчаном берегу, совсем рядом.

Они остановились в тени последних деревьев. Ближе к центру острова на реке появились легкие волны. На берегу рос только бамбук — весьма ненадежное укрытие.

Через несколько километров они прошли мимо высокого столба, так называемой гуандры. У ее подножья стояло несколько хижин. К ним зигзагами тянулась серебристая полоска. Конечно, следы грузовика, привозившего гуано на измельчение и сортировку.

Верхушка столба была совершенно белой, и на ней четко выделялись черные точки — вероятно, бакланы. Они походили на вьющихся возле улья пчел.

«Итак, — подумал Бонд, — вот оно, царство доктора Но! Давно я не видел такого унылого местечка».

Он внимательно осмотрел берег между рекой и гуандрой. Это были наслоения мертвых кораллов тускло-серого цвета. Чуть далее виднелась полоска земли, по краям которой росли чахлые кустики. Вероятно, дорога, или взлетная полоса, ведущая к озеру и болотам. Вся растительность клонилась к западу. Бонд на мгновение представил себе, как он жил бы годами, подобно доктору Но, на этом острове, постоянно продуваемом обжигающим ветром, среди тошнотворного запаха болот и гуано. В такое зловещее место, пожалуй, не решились бы отправлять даже каторжников.

На востоке пейзаж был хоть немного поуютней, благодаря зелени деревьев, в которых гнездились стайки бакланов.

— Кэп, вот они, — внезапно сказал Куоррел.

Со стороны хижин по дороге двигался большой грузовик, поднимающий тучи пыли. Они долго за ним следили, пока он не скрылся из вида за деревьями у реки. Издали донесся лай собак.

— Они поехали вдоль берега, кэп, — сказал Куоррел. — Им прекрасно известно, что если мы еще живы, то можем прятаться только здесь. Они прочешут всю реку, это

точно. Я бы, по крайней мере, на их месте поступил именно так.

— Да, они так и делают, когда меня ищут, — подтвердила Ханни. — Но достаточно срезать кусок бамбука. Когда они приближаются, надо нырнуть под воду, дышать через бамбуковую трубочку и ждать, пока они не уедут.

Бонд бросил быстрый взгляд на Куоррела.

— Ты займешься бамбуком. А я пойду поищу место где мы могли бы укрыться. — Он повернулся в сторону затонувших деревьев, стараясь не смотреть на девушку.

— Сейчас не время для стыдливости, — сказала Ханни. — Вы же сами говорили.

Бонд взглянул на нее. Рубашка Ханни доходила до самой воды. Девушка улыбнулась. Ее перебитый нос хорошо гармонировал с окружающим их мрачным пейзажем. Она, казалось, почувствовала озабоченность своего спутника и пошла за ним, пока он продвигался к деревьям. Он, наконец, нашел то, что искал — щель в стене, образованной торчащими из воды стволами.

— Постарайтесь, проходя, не сломать ни одной ветки, — бросил он.

Они пригнулись. Дыра тянулась несколько метров и завершалась заболоченным тупиком. Дальше пройти было невозможно. Их ноги увязли в густой грязи. Бонд остановился. Ханни приблизилась к нему.

— Настоящие прятки, правда? — спросила она возбужденно.

Он вспомнил о своем пистолете и подумал, можно ли будет еще им пользоваться после купания, которое он ему приготовил. Бонд не мог справиться с беспокойством, вызванным присутствием Ханни. Нет, он на нее не сердился. Просто, теперь у противника будет одной мишенью больше. Бонда мучила ужасная жажда. Он наклонился к воде и сделал большой глоток, потом еще один. На плечо Бонда легла легкая рука.

— Не пейте слишком много, — посоветовала Ханни. — Не то подцепите лихорадку. Ополосните рот и выплюньте.

Бонд так и сделал. Тут раздался негромкий свист Куоррела. Бонд двинулся ему навстречу. Куоррел поливал водой корни деревьев в тех местах, где, как ему казалось, они могли задеть их тела.

— Так собакам будет сложнее нас обнаружить, — коротко объяснил он. — Бамбук я срезал, все в порядке.

Бонд вынул из мешка пистолет и запас пуль. Потом они все вместе вернулись в найденный Бондом заболоченный тупик и остановились, чтобы осел ил. На воде искрились золотые блики солнечных лучей. Креветки щекотали ноги.

Они напряженно ждали, задыхаясь от гнилостных болотных испарений.

И почти с облегчением услышали лай приближающихся собак.

10

Двое мужчин в сапогах выше колен и в плавках бежали следом за собаками, с трудом удерживая поводки. Оба — высокие негры с желтой кожей. Их потные тела были перехвачены кожаными портупеями. Время от времени они отчаянно матерились. Свора доберман-пинчеров с лаем барахтались в воде. Собаки неистово дергали поводки и рвались вперед.

— Может, крокодила учуяли? — крикнул один сквозь весь этот гвалт.

В руке он держал короткий хлыст и время от времени щелкал по воздуху, чтобы подбодрить собак.

Подошел второй — глаза его так и сверкали от возбуждения.

— Ну да! Как же! Зуб даю, что это и есть тот сукин сын... Прячется, должно быть, в зарослях. Будем осторожны — он может в нас пальнуть! — Он вытащил револьвер

и приблизился, держа палец на курке.

Они стояли у самого прохода в чащу деревьев. Первый поднес к губам свисток. Раздался пронзительный звук. Собаки, казалось, не понимали, что от них требуется: их собачий инстинкт толкал их к неповиновению — вперед. Человек принялся зверски хлестать их по бокам. Собаки застыли на месте, заскулив от боли.

Двое мужчин проверили оружие и медленным шагом углубились в заросли. Они добрались до узкого прохода, который обнаружил Бонд.

Первый отвязал собаку и указал ей направление. Пес тотчас же бросился в эту брешь, принюхиваясь по сторонам. Человек внимательно разглядывал ветви по обе стороны просеки — сломаны они или нет.

Человек и собака подошли к пруду. Высокий негр огляделся по сторонам с видимым отвращением и снова подозвал пса. Тот нехотя подошел. Негр вернулся назад и, отыскав глазами приятеля, отрицательно покачал головой. Щелчок хлыста — и они ушли.

Мало-помалу собачий лай становился все тише и, наконец, затих.

Минут пять все было спокойно. Затем у края пруда показался бамбуковый перископ. Бонд высунул голову. Спутанные черные волосы придавали его лицу вид утопленника. В правой руке он держал револьвер. Он настороженно прислушался. Полная тишина. И все же Бонду послышался тихий плеск воды, словно кто-то очень осторожно ступал вдоль берега. Резко Бонд пихнул Ханни и Куоррела. Когда они высунулись на поверхность, он приложил палец к губам. Но — слишком поздно — Куоррел кашлянул. Бонд поморщился и сделал повелительный жест рукой. Они прислушались. Мертвая тишина. Затем шлепки послышались вновь, совсем близко.

Одновременно все трое взяли в рот бамбуковые трубки, и три головы снова ушли под воду.

Лежа затылком в грязи, Бонд левой рукой зажимал нос, плотно обхватив бамбуковый стержень губами. Он знал, что один раз пруд уже обыскали: он чувствовал как собака рассекает лапами воду. Им повезло: в тот раз их не обнаружили. А теперь? Успеет ли осесть грязь, которую они всколыхнули? Если человек, приближающийся к ним кошачьей походкой, увидит в воде более темное пятно — наверняка выстрелит... Бонд решил не рисковать. Как только он почувствует малейшее движение рядом с собой, он выскочит из воды на свой страх и риск и выстрелит. Насторожившись и застыв в неподвижности, Бонд старался следить за дыханием и не думать о креветках, копошащихся вокруг его тела. «Да... Положение не из приятных», — думал он. Но если бы Ханни не пришла в голову эта замечательная идея с трубками, собаки отыскали бы их наверняка.

Вдруг тело его напряглось. Резиновый сапог надавил ему на подбородок. Может, человек подумает, что наступил на ветку?.. Бонд не дал ему времени поразмыслить на этот счет: резким рывком он выскочил из воды, выплевывая бамбуковую трубку. Он едва разглядел тело, показавшееся ему огромным, поднял левую руку, чтобы защитить голову и выстрелил в упор. Человек рухнул словно дерево, пораженное молнией. Бонд успел все же разглядеть желтое лицо с открывшимся ртом, пока вода не сомкнулась над мертвым телом. Черноватая грязь медленно окрашивалась красным.

Бонд повернулся. Куоррел и девушка стояли мокрые с головы до ног. Куоррел улыбался до ушей радужной улыбкой, тогда как Ханничайлд дрожала мелкой дрожью, уставившись в красное пятно, расширяющееся у нее на глазах.

— Сожалею, Ханни, — отрывисто произнес Бонд, — я не мог поступить иначе. Он стоял как раз над нами... Пошли отсюда.

Он схватил ее за руку и увлек за собой к реке. Там никого не было. Бонд взглянул на часы. Они остановились на цифре три. Он посмотрел на солнце и прикинул, что сейчас, должно быть, часа четыре. Усталость свалилась ему на плечи

словно мешок со свинцом. И это еще далеко не конец! Даже если их преследователи не слышали выстрела, то очень скоро заметят отсутствие одного из своих людей. Вернутся ли они за своим товарищем?.. Нет, прежде чем они удостоверятся, что человек пропал — стемнеет... Свистопляска начнется завтра утром. Собаки без труда отыщут труп. Итак...

Ханни потянула его за рукав.

— Я бы хотела знать, — сказала она голосом, полным гнева и страха, — какого черта вы палите друг в друга! И вообще, кто вы?.. Не верю я в вашу историю с птичками. Любители птиц не носят с собой пистолетов...

Бонд посмотрел ей в лицо своими голубыми глазами:

— Бедная моя Ханни — произнес он, — вы действительно попали в переплет! И надо же было вам оказаться у нас на дороге! Я расскажу вам все начистоту сегодня вечером, как только мы доберемся до сторожевого лагеря. Клянусь вам! Вы уже догадались, что у меня с этими людьми серьезные счета. Они уже несколько раз пытались покончить со мной, но теперь я знаю о них достаточно и у меня лишь одно желание: покинуть остров вместе с вами обоими — живыми и невредимыми. А затем, обещаю вам, что я вернусь сюда в открытую и с мощной поддержкой!

— Что вы хотите этим сказать? Вы что — из полиции?.. Вы хотите посадить в тюрьму этого китайца?

— Что-то вроде того, — засмеялся Бонд. — Во всяком случае, успокойтесь. Вы на стороне порядка. А теперь скажите мне, как далеко мы от лагеря?

— О! Примерно в часе ходьбы.

— Скажите-ка, там можно как-нибудь спрятаться? Или я спрошу вас по-другому: легко ли им будет нас там обнаружить?

— Им для этого нужно или пересечь озеро, или же подняться вверх по реке. Нам нечего опасаться, если они не напустят на нас дракона. Его ничто не остановит. Он идет по воде, я видела.

— Ну ладно! — сказал Бонд самым непринужденным тоном. — Будем надеяться, что он сломает лапу.

Девушка надула губы.

— Ну, ну... — сказала она, — можете изображать из себя всезнайку. Вот увидите!

Куоррел вынырнул из зарослей:

— Я подумал, — пробормотал он извиняющимся тоном, — что лишнее оружие нам не помешает. Боюсь, оно нам очень даже пригодится.

Бонд взял ружье. Это был карабин «Ремингтон» американского образца. Определенно, эти люди отлично экипированы. Он протянул карабин Куоррелу.

— Эти парни очень хитры, кэп, — сказал Куоррел, как бы продолжив мысль Бонда. — Ловкий ход — подослать еще одного после того как другие ушли — и захватить нас врасплох... Ну и дьявол же этот доктор Но!

— Я начинаю в это верить, — произнес Бонд задумчиво... — А теперь — в путь! Ханни сказала, что до лагеря час ходьбы. Сколько же идти вдоль левого берега. Спрячемся за холмом.

Куоррел возглавил отряд. Они продвигались вперед сквозь заросли бамбука и утесника, но теперь встречный ветер резкими порывами задувал им в лицо. Они вынуждены были окунаться в воду, чтобы смягчить его обжигающее дыхание. Песок слепил глаза Бонда, нестерпимая боль пронзила руку. Он спрашивал себя: когда же наконец они смогут перекусить и отдохнуть. Прошлой ночью они почти не спали. И в эту ночь им тоже не придется сомкнуть глаз. А Ханни?.. Она и вовсе не спала. Нужно будет им с Куоррелом установить дежурство. На следующий день они, по всей видимости, спустятся по реке до того места, где спрятано каноэ, а ночью отойдут от берега. Веселенькая перспектива! Бонд подумал о «курорте», обещанном М.. Дорого

бы он дал, чтобы старый краб оказался сейчас здесь.

Река сузилась и превратилась в тонкий ручеек меж зарослей бамбука. Затем снова расширилась до грязноватого устья, сходящегося в неглубокое озеро серо-голубоватого цвета. Над ним виднелась взлетная полоса и крыша ангара из рифленого железа.

— Нужно двигаться на запад, — сказала Ханни.

Они медленно двигались вперед, с трудом продираясь сквозь густую растительность. Куоррел вдруг остановился, подавшись вперед, словно сторожевая собака: две глубоких параллельных борозды разрезали густую жижу. Между ними просматривалась менее глубокая полоска. Это были следы чего-то, что спустилось с холма и пересекло трясину по направлению к озеру.

Ханни заявила, торжествуя:

— Я же сказала вам! Здесь прошел дракон.

Куоррел посмотрел Ханничайлд прямо в глаза.

Бонд принялся рассматривать следы. Внешние борозды были сделаны колесами, но они были очень широкими. След посередине — того же происхождения, но всего лишь в несколько сантиметров — след от велосипедной шины. Отпечатки, казалось, были свежими. Они шли прямо; и кусты, по которым они проходили, были прибиты к земле, словно по ним проехал танк.

Как Бонд ни старался, он не мог представить себе, что за транспорт, если это транспорт, мог оставить подобный след.

Голос девушки зазвучал на почти что торжествующей ноте:

— Теперь, — сказала она, — вы просто обязаны мне поверить!

— Во всяком случае, — сказал Бонд, соглашаясь, — если это не дракон, то нечто такое, чего я никогда не видел.

— Вот здесь, — прошептала она, — смотрите!

Она указала на пышный обожженный куст, в центре которого можно было разглядеть останки птичьего гнезда.

— Дракон обжег их своим дыханием, — сказала Ханни взволнованно.

Бонд склонился над кустом. Почему именно этот куст, а не какой-нибудь другой? Все это, действительно, очень странно.

Следы вели к озеру и исчезали под водой. Бонд охотно бы проследил их до конца, но и речи не было о том, чтобы играть в следопытов. Молча они продолжили путь, каждый — погрузившись в свои мысли.

День клонился к закату. Вдруг Ханни вытянула палец прямо перед собой. Сквозь кустарник Бонд увидел песчаную полосу, окруженную густой зеленью, в сотне метров от берега.

Место было вполне пригодным для ночлега, а вода, окружавшая этот маленький островок, казалась некоторой защитой. Ветер стих, вода была чуть прохладной. С каким облегчением они наконец скинули одежды, насквозь пропитанные жижей. Можно будет помыться в озере. После долгих часов ходьбы по трясине они смогут наконец отдохнуть на сухом песке.

Солнце медленно заходило за пятачок, в небе исчезал последний багрянец. Заквакали лягушки. Трое спутников добрались до полуразрушенного шалаша, где когда-то жили сторожа. Таинственные следы выходили из воды с каждой стороны песчаного островка. Большая часть зелени была сожжена или помята. У шалаша они отыскивали место для очага, несколько кухонных сосудов и пустые миски. Куоррел нашел даже две нетронутые банки консервов — со свининой и фасолью. Ханни нашла сильно измятый спальный мешок, а Бонд маленький кожаный кошелек — и в нем пять долларов, три ямайских ливра и мелочь. Двое сторожей, должно быть, покидали свое жилище в сильной спешке. Сквозь траву они видели отражающиеся в воде огни — в километрах трех отсюда, около холма.

На западе — только темная вода и такое же черное небо.

Бонд сказал:

— Пока мы не разведем огонь, мы здесь в безопасности. Первым делом — мыться. Оставайтесь здесь, Ханни. Мы же с Куоррелом пойдем на другой конец. Встречаемся к ужину через полчаса.

Девушка в первый раз весело рассмеялась.

— К ужину одеться? — спросила она.

— Конечно, — ответил Бонд важно. — Парадные брюки.

— Кэп, — прервал его Куоррел, — я попробую открыть банки, пока еще хоть что-то видно, и посмотрю, как можно устроиться на ночлег.

Он порылся в мешке.

— Держите, вот ваши брюки и пистолет.

Он выложил провизию.

— Хлеб выглядит не так уж аппетитно — подмок. Если оставить подсохнуть до утра, то завтра он будет вполне съедобен. Сегодня мы съедим консервы. А завтра придется довольствоваться сыром и свининой.

— Замечательно! — сказал Бонд. — Назначаю тебя шеф-поваром.

В нескольких метрах от лагеря Бонд нашел бухточку, прикрытую зарослями бамбука. Облегченно вздохнув, он снял рубашку и нырнул в воду. Вода была мягкая, но ужасно теплая. Бонд потер кожу горсткой песка. В тиши ночи он вдруг почувствовал себя посвежевшим и совершенно отдохнувшим.

Звезды одна за другой вспыхивали на небе, звезды, которые указывали им путь к острову прошлой ночью, а завтра выведут их на Ямайку. От одной ночи до другой прошла целая вечность. Ну и приключение! Оплаченное, по крайней мере: теперь у Бонда было достаточно доказательств и свидетелей, чтобы пойти к губернатору и потребовать полного расследования по факту загадочной деятельности доктора Но. Как никак, нельзя использовать пулеметы против людей, даже когда они без разрешения вторгаются в частные владения! Если кто и нарушил право частной собственности, так это сам доктор Но в отношении концессии Одюбон. И что это за таинственный «дракон», разгромивший лагерь и, по всей видимости, убивший одного из сторожей? Это тоже надо выяснить. Бонд пытался представить себе, какова будет реакция доктора Но, когда они вернутся на остров на миноносце. Что скрывает этот человек? Чего он боится? Почему он держится за Крэб Ки, да так, что убивает каждого, кто пытается ступить на его землю. Кто такой доктор Но?

Он услышал всплеск воды справа от себя. Тут он вспомнил про девушку. Кто же на самом деле Ханничайлд Ридер? Ну это, по крайней мере, он узнает прежде, чем наступит ночь.

Он надел измятые брюки, сел на песок и разобрал свой пистолет часть за частью. Тщательно протер их рубашкой. Затем патроны — один за другим. Потом снова собрал оружие и проверил курок. Все в порядке. Тогда он зарядил пистолет и вложил его в кобуру на поясе.

Он чуть было не наткнулся на Ханни.

— Идите сюда, — сказала она, — мы умираем с голоду. Ждем только вас... Я вымыла одну миску, и мы положили туда фасоль. На каждого — примерно по горсточке. Ну, а мне не стыдно есть вашу еду, потому что из-за вас мне пришлось работать больше, чем обычно, когда я приезжаю одна. Протяните руку.

Бонд улыбнулся: в темноте голос девушки зазвучал неожиданно властно. Он едва различал стройные очертания ее тела. Он пытался представить себе какие у Ханни волосы, когда они сухие и причесаны, и на кого она похожа в чистой одежде. Почему она не сделала операцию, чтобы выправить свой сломанный нос? Это ведь очень просто. Если бы она решилась на нее, то стала бы одной из самых красивых девушек Ямайки. Он чувствовал ее рядом. Бонд протянул руку и получил

причитающуюся ему порцию фасоли.

Вдруг он явственно ощутил тепловатый запах ее тела. Здоровый, немного животный и такой возбуждающий, что не удержался и придвинулся поближе. Он с наслаждением закрыл глаза. Ханни тихонько засмеялась. В этом смехе была и радость, и гордость, и нежность.

— Так не пойдет! — сказала она. И мягко, по-матерински, оттолкнула его.

11

Было, должно быть, часов восемь вечера. В тишине раздавалось только кваканье лягушек. Совсем рядом. Бонд различал тень Куоррела. Послышался металлический щелчок, и Бонд понял, что Куоррел тоже разбирает свой «Ремингтон» для просушки.

Было свежо. Одежда Бонда высохла. Три пригоршни тушенки и фасоли утолили чувство голода. Он совершенно успокоился и его клонило в сон. Завтрашний день как бы отодвинулся дальше в будущее и не представлял для него никаких видимых трудностей, кроме, разве что, больших физических усилий. Итак, жизнь хороша и прекрасна!

Ханни лежала рядом в спальном мешке. Он различал только лишь ее лицо — светлое пятнышко в темноте.

— Джеймс, — тихо сказала она, — вы обещали мне все рассказать сегодня вечером. А то я не засну. Бонд засмеялся.

— Я расскажу вам все о себе в обмен на ваш рассказ.

— Мне нечего скрывать. Но сперва вы!

— Ладно, — согласился он.

Бонд уселся поудобнее, обхватив колени руками.

— Ну так вот... Я что-то вроде частного детектива. Когда в мире происходит что-нибудь необычное, меня посылают разобраться... Не так давно на Ямайке исчез человек по фамилии Стренжвейз. Он работал в генштабе губернатора. Вместе с ним исчезла и секретарша, хорошенькая девушка... Полагают, что они просто сбежали. Но я так не думаю. Я...

Плохие... хорошие... Бонд рассказывал Ханни историю про большого злого волка. Он старался объяснить ей все как можно понятнее.

— Видите Ханни, — заключил он, — теперь осталось только благополучно вернуться на Ямайку. Втроем, на лодке, следующей ночью. Губернатор будет вынужден выслушать нас, и он пошлет своих солдат, чтобы выяснить всю подноготную доктора Но, что, безусловно, приведет того в тюрьму. И так как доктор это тоже понимает, он делает все возможное и невозможное, чтобы нас уничтожить. Вот и все. Теперь вы все знаете... Ваша очередь рассказывать.

— У вас, должно быть, очень интересная жизнь, — сказала Ханничайлд. — Но ваша жена, наверно, не очень любит, когда вы отсутствуете. Она не боится, что с вами что-нибудь случится?

— Я не женат, — ответил Бонд. — Если кто и заинтересован в моей судьбе, так это чиновники страховой компании.

— Но у вас ведь есть женщины, — настаивала она.

— Честное слово, их не так много как вы думаете.

— А... — сказала девушка, краснея.

К ним подошел Куоррел.

— Кэп, — позвал он, — если хотите, я буду дежурить первым. Я приду за вами в полночь. Вы смените меня до пяти часов утра, а затем двинемся в путь. Лучше выйти пока не рассветло.

— Замечательный план, — согласился Бонд. — Но разбуди меня, если

заметишь что-нибудь подозрительное. Ты проверил карабин?

— Он в полной боевой готовности, — заверил его Куоррел, широко улыбаясь.

Он пожелал девушке спокойной ночи и исчез в темноте.

— Мне очень нравится Куоррел, — сказала Ханни. И немного подумав, добавила:

— Вы действительно хотите, чтобы я рассказала вам свою историю? Она не так интересна, как ваша.

— Ну да, конечно — ответил Бонд. — И, пожалуйста, ничего не упустите.

— Знаете, история моей жизни уместится на одной почтовой открытке. Я никогда не покидала Ямайку и все время жила в местечке, которое называется Бо Дезер. Знаете, это на северном берегу, возле порта Моргана.

— Надо же как забавно! Мы с Куоррелом как раз там и остановились. Но Бо Дезер не такой уж большой уголок. Я вас там не видел... Вы ведь не на дереве живете...

— Вы, — наверно, снимали бунгало, — сказала Ханни. — Я туда никогда не хожу. Я живу в усадьбе.

— Но ведь это же развалины! Несколько камней в зарослях сахарного тростника.

— Я живу в подземелье с самого детства. Мне было пять лет, когда случился пожар и мои родители погибли. Я их не помню. Я жила с няней, негритянкой. Она умерла, когда мне исполнилось пятнадцать, и с тех пор я живу одна.

— Боже мой! — воскликнул Бонд. — У вас нет никого, кто бы мог о вас позаботиться?.. Родители не оставили вам денег?

— Ни сентима.

В голосе Ханни не было ни капли горечи. Только гордость.

— Ридер, — продолжила она, — одна из самых древних семей Ямайки. Земли в Бо Дезер им дал Кромвель в благодарность за верную службу. Мои предки выстроили усадьбу «Грэйт Хауз», и в течение многих веков она принадлежала семье Ридер. Но потом упали цены на сахар, да и, как мне кажется, имением плохо управляли. Поэтому, когда его унаследовал мой отец, оно было заложено, и остались одни долги. А когда мои родители умерли, имение было продано. Мне было не до того: я была слишком маленькой. Нани, кормилица, оказалась удивительной женщиной. Меня хотели удочерить — сначала юрист, потом священник... Но Нани ничего и слышать не хотела. Она собрала все, что осталось от пожара: какую-то мебель, немного серебра, и мы устроились в подземелье. Очень быстро, впрочем, нами перестали интересоваться. Моя няня шила и стирала в деревне. Мы посадили несколько банановых деревьев и развели небольшой огород. А у старого дома росло хлебное дерево. И сахарный тростник — повсюду, вокруг развалин. У нас было немного рыбы, и мы жили, как все простые жители Ямайки. Кормилица научила меня читать и писать. Кроме кое-какой мебели, от пожара уцелела целая куча старых книг. Среди них я отыскала энциклопедию. Когда мне исполнилось восемь лет, я начал с буквы "А", а теперь я на середине буквы "Т"... Я уверена, — заявила она вызывающим тоном, — что о некоторых вещах я знаю гораздо больше, чем вы.

— Несомненно, — согласился Бонд.

Все это походило на сон. Он представил себе развалины огромного дома, а рядом — маленькая девочка с распущенными волосами. И няня-негритянка, которая следит за ней и заставляет учить уроки. Обыкновенные школьные уроки, которые для любой кормилицы ну все равно, что древнегреческий язык.

— Ваша кормилица, должно быть, и впрямь была замечательной женщиной.

— Да, она была просто чудо, — согласилась Ханни. — Я думала, что умру, когда ее не стало. До этого дня я не знала забот. И вдруг поняла, что теперь могу рассчитывать только на себя. Потом вокруг меня стали крутиться мужчины. Они

говорили мне о любви... Я была очень хорошенькая в то время.

— Вы и сейчас очень привлекательны, — возразил Бонд, — вы самая красивая девушка, какую я когда-либо встречал.

— С таким-то носом! — воскликнула она. — Вы что, смеетесь!

Бонд подыскивал слова, которые могли бы ее убедить.

— Поймите меня правильно. Конечно же все видят, что у вас сломан нос. Но вот я, к примеру, — я увидел вас впервые сегодня утром — и я даже не обратил внимания на ваш нос. Когда смотришь на человека, первым делом видишь глаза, очертания губ... словом, то, что придает лицу живое выражение. Сломанный нос все равно, что оттопыренное ухо... это менее важно, чем все остальное. У вас замечательная внешность, а если бы еще и нос был хорошенький, вы были бы самой красивой девушкой на Ямайке.

— Вы действительно так думаете? — спросила Ханни дрожащим голосом. — Вы искренне полагаете, что я могла бы стать красавицей? Когда я смотрюсь в зеркало, то вижу только сломанный нос. Я ведь в каком-то смысле калека.

— Не говорите глупости! — возразил Бонд. — Вы вовсе не калека. Во всяком случае, достаточно простой операции, и все будет в порядке. Вы поедете в Америку, и через неделю все будет улажено.

— Как вы себе это представляете? — воскликнула она с явным возмущением. — Все, что у меня есть — это пятнадцать ливров, спрятанных под камнем в подвале. У меня три юбки и три блузки — весь мой гардероб. Вы думаете я не справлялась насчет операции? Один врач из Пор-Мория мне все объяснил. Он сказал, что для того, чтобы все было как следует, мне потребуется пятьсот ливров, не считая поездки в Нью-Йорк и платы за место в больнице... Так вот, — заключила она совсем уж отчаявшимся голосом, — где, по-вашему, я возьму такую сумму?

Бонд уже все решил, но ограничился лишь тем, что произнес самым непринужденным тоном:

— Я уверен, что есть масса способов уладить это дело. Но продолжайте вашу историю... Она очень увлекательна. И, по-моему, гораздо интереснее моей. Вы остановились на том, что ваша кормилица умерла. Что случилось дальше?

Девушка улыбнулась.

— Вы сами виноваты. Это вы прервали мой рассказ. И вообще, вам не следует так смело рассуждать о том, чего вы не знаете. У вас нет проблем: вы красивы, и люди, конечно же, говорят вам об этом. Любая девушка будет ваша, если вы пожелаете... Все было бы иначе, если бы у вас был нос пуговкой или родимое пятно в пол-лица... Но подождите, когда мы вернемся на Ямайку, я пойду к гадалке и узнаю вашу судьбу. Тогда мы будем квиты.

— У меня другие планы, — сказал Бонд, погладив ее по руке. — Но продолжайте... Я очень хочу услышать конец вашей истории.

— Так вот, — продолжила девушка, улыбаясь, — я должна немного вернуться назад. Все имение, как я уже сказала, это заросли сахарного тростника, а дом был выстроен как раз в центре. Два раза в год люди приходят собирать тростник. И это самое неблагоприятное время для животных и насекомых. Люди разоряют их норы и гнезда и в конечном итоге просто уничтожают их... Они пытаются спастись в руинах дома. Моя кормилица очень боялась, так как там были и змеи, и скорпионы, и прочие ядовитые насекомые. Но мне они никогда не причиняли вреда. Мне кажется, они чувствуют, что я их защищаю. И они как-то умеют сообщать друг другу о надвигающейся опасности, потому что теперь они все взяли привычку прятаться в подвалах дома, как только начинает появляться молодая поросль сахарного тростника. И вы знаете, я их приручила, а также очень много о них узнала. Конечно же, когда сборщики тростника видели меня со змеей вокруг шеи, они очень боялись. И никто меня не трогал. Но вот, однажды, появился незнакомый мужчина. Мне было лет

пятнадцать. Это был ужасный человек. Его звали Мэндер.

Ханничайлд съежилась и с трудом продолжила рассказ.

— Этот Мэндер был белым управляющим. Он меня не боялся. Он мне много чего обещал и зазывал к себе в дом на Пор-Мория. Я его просто ненавидела и всегда пряталась, заслышав стук копыт его лошади. Как-то раз ночью он пришел пешком, и я не слышала, как он подошел к дому... Он был пьян. Мэндер тихонько пробрался в подвал, где я спала, и мы подрались, потому что я не хотела делать того, что он хотел от меня. То есть... вы понимаете... то, что делают люди, которые любят друг друга.

— Понимаю, — кивнул Бонд.

— Я пыталась убить его ножом, но он оказался сильнее и ударил меня. Он сломал мне нос. Мне было так больно, что я потеряла сознание. И тогда он сделал то, что хотел... На следующее утро я думала покончить с собой, когда увидела свой нос и поняла, что со мной случилось. Я думала, что у меня будет ребенок. Я бы действительно покончила с собой, если бы у меня родился ребенок от этого человека. Но, к счастью, этого не произошло. Я сходила к врачу. Он мне вправил нос, насколько это было возможно без операции и не взял денег. Про остальное я ему не сказала, так как мне было очень стыдно. Мэндер больше не появлялся. Я ждала. У меня уже был план. Я ждала урожая сахарного тростника, когда мои друзья придут ко мне в укрытие, как обычно. Как только они появились, я поймала самого большого скорпиона — самку — и положила ее в коробку. И вот, ночью, когда не было луны, я взяла коробку подмышку и направилась к дому Мэндера. Я спряталась в кустах у него в саду и стала ждать пока он не ляжет спать. Затем я забралась на дерево рядом с домом и залезла на балкон. И едва заслышав его храп я открыла коробку... Он спал совершенно раздетый под марлевой сеткой. Когда я собралась уходить, скорпион сидел у него на животе... Я слезла с дерева и вернулась домой.

— Боже милостивый! — воскликнул Бонд. — Что с ним произошло?

— Он умирал ровно неделю, — ответила Ханни совершенно спокойно. — Он, должно быть, очень страдал.

Видя, что Бонд больше никак не реагирует на ее слова, она спросила озабоченно:

— Вы думаете, я плохо поступила?

— Хорошо бы это не вошло у вас в привычку. Но принимая во внимание все обстоятельства, я думаю, вас нельзя осудить. Что произошло дальше?

— Я стала жить так же, как и прежде. Только я пыталась заработать денег, чтобы привести свой нос в порядок. Вы знаете, у меня был очень красивый нос. Вы думаете, что когда-нибудь он станет таким как был?

— Конечно же! — сказал Бонд без тени сомнения. — Вам могут сделать такой нос, какой вы пожелаете. А каким образом вы стали зарабатывать деньги?

— В энциклопедии я прочла, что некоторые коллекционеры собирают редкие ракушки. Я поговорила с учителем, и он сказал мне, что есть один американский журнал — «Наутилус» — специально для людей, которые покупают и продают ракушки. У меня как раз была нужная сумма на подписку. И я стала читать объявления о покупке некоторых редких экземпляров. Я написала одному торговцу на Майами, и он пообещал мне покупать все, что его заинтересует. Поначалу я плохо разбиралась и наделала много глупостей. Мне казалось, что люди ищут самые красивые ракушки. Но это не так... Представьте себе, — прошептала она, — в большинстве случаев они покупают как раз самые безобразные! Затем, когда я научилась находить то, что нужно, я чистила и полировала эти ракушки, чтобы они выглядели получше. Это была вторая ошибка. Коллекционеры собирают раковины в том виде, в каком они находятся в море: с моллюском внутри и всем остальным... И вдруг мне повезло. Как раз накануне Рождества я нашла на Крэб Ки пурпурные

ракушки, за которые дают пять долларов за штуку. Но торговец взял с меня обещание держать в тайне место, где я их отыскала, чтобы не сбить цену. Это была такая удача, как если бы я наткнулась на золотую жилу. Думаю, лет через пять у меня будет достаточно денег, чтобы сделать операцию. Поэтому-то я с таким недоверием отнеслась к вам, когда увидела вас с Куоррелом на пляже.

— А я-то подумал, что вы любовница доктора Но!

— Благодарю покорно! — сказала Ханничайлд, поджав губы.

— А что вы будете делать после операции? Не собираетесь же вы всю жизнь оставаться в подвале в полном одиночестве?

— Я буду «девушкой по вызову», — уверенно ответила Ханни.

Это «девушка по вызову» прозвучало в ее устах так, словно речь шла о секретарше или бонне.

— Вот как! — сказал Бонд. — А как вы это себе представляете — быть «девушкой по вызову»?

— Вы же знаете. Это женщина, которая живет в роскошной квартире и имеет красивые платья. Поймаете, что я хочу сказать... Ей звонят по телефону: она приходит, занимается любовью с клиентом, и он ей за это платит. В Нью-Йорке за визит дают сто долларов... Я хочу попробовать. Наверное, для начала нужно соглашаться и за меньшую сумму, пока я не овладею мастерством... Вот вы, к примеру, сколько платите?

Бонд рассмеялся.

— Я и понятия не имею, сколько это стоит.

Она вздохнула.

— Ну да, конечно, вам не нужно платить женщинам. Платят только уроды. Но что вы хотите, нужно ведь и через это пройти. В большом городе любая работа достаточно противна. Так лучше уж быть «девушкой по вызову», по крайней мере, платят хорошо. А когда я стану богатой, я вернусь на Ямайку, выкуплю Бо Дезер, найду хорошего мужа и обзаведусь детьми... Хорошая перспектива, не правда ли?

— Последняя часть мне нравится больше. О первой я этого сказать не могу. Скажите, откуда вы узнали о такой профессии? Неужели из энциклопедии на букву "Д"?

— Ну какой же вы идиот! Два года назад в Нью-Йорке было целое дело по поводу этих самых «девушек по вызову». Я прочла об этом в «Глинер»... Там были указаны цены и все прочее...

— Не думаю, что эта работа придется вам по вкусу. Послушайте, с вашими познаниями в области животных и насекомых вы легко найдете работу в каком-нибудь американском зоопарке или в институте на Ямайке, я уверен... И вы встретите мужчину, который вам понравится. Вы красивы и должны беречь себя для того, кого полюбите.

— Это только в книгах так написано, — сказала Ханни с сомнением. — Самое ужасное, что я еще ни разу не встретила на Ямайке мужчину, который бы мне понравился. Вы первый англичанин, с которым я вообще разговариваю, — призналась она, краснея. — Вы мне сразу понравились. И мне было не стыдно рассказать вам правду.

— Вы удивительная девушка, — сказал Бонд. — Я это понял, как только увидел вас.

— Когда вы увидели мой зад, — поправила она устало.

— О, со спины вы смотрите просто великолепно, — согласился Бонд. — Да и спереди тоже...

Они замолчали.

Бонд тряхнул головой и проговорил угрюмо:

— Ладно, Ханни, пора спать. У нас будет время обо всем поговорить на Ямайке.

— Да, действительно, — сказала она. — Вы обещаете, что мы с вами еще увидимся на Ямайке?

— Обещаю, Ханни, — сказал Бонд. — А теперь, спокойной ночи.

Вокруг царила полная тишина. Становилось прохладно. Бонд прижал колени к груди. Только не заснуть! Вдруг он почувствовал как его тянут за рукав.

Тоненький голосок произнес:

— Почему вы не спите? Вам холодно?

— Нет, мне хорошо.

— Знаете, в спальном мешке очень тепло. Не хотите забраться ко мне? Есть место.

— Нет, Ханни, спасибо. Мне и так неплохо.

Снова молчание. Затем Ханни прошептала:

— Вы не думайте... Я хочу сказать... Вы не обязаны заниматься любовью со мной, если не хотите.

— Ханни, малышка, вам нужно спать. Это было бы замечательно, но не этой ночью... И потом, я с минуты на минуту должен сменить Куоррела.

— Понимаю, — ответила она грустно. — Тогда, может быть, на Ямайке?

— Может быть...

— Обещайте мне! А то я не засну.

— Ну хорошо, обещаю вам, — сказал Бонд, отбросив последние сомнения. — А теперь спать!

— Вы пообещали, вы пообещали, — напевала она торжествуя. — Спокойной ночи, Джеймс, милый.

— Спите спокойно, Ханни, дорогая моя.

Через минуту Ханни спала глубоким сном, как ребенок. На ее спокойном и умиротворенном лице блуждала нежная улыбка.

12

Бонда похлопали по плечу. Он сразу же вскочил.

— Быстро, — прошептал Куоррел. — К нам что-то движется по воде, кэп. Это дракон.

Ханни зашевелилась в спальном мешке.

— Что случилось? — прошептала она испуганно.

— Не двигайтесь, Ханни, я сейчас вернусь, — сказал Бонд.

Он бесшумно бежал за Куоррелом по песку. Они подбежали к мысу и остановились за кустами. Бонд осторожно раздвинул ветви.

Меньше чем в километре бесформенный предмет с двумя оранжевыми глазами двигался по воде прямо на них. Меж глаз, чуть пониже, плясал синий огонек. Ночь была очень светлой, и можно было разобрать очертания огромной головы, возвышавшейся над двумя короткими крыльями, как у летучей мыши. Это «нечто» издавало глубокий ритмичный гул.

— Боже мой, кэп! — простонал Куоррел. — Это дракон.

— Да нет, — бросил Бонд отрывисто. — Это что-то вроде трактора, замаскированного под чудовище. Во всяком случае, я ничего не слышал о драконах с дизельным мотором... Бежать бесполезно — он нагонит нас в два счета. Нужно ждать его здесь... Посмотрим, какие у этой машины могут быть слабые места. Водители — раз. Они, должна быть, хорошо защищены. Так... Куоррел, ты начинаешь стрелять в голову — это, наверняка, кабина. Как только они будут в ста метрах от нас. Целься хорошенько и стреляй без остановки. Я займусь фарами. И шинами. Это вероятно, авиационные шины. Ты остаешься здесь... Я отойду в сторону... Готов?

И ласково шлепнув его по спине, добавил:

— И ничего не бойся. Это не дракон, а всего лишь очередная игрушка доктора Но. Мы убьем водителей и завладеем машиной. Таким образом мы выиграем время, чтобы добраться до лодки... Порядок?

— Порядок, кэп. Раз вы так говорите... — прошептал Куоррел стоически. — Но только бы. Боже Всемогуций, я тоже был уверен, что это не дракон!

Пригнувшись, Бонд побежал обратно. Он тихонько позвал:

— Ханни!

— Да, Джеймс, — отозвалась она с некоторым облегчением в голосе.

— Сделайте ямку в песке и спрячьтесь. За самыми густыми кустами. И главное — не двигайтесь и ничего не бойтесь. Это не дракон, а всего лишь замаскированная машина доктора Но. Я буду рядом.

— Хорошо, Джеймс, — сказала Ханни дрожащим голосом. — Будьте осторожны.

Бонд сел на корточки в кустах. Адская машина была уже в двухстах метрах, и свет ее желтых глаз отражался на песке. Пасть изрыгала синий огонь. Теперь была видна огромная челюсть золотистого цвета. Внутри, по-видимому, установлен огнемет, что и объясняет обожженные кусты и всю эту историю с чудом спасшимся охранником.

В глубине души Бонд вынужден был признать, что эта машина действительно имела весьма устрашающий вид. Отличное средство против местных туземцев. Но против вооруженных и отчаянных парней...

В ночи послышался первый щелчок карабина Куоррела. Пуля всего лишь звонко ударилась о кабину. Куоррел выстрелил снова. Пули отскакивали от кабины, словно безобидные детские игрушки. Куоррел стрелял без остановки.

Машина даже не замедлила ход. Только свернула в сторону Куоррела.

Бонд тщательно прицелился. Выстрелил — и одна фара разбилась вдребезги. Он выстрелил четыре раза и только на пятый попал в другую. Но эту чертову штуку ничто не брало, она двигалась прямо на Куоррела. Бонд перезарядил револьвер и принялся стрелять по шинам. Они уже были не более, чем в двадцати метрах. Бонд готов был поклясться, что всадил в них, по крайней мере, четыре пули. Хоть бы что...

А если они из сплошной резины? И тут ему в первый раз стало страшно. Он снова зарядил револьвер. Может, попробовать сзади? Обойти эту штуку... Он сделал шаг, всего один — и вдруг — короткая вспышка озарила ночь желтовато-синим пламенем. И... крик, душераздирающий крик, переходящий в хрипение. Машина остановилась, нацелившись прямо на Бонда. Застыв от ужаса, он приготовился к самому худшему. Он даже разглядел тоненькую красную ниточку внутри огнемета. Он представил себе изуродованное тело Куоррела, так как самого Куоррела на этом свете уже не существовало. На секунду он представил себе маленькую кучку на песке — все, что от него осталось. Теперь его очередь. Вскрик и... очередь Ханни. Вот куда он завел своих спутников... Со своим полным спокойствием и абсурдной верой в себя! Он сжал зубы. «Торопитесь, мерзавцы, я-то уж не закричу».

Застрекотал громкоговоритель:

— Выходи, парень... Девчонка тоже... И побыстрее! Или вас зажарят, как того приятеля.

В качестве доказательства последовала короткая вспышка. Бонд отступил, буквально задохнувшись от огня. Он наткнулся на Ханни.

— Я должна выйти, я должна выйти! — завывала она.

— Спокойно, Ханни, — сказал Бонд невозмутимо. — Стойте у меня за спиной.

Решение принято. Даже если их убьют, то, по крайней мере, не таким ужасным способом. Он взял девушку за руку и поднял руки вверх.

— Отлично! Не двигайтесь! — завыл металлический голос. — Бросай оружие и не выпендривайся!

Бонд повиновался.

— Не беспокойтесь, Ханни, — сказал он. — Мы что-нибудь придумаем.

Он прекрасно знал, что это ложь. Он услышал, как открылась бронированная дверь. Оттуда вышел человек и направился к ним. В руках он держал револьвер. Он отошел в сторону от огнемёта. Отблеск света упал на его потное лицо — лицо желтокожего негра. Это был высокий детина в джинсах, голый по пояс. В руках у него что-то бряцало. Когда он подошел поближе, Бонд увидел, что это наручники. Человек остановился в метре от них.

— Отцепитесь друг от друга! — рявкнул он. — Теперь поднимите руки, запястья вместе. И идите ко мне. Ты — первый. И полегче, а то мы устроим тебе праздничный фейерверк.

Бонд подчинился. Подойдя, он почувствовал кислый запах пота. Человек взял револьвер в зубы и защелкнул наручники на запястьях Бонда.

— Эх ты, дурик! — засмеялся он.

Бонд развернулся и медленно пошел прочь. Ему нужно было посмотреть на Куоррела. Сказать ему «прощай».

Раздался выстрел, и пуля просвистела по песку у ног Бонда. Он остановился и медленно повернул голову.

— Не надо нервничать, — сказал он, — я только хочу посмотреть на человека, которого вы только что угроби́ли. Я сейчас вернусь.

— Ладно, — разрешил тот, опуская револьвер. — Иди, позабавься, но тотчас же возвращайся, иначе мы поджарим девчонку. Я даю тебе две минуты.

Бонд направился прямо к выжженным кустам. Он опустил голову. Это было еще хуже, чем он мог себе представить. Он тихо прошептал:

— Прости, Куоррел.

Он нагнулся, зацепил горсточку песка связанными руками и высыпал его на то, что было глазами Куоррела. Затем он не спеша вернулся назад и встал рядом с Ханничайлд.

Жестом человек пригласил их следовать за ним. Они обошли так называемого дракона. Сзади была маленькая квадратная дверь. Изнутри чудовища послышался голос:

— Входите и садитесь на пол. Ничего не трогайте, а то пожалеете.

Они прижались друг к другу в тесной железной кабинке. Она вся была пропитана запахом пота и бензина. Им едва хватило места сесть на корточки.

Человек с револьвером последовал за ними, захлопнул дверь. Он нажал одну из кнопок и сел на сиденье рядом с водителем.

— Порядок, Сэм, — рявкнул он, — поехали. Выключи огнемёт.

Водитель взял управление, и Бонд почувствовал как машина развернулась и тронулась с места.

— Куда они нас везут? — жалобно прошептала Ханни.

Бонд повернул голову и посмотрел на нее: лицо ее было совершенно белым от страха. Он пожал плечами с самым беззаботным видом, хотя это не соответствовало тому, что он ощущал в действительности.

— Я думаю, — прошептал он в ответ, — нас ждет свидание с доктором Но. Не волнуйтесь, Ханни, эти люди всего лишь мелкие гангстеры. А с доктором все будет по-другому. Во всяком случае, не раскрывайте рта: я буду говорить за двоих.

Он прижался к ее плечу.

— Мне нравятся ваши волосы, — сказал он. — Вы правильно сделали, что не подстригли их слишком коротко.

Лицо Ханни несколько расслабилось.

— Как вы можете думать об этом в такую минуту? — сказала она, пытаясь изобразить улыбку. — Но мне все равно приятно это слышать. Вы знаете, я мою волосы молоком кокосового ореха раз в неделю.

При воспоминании о своей прежней жизни глаза ее наполнились влагой. Чтобы скрыть слезы она нагнула голову и закрыла лицо руками.

— Я постараюсь держаться, — пробормотала она. — Пока вы рядом, мне не страшно.

Бонд разглядывал наручники. Доктор Но ни в чем себе не отказывал. Последняя модель американской полиции.

Он сжал левую руку — она была чуть тоньше правой — и попытался выскользнуть из стального круга. Но все усилия были напрасны: ничего не вышло.

Водитель и его компаньон сидели молча на своих местах. Спинами к своим узникам, так как полностью были уверены в успехе. Бонда бесило их спокойствие. Новички в этом деле ведут себя иначе — матерятся, угрожают, издеваются. По крайней мере — держат своих пленников на прицеле. Эти же знали себе цену. Они понимали, что Бонд целиком и полностью находится в их власти. Они не поздравляли друг друга с успехом, не жаловались на усталость. Ни слова о том, куда они едут. Спокойно, как заправские работяги, они завершали свою работу. Профессионалы, ничего не скажешь...

Бонд был под сильным впечатлением от мастерства и организации, которые стояли за всем этим. Он знал, что вскоре ему предстоит встреча с доктором Но, и он узнает в чем тут дело. Но это ни на шаг не приблизит их к свободе.

Он горько усмехнулся. Он прекрасно понимал, что его ждет страшная смерть. Если только ему не удастся убежать. А Ханни? Сможет ли он доказать непричастность девушки и добиться, чтобы ее отпустили? Может быть. Но ей не дадут покинуть остров. Она, по всей видимости, станет любовницей или женой одного из людей, а может и самого доктора Но, если тому понравится.

Его мысли были прерваны звуком мотора. Характерный звук, при переходе на другой режим работы. Бонд догадался, что они вышли на твердую почву. Они ехали по дороге, ведущей к шалашам рабочих. Пять минут, и они на месте.

Один из людей обернулся и посмотрел на Бонда и девушку.

Бонд любезно улыбнулся.

— По-моему, вы заслужили медаль, — пошутил он.

Темные глаза уставились на него без всякого выражения.

— Заткнись, сволочь, — сказал тот сквозь зубы.

— Почему они такие грубые? — прошептала Ханни. — И за что они нас так ненавидят?

— Я думаю, — сказал Бонд, — что они нас боятся. А главное, не могут нам простить, что мы их не боимся. Собственно, что и следует делать в подобной ситуации.

Девушка сильнее прижалась к нему.

— Я постараюсь вам во всем подражать, — сказала она уверенно.

В кабину проникал грязноватый серый свет. Новый день был на подходе: опять жара, обжигающий ветер и вонь от потных тел. Куоррел, великан Куоррел его уже не увидит. Бонд вспомнил о страховке. Куоррел словно предчувствовал, что идет на смерть, но слепо последовал за Бондом, не задав ни единого вопроса. Его вера в Бонда оказалась выше всех опасений. А Ханничайлд? Ее ждет та же участь. И все из-за него!

Водитель включил сирену. Затем взял микрофон. Его голос эхом отозвался в громкоговорителе.

— Все в порядке. Мы схватили парня и девушку. Третий мертв. Кончено.

Железная дверь медленно повернулась на петлях. Они проехали еще несколько метров, и водитель выключил двигатель. Струя свежего воздуха ворвалась в кабину. Грубые руки схватили Бонда и мягко поставили на землю. Он почувствовал дуло револьвера у поясицы. Сзади кто-то сказал:

— Стой на месте и не рыпайся!

Он обернулся. Еще один полунегр-полукитаец такого же внушительного размера, как и его приспешники. Его холодные глаза взирали на Бонда с явным любопытством.

Другой человек подтолкнул Ханни. Бонд гаркнул решительным голосом:

— Оставьте ее!

И твердым шагом подошел и встал рядом с девушкой. Оба китайца, казалось, удивились. Они топтались на месте.

Бонд огляделся. Они находились в гараже, который одновременно служил мастерской. «Дракон» стоял на эстакаде. На верстаке валялся разобранный подвесной мотор. Под потолком — неоновые лампы. Воняло бензином. Водитель с приятелем в последний раз оглядели машину и подошли к остальным.

— Как прошло? — спросил один из них. Водитель, должно быть старший по чину, ответил небрежно:

— Настоящий фейерверк. Разбиты фары, да и шины начинены пулями. Одну мы вытащили. Что касается этих двоих, мне приказано отвести их сами знаете куда... Потом я иду спать.

Он повернулся к Бонду:

— Пошел!

— Сам пошел! — сказал Бонд, — и будь повежливее. А своим гориллам скажи, чтобы убрали пушки, а то они могут покалечить друг друга.

Человек приблизился. Остальные трое встали вокруг. Глаза их налились кровью. Старший огромным кулаком съездил Бонду по носу. При этом сам едва удержался на ногах.

— Честное слово, — процедил он сквозь зубы, — праздник движется к финалу! В прошлый раз их мучали целую неделю. Попался бы ты мне!..

Он посмотрел на девушку с видимым злорадством. Он ничего не сказал, но в этом взгляде было все. Другие тоже посмотрели на Ханни. Все трое были похожи на детей — троих детей-монстров перед нарядной новогодней елкой.

Подумав, что не стоит больше пугать девушку, Бонд сказал:

— Ладно, вас четверо, а нас двое, да еще руки связаны. Пошли. Только не толкайтесь: доктору Но это может не понравиться.

При этом имени все четверо побледнели. Шеф посмотрел на Бонда, судорожно соображая, не допустил ли он, случаем, ошибку. Не был ли этот человек со связанными руками еще круче его патрона. Он хотел что-то сказать, но замялся и буквально выдавил из себя:

— Мы пошутили. Не так ли, ребята?

— Конечно! — закивали трое с испуганными лицами.

— Прошу вас, мсье, — сказал старший и вежливым жестом указал Бонду, куда идти.

Он повел Ханни за собой. Он был просто ошарашен от того, какое впечатление произвело на этих верзил одно лишь упоминание о докторе Но. Надо будет взять на заметку. Ему еще придется разбираться с людьми этого загадочного человека.

Они оказались перед бревенчатой дверью. Старший нажал на кнопку два раза и подождал.

Дверь распахнулась, и Бонд увидел длинный коридор, метров в десять, устланный ковровой дорожкой. В глубине виднелась другая дверь кремового цвета.

Старший отошел в сторону, пропуская их вперед.

— Идите прямо, мсье, — сказал он. — Постучите в дверь. Вас встретят. — В его голосе не было и тени иронии.

Бонд повел за собой Ханни, и дверь за ними захлопнулась. Он остановился и посмотрел на девушку.

— Все в порядке, Ханни? — спросил он ласково.

— Как приятно ступать по ковру, — сказала она, немного осмелев.

Кончиком пальца он погладил ее по руке. Они вместе подошли к кремовой двери и постучали. Дверь бесшумно раскрылась. Бонд вошел первым и остановился. Девушка за ним.

13

Они оказались как бы в шикарном холле самого фешенебельного небоскреба Нью-Йорка. Это была большая зала с обивкой приятного серого цвета. Весь пол был застлан пушистым красным ковром. Современные лампы освещали комнату мягким приятным для глаза светом. На стенах — прекрасные копии «Танцовщиц» Дега. Справа от Бонда изящная стойка с яркой кожаной обивкой. На ней — несколько предметов из такой же кожи и последняя модель интерфона. Два кресла с высокими спинками явно поджидали клиентов. На другом конце комнаты — низенький столик. На нем небрежно разбросаны роскошные журналы и каталоги. Пышные тропические цветы в вазонах источали тонкий аромат. В комнате находились две женщины.

За стойкой, склонившись над бумагами, сидела китайка с умным выражением лица в очках с черепаховой оправой. Густые черные волосы были коротко подстрижены по последней моде. Она улыбалась. Дежурная улыбка вышколенного метрдотеля высшей категории: разумная, услужливая и слегка испытующая. Женщина постарше держала дверь, в которую они только что вошли. Она ждала, когда они сделают несколько шагов вперед, чтобы, не дай Бог, не задеть кого-нибудь. Тип почтенной матроны. Тоже с примесью китайской крови. Она держалась очень грациозно, но вид у нее был скорее добродушный — бонна из добропорядочного семейства. Обе — в белоснежных одеждах, белых чулках и накрахмаленных головных уборах, как в самых шикарных институтах красоты Америки. Прекрасная гладкая кожа, но все же, слегка бледная, как у людей, которые редко выходят на улицу.

Пока Бонд озибался по сторонам, женщина, открывшая дверь, произнесла несколько общепринятых фраз, означающих приветствие. Можно было подумать, что они попали в бую и их давно и с нетерпением ждут.

— Бедные мои, — сказала дама с симпатией, — мы так боялись, что вы до нас не доберетесь! Нас предупредили, что вы в дороге, но мы действительно очень беспокоились. Мы ждали вас вчера вечером к чаю. Нас только полчаса назад предупредили, что вы будете к завтраку. Вы, должно быть, сильно проголодались?

Элегантная матрона прервалась на секунду, чтобы перевести дыхание. Затем тем же изысканным тоном она продолжила:

— Подойдите, пожалуйста, вы поможете сестре Роуз, заполнить карточки прибытия, а затем немедленно отдыхать. Вы совершенно без сил, я уверена.

Она подвела их к креслам и сказала:

— Позвольте представиться. Я сестра Лайли, а это сестра Роуз. Она задаст вам несколько вопросов. Хотите сигарету?

Она протянула открытую кожаную коробку с тремя отделениями.

— Американские, Плейерс, турецкие?

Бонд поднял скованные руки. Сестра Лайли с ужасом воскликнула:

— О, сестра Роуз, дайте мне скорее ключ! Сколько раз я просила, чтобы клиентов не приводили в таком виде. Внешний персонал просто невозможен.

Сестра Роуз, казалось, тоже очень смущена. Она поспешно раскрыла две пары наручников и с отвращением бросила их в корзину для бумаг, словно это не наручники, а грязные бинты.

— А теперь я обещаю вам оформить все как можно быстрее. Ваше имя,

пожалуйста, мсье?..

— Брайс. Джон Брайс.

— Адрес?

— Королевское зоологическое общество Реджент Парк, Лондон, Англия.

— Профессия?

— Орнитолог.

— Боже мой, не могли бы вы произнести по буквам, пожалуйста? — Бонд выполнил ее просьбу. — Цель визита?

— Птицы, — ответил Бонд коротко. — Я представитель общества Одюбон из Нью-Йорка. У них концессия на этот остров.

— В самом деле? — спросила сестра Роуз, не поднимая глаз.

Она в точности записывала то, что говорил Бонд.

— А вы, мадам?

С услужливой улыбкой она перевела взгляд на Ханничайлд.

— Это ваша супруга? Она тоже интересуется птицами?

— Да, конечно, — ответил Бонд.

— Ваше имя? — Ханничайлд.

— Какое восхитительное имя! — воскликнула сестра Роуз.

— Ваши самые близкие родственники, и это все.

Бонд назвал подлинное имя М., в качестве дяди. Генеральный директор по импорту-экспорту, Реджент Парк, Лондон.

Сестра Роуз заполнила формуляр и подняла наконец глаза.

— Я вам очень признательна, мистер Брайс, — сказала она. — Надеюсь, вам у нас понравится.

Подошла сестра Лайли.

— А теперь, дорогие мои, пойдете со мной. О Боже, я забыла номера их комнат!

— Это по кремовому коридору, — подсказала сестра Роуз. — Номер четырнадцать и пятнадцать.

— Ах да, спасибо, дорогая. Пожалуйста, прошу вас. Идти нужно довольно далеко. Доктор часто заговаривает о том, что надо установить скользящую дорожку, но вы же знаете... деловой человек, — сказала она с веселым смешком в голосе. — У него столько идей в голове!

— Да, конечно, — вежливо согласился Бонд.

Он взял Ханни за руку, и они пошли следом за сестрой Лайли. Они шлепая нескончаемыми коридорами по ковровым дорожкам. На стенах — изящные бра. Бонд вежливо поддерживал разговор. Но мысли его были заняты другим — приемом, который им был оказан на самом высшем уровне. Он готов был поклясться, что обе сестры были совершенно искренни. Он не почувствовал фальши ни в голосе, ни в жестах. Отсутствие резонанса в комнате, а затем в коридорах подтверждало его догадку, что они находятся под холмом. Шли они на восток, по направлению к утесу, которым заканчивался остров с этой стороны. Вентиляция работала отлично: на стенах ни единого следа плесени, что часто бывает в подземных строениях. Бонд прикинул во что это обошлось доктору — выстроить такой подземный дворец. И это не считая отличного технического оснащения.

Бледность обеих женщин доказывала, что они, должно быть, всю жизнь провели под землей. По словам сестры Лайли они составляли внутренний персонал, который не имел никакого отношения к людям наверху. Они, казалось, даже не в курсе, что там наверху происходит, и чем там ребята занимаются.

«Все это очень забавно», — заключил он про себя. Но это очень опасные забавы. Так или иначе, внутри гораздо приятнее, чем снаружи...

Длинный коридор заканчивался дверью. Сестра Лайли позвонила. Их уже ждали,

так как дверь тотчас же отворилась. Восхитительная китаянка в цветастом кимоно встретила их на пороге и низко поклонилась. На лице — та же приветливая улыбка. И та же бледность: нежный полураскрывшийся цветок.

— Ну вот и они наконец, Мэй! — крикнула сестра Лайли. — Позвольте представить вам мсье и мадам Брайс. Они очень устали, поэтому давайте сразу же проводим их в комнаты. Там они и позавтракают, и отдохнут.

Она повернулась к Бонду.

— Это Мэй... Она просто ангел. Она позаботится о вас обоих. Ну а если вам что-нибудь будет нужно от меня, позвоните. Все наши пациенты просто без ума от Мэй... Вам здесь будет хорошо.

«Пациенты», — подумал Бонд. Вот уже второй раз она произносит это слово!

— Рад с вами познакомиться, Мэй.

Мэй улыбнулась в ответ и сказала бархатным голосом:

— Я надеюсь, вам здесь понравится. Вам и вашей супруге, мистер Брайс. Я позволила себе заказать вам завтрак, как только узнала о вашем прибытии. Пожалуйста, следуйте за мной...

Она повела их по другому коридору — бледно-розовые стены и серый пушистый ковер. По обе стороны — двери с номерами. Мэй открыла дверь четырнадцатого номера, и они вошли за ней следом.

Это была чудная спальня с мебелью из бамбука. На белоснежном ковре отчетливо выделялись кресла, обитые кретоном с крупными красными розами. Еще одна дверь вела в мужскую спальню, а та, в свою очередь, в супер-роскошную ванную комнату. Как в самом дорогом отеле Флориды, если бы не две детали: комнаты были без окон, и с внутренней стороны двери отсутствовала ручка...

Мэй переводила взгляд с Бонда на Ханничайлд. В глазах ее светилась надежда.

Бонд улыбнулся ей в ответ.

— Я уверен, что нам здесь будет очень хорошо.

Раздался робкий стук в дверь, и показалась другая девушка, такая же красивая как и Мэй. В руках она держала поднос. Она поставила его на маленький столик в центре комнаты и придвинула два стула. Отработанным жестом сняла белоснежную батистовую салфетку и бесшумно вышла из комнаты. От подноса исходил неотразимый аромат кофе и поджаренного бекона.

Мэй и сестра Лайли удалились. Сестра Лайли сочла своим долгом по-матерински сказать им несколько слов на прощанье.

— Теперь, дорогие мои, мы не будем вам мешать. Если что-нибудь будет нужно — звоните. Кнопки рядом с кроватью. О, я совсем забыла! В шкафу вы найдете чистую одежду. Это китайская одежда, но по размеру вам подойдет. Нам сообщили ваши размеры вчера вечером. Доктор распорядился, чтобы вас не беспокоили. Он был бы очень рад, если бы вы оказали ему удовольствие отужинать с ним сегодня вечером. А пока вы вправе распоряжаться своим временем. Устраивайтесь.

Она замолчала, затем спросила озабоченно:

— Так я могу сказать, что вы...

— Да, конечно, — перебил ее Бонд. — Вы можете сказать доктору, что мы охотно примем его предложение.

— О! Он будет так рад, так рад, — заохала сестра Лайли.

Поклонившись, женщины вышли и закрыли за собой дверь.

Бонд повернулся к Ханни. Она была сильно смущена и избегала смотреть ему в глаза. И вдруг ему пришло в голову, что она ни разу в жизни не видала такой роскоши и столь изысканный прием нагнал на нее еще больше страху, чем дракон предыдущей ночью.

Она стояла, как столб, в своем дикарском наряде, и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Лицо ее все было покрыто пылью, потом и морской солью. Голые

ноги по колено вымазаны грязью, а большие пальцы судорожно впились в густой пушистый ковер.

И тут он весело рассмеялся, подумав, какую забавную картину являли они оба: она в своем отрепье, а он — в грязной рубашке и рваных джинсах.

Он взял ее за руки. Они были совсем холодные.

— Ханни, — сказал он, — мы похожи на два огородных пугала. Но это неважно. Самое главное — решить, что мы будем делать сначала: завтракать или мыться. Если второе, то завтрак остынет. Обо всем остальном не беспокойтесь. Завтрак превыше всего.

Она продолжала задумчиво улыбаться. Ее голубые глаза вопросительно уставились на Бонда.

— Вы не боитесь того, что с нами может произойти? Вам не кажется, что это ловушка?

— Ну конечно же это ловушка! — сказал Бонд тоном фаталиста, — и мы в нее уже попались! Ханни, свыкнитесь с мыслью, что мышеловка захлопнулась и единственное, что мы можем сделать — это съесть сыр. Так холодный или горячий?

Бонд снова взял ее за руки и продолжил уверенным тоном:

— Прошу вас, Ханни, не думайте ни о чем. Предоставьте это мне. Вспомните, где мы были еще час назад. Теперь ведь гораздо лучше? Ну так решайте: ванна или завтрак?

— Если вы думаете... — начала она. — Я хочу сказать... Ладно, лично я предпочитаю сперва помыться. Но вы должны мне помочь. Я ни разу в жизни не пользовалась всеми этими предметами, — она кивнула в сторону ванной комнаты, где поблескивали разные краники.

— Это очень просто, — сказал Бонд, ничуть не смутившись. — Я все приготовлю. А пока вы будете принимать ванну, я позавтракаю. И закрою вашу порцию, чтобы она не остыла.

В стенном шкафу нашлось с полдюжины шелковых и хлопчатобумажных кимоно. Бонд взял одно из них и протянул Ханни.

— Спасибо, Джеймс, — промолвила она.

И начала расстегивать блузку. Бонду очень хотелось обнять ее и целовать до потери сознания. Но он подавил желание и пошел в ванную комнату. Там было все, что нужно: морская соль для ванн, душистое дорогое мыло и туалетные принадлежности самого лучшего качества.

В зеркале он увидел отражение: бронзовое от загара тело на фоне белоснежного интерьера.

Не успел он шевельнуться, как Ханничайлд подбежала к нему и стала покрывать страстными поцелуями его волосы, лицо, руки... Сердце ее бешено колотилось. Он привлек ее к себе. Она прошептала ему на ухо:

— В кимоно я буду выглядеть смешной, без него лучше... И потом, вы же сказали им, что мы муж и жена.

У нее были нежные и теплые груди. Всем своим худеньким телом она прильнула к нему.

«Почему бы и нет? — сказал себе Бонд. — Почему? Нет! Только без глупостей! Сейчас не время. Мы стоим на пороге смерти, и не стоит рисковать. Нельзя дать себе расслабиться. Не поддавайся, будь тверд».

Мягко, но решительно он отстранил девушку. Он едва коснулся ее розовых губ. Затем оттолкнул. Какое-то время они смотрели друг на друга, не в силах отвести глаз. Ханни тяжело дышала, губы ее раскрылись, показывая ослепительной белизны зубы.

— Ханни, — сказал Бонд глухо, — залезайте в ванну, пока я вас не отшлепал!

Она улыбнулась и, не говоря ни слова, ступила в ванну и растянулась в воде. Краешком глаза она наблюдала за ним.

— Джеймс, — заговорила она, — вы должны меня помыть... Я не умею... Покажите мне, как это делается.

— Замолчите, Ханни, — рассердился Бонд. — Берите мыло, губку и трите! Сейчас совсем не время заниматься любовью, поймите. А я пойду завтракать, — сказал он, уговаривая скорее себя, чем ее.

Он взялся за ручку двери и решительным жестом распахнул ее.

— Джеймс, — пролепетала она ласково.

Он повернулся. Ханни показывала ему язык. Он сердито улыбнулся и хлопнул дверью.

Сердце его бешено колотилось. Он заставил себя успокоиться и выбросить Ханни из головы. Нужно было проверить возможные пути бегства из этих роскошных апартаментов. Сначала он стал искать что-нибудь, что могло бы послужить оружием. Затем встроенные микрофоны и другие ловушки. Ничего. Электронные часы на стене показывали половину девятого. У кровати — ряд кнопок с надписями: парикмахер, маникюрша, горничная... Телефона нет. В углу, под самым потолком — маленький вентилятор. Слишком маленький, к сожалению. Двери сделаны из легкого металла и выкрашены в тот же цвет, что и стены. Бонд изо всех сил навалился на дверь плечом. Она даже не шелохнулась. Он потерял плечо. Да... хорошенькая тюрьма! Но все же тюрьма... Ничего не поделаешь. Он уселся за стол и принялся за еду. Из ванной комнаты раздавался тоненький голосок — Ханни напевала популярную песенку. Бонд мысленно заткнул уши и накинудся на яичницу.

Через десять минут дверь ванной открылась. Бонд поспешно закрыл голову руками. Ханни выдала презрительный смешок и сказала:

— Да это же просто трус! Он боится самой обыкновенной девушки.

Бонд слышал как она роется в шкафу. Она продолжала бормотать вполголоса, как бы самой себе:

— Хотела бы я знать, чего он боится. Если мы поборемся, то я одержу верх, это точно. Может быть он этого боится... Может он просто слабак. Однако, глядя на его мускулы и грудную клетку, этого не скажешь... Остальное я еще не видела. Ему явно стыдно за что-то. Поэтому-то он и не раздевается... Хм... посмотрим... Вот это кимоно ему понравится? Джеймс, дорогой, — сказала она чуть громче, — что вы скажете о белой тунике с голубыми птицами? Вам понравится?

— Да, черт вас побери! — проговорил Бонд сквозь зубы. — Идите завтракать. Я просто засыпаю.

— О! — воскликнула она. — Если вы считаете, что пора в кровать, то я быстро!

Бонд открыл глаза. Она улыбалась. Она была просто восхитительна. Ее длинные белокурые волосы были зачесаны на сторону и едва касались щеки. Она вся так и сияла, а огромные голубые глаза сверкали от удовольствия. Теперь Бонд был совершенно уверен: ему очень нравился ее сломанный нос. Он признался себе, что был бы огорчен, если бы она стала просто красивой девушкой среди других красивых девушек.

— Послушайте, Ханни, — сказал он так строго, как только мог. — Вы очаровательны, но не стоит выставлять напоказ ваши прелести: кимоно так не носят. Ради всего святого, перестаньте изображать из себя «девушку по вызову». Тем более за завтраком.

— Злюка! — сказала она, запахивая кимоно. — Почему вы не хотите поиграть? Мне очень хочется поиграть в мужа и жену.

— Но не за завтраком, — повторил Бонд твердо. — Идите есть, все очень вкусно. Посмотрите на кого я похож. Я пойду побреюсь и приму ванну.

Он поднялся, подошел к ней и поцеловал в голову.

— А что касается игры, как вы это называете, — добавил он, — клянусь вам, из всех женщин в мире я выбрал бы вас в качестве партнера. Но не теперь.

И не дожидаясь ответа он быстро направился в ванную. Под душем ему вдруг безумно захотелось спать. Сон накатывался на него волнами, глаза его просто слипались. Он едва смог вычистить зубы. Все симптомы налицо: ему подсыпали снотворное. В кофе, наверное, или в апельсиновый сок... Какая теперь разница, куда именно. У него было лишь одно желание — спать. Словно сомнамбула он доковылял до двери, совершенно забыв при этом, что не одет. Это не имело значения: Ханни уже позавтракала. Так и есть. Она лежала голая в кровати, под простыней, и спала глубоким сном. Он погасил свет в комнате и рухнул на свою постель.

Электронные часы показывали половину десятого.

В десять часов дверь медленно открылась. В проеме показался человек. Стройный, высокий, очень худощавый. Это был мужчина ростом не менее ста восьмидесяти пяти сантиметров. Некоторое время он прислушивался, не решаясь зайти в комнату. Затем, успокоившись, зашел и склонился над кроватью, где спала Ханничайлд. Она размеренно и глубоко дышала. Человек зажег мощный фонарь, который висел у него на груди. Несколько минут он внимательно разглядывал лицо спящей девушки. Затем протянул руку и медленно стянул простыню. Но это была не рука... а стальная клешня на шарнирах, которая тут же исчезла в широком рукаве кимоно из черного шелка.

Человек долго разглядывал обнаженное тело с мечтательной полуулыбкой на лице. Затем также медленно стальная рука ухватила край простыни и заботливо укрыла Ханни.

Далее он подошел к кровати Бонда. Он исследовал каждую линию прекрасного смуглого лица, которое безжизненно покоилось на подушке. Затем человек проверил пульсацию шейной артерии и сосчитал удары. Потом стянул простыню и прислушался к биению сердца. Оценивающим взглядом он окинул мускулатуру рук и груди. Долго рассматривал свисающую с кровати кисть. И наконец, также заботливо накрыл простыней. С минуту еще высокий силуэт возвышался над спящим Бондом. Посмотрев все, что ему было нужно, незнакомец покинул комнату.

14

Было четыре часа тридцать минут. Вдоль залежей гуано медленно ползла последняя за этот день вагонетка с грузом. Сотня мужчин и женщин лениво разбредались по сторонам, заслышав свисток мастера, означавший конец работы. Мужчины взяли трубки и, напевая, направились к шалашам. Завтра по другую сторону холма будет праздник. К берегу пристанет корабль с провиантом, который приходит раз в месяц. То есть, будет большое оживление: свежие продукты, дешевая бижутерия, танцы, потасовки. Жизнь прекрасна...

Жизнь прекрасна и для персонала. Все полунегры-полукитайцы, которые отлавливали Бонда, Куоррела и Ханничайлд, тоже получают отпуск. И завтра, за исключением охраны и дежурных по кухне, для всех наступит праздник.

Глубоко под землей, в самом центре холма, Бонд проснулся в своей кровати. У него слегка болела голова, но он чувствовал себя совершенно отдохнувшим. Ханни уже встала: он слышал как она напевала в ванной комнате. Она появилась со стопкой сложенных кимоно, спокойная, свеженькая, улыбающаяся. На ней было шелковое кимоно голубого цвета, что самым замечательным образом гармонировало с золотистым оттенком ее кожи. Бонд потянулся.

— Только не переодевайтесь!

— Ну что же вы еще в кровати! — сказала она с деланным удивлением. — Я думала вы никогда не проспите. Я несколько раз приходила. Может поедим?

— Почему бы и нет? — ответил Бонд, обнимая ее за талию.

Он пробежал глазами по кнопкам и нажал на «внутреннюю службу».

— Может все попробуем? — спросил он. — Раз уж мы оказались здесь, пусть нас обслуживают по полной программе.

— Что такое маникюрша? — спросила Ханни, давась от смеха.

— Это женщина, которая приводит ногти в порядок...

Но сейчас он думал о другом: нужно во что бы то ни стало достать какое-нибудь оружие. Иначе отсюда не выбраться. Даже пара маникюрных ножниц лучше, чем ничего.

В дверь робко постучали. Очаровательная Мэй впорхнула в комнату. За ней — две миниатюрные китаянки. Без лишних разговоров Бонд заказал чай, бутерброды, парикмахера и маникюршу.

— Не будете ли вы так любезны, — сказала Мэй почтительно кланяясь, — сказать, что вы желаете на ужин?

Она протянула им два толстых меню в красивом переплете. Без всякого энтузиазма Бонд заказал черную икру, бараньи котлеты и профитроли.

Мэй слегка кивнула головой в знак одобрения.

— Доктор спрашивает, — продолжила она, — устроит ли вас время ужина в четверть девятого?

— Да, вполне, — ответил Бонд.

— Я вам очень признательна, мистер Брайс. Я зайду за вами на десять минут раньше.

В это время Ханни была уже в ловких руках парикмахера и маникюрши.

Бонд налил себе джину и пошел в свою комнату. Этот план рухнул: тут стянуть ничего не удастся. Ножницы и другие маникюрные принадлежности были пристегнуты к поясу на стальной цепочке. Ножницы парикмахера — тоже.

Со стаканом в руках Бонд погрузился в мрачные размышления. Чуть позже он услышал, как китаянки уходят. Он вернулся, посмотрел на Ханничайлд и воскликнул:

— Боже, как вы прекрасны!

Он налил себе второй стакан, посмотрел на часы и надел черное кимоно.

— А я в этом кимоно выгляжу как законченный идиот! — вздохнул он.

С точностью до минуты Мэй пришла за ними, как и обещала. Не говоря ни слова, они последовали за ней по тому же нескончаемому коридору. Мэй вызвала лифт. Дверцу открыла совсем молоденькая китаянка. Спускаясь вниз, Бонд отметил про себя, что даже лифт был самой последней модели. Эта деталь повергла его в еще большее уныние. Он не знал, что их ожидает, но не мог заставить себя не думать о самом страшном исходе.

Ханни тронула его за плечо.

— Вы на меня не сердитесь, Джеймс? — прошептала она.

— Нет, — ответил Бонд с натянутой улыбкой. — Я сержусь на себя.

Он склонился к ней и прошептал совсем тихо:

— Я хочу вас предупредить о сегодняшнем вечере. Вы должны молчать. Говорить буду я, за нас обоих. А вы постарайтесь быть естественной. И не бойтесь доктора Но. Он, скорее всего, сумасшедший.

Лифт остановился. Бонд не имел ни малейшего представления о глубине, на которой они находились. Триста метров, пятьсот?.. Двери автоматически распахнулись. Бонд и Ханничайлд оказались в просторной комнате. В ней никого не было. Три стены сплошь заняты книжными стеллажами, до потолка. Четвертая — огромное темно-синее стекло. Комната, должно быть, служила одновременно кабинетом и библиотекой. В углу стоял письменный стол, немного дальше — удобные кресла, журнальный столик. Мягкий ковер темно-зеленого цвета и приглушенный свет. Перед стеклянной стеной еще один столик. На нем — поднос с

фужерами и виски.

Бонд подошел к стене. В синеватой массе воды промелькнули маленькие рыбки, за ними рыбки побольше. Затем все исчезло. Что это такое? Аквариум? Бонд поднял голову. В нескольких сантиметрах от потолка короткие волны набегали на стекло. И тоненькая полоска неба, усеянного звездами... Это был не аквариум, а настоящий океан и ночное небо. Стена была сделана из оргстекла, а они находились на глубине метров в семь. Ханничайлд зачарованно смотрела на стекло и не могла вымолвить ни слова. Да и сам Бонд не мог оторвать глаз от этой без конца меняющейся картины, от этих рыб, блестящих раковин. И вдруг зажглись два мощных прожектора. Их лучи пересеклись посередине, высвечивая огромную серую акулу. Бонд разглядел ее розовые свинячьи глаза, которые бешено вращались от ослепительного света. Акула презрительно вильнула хвостом и исчезла, стремительно рассекая воду гигантским телом. Огни погасли. Бонд обернулся. Он ожидал увидеть доктора, но комната была по-прежнему пуста. Кому в голову могла прийти такая безумная идея? А главное, как это все сделано? И каких денег стоило?

— Миллион долларов, — произнес глухой голос с легким американским акцентом.

Медленно, почти что с сожалением. Бонд повернулся в ту сторону, откуда слышался голос.

Доктор Но вошел в дверь за письменным столом. Он стоял и смотрел на них, благодушно улыбаясь своими тонкими губами.

— Я полагаю, — сказал он, — вы думаете сколько это может стоить. Обычно все мои гости задают один и тот же вопрос. Я не ошибся?

— Вы абсолютно правы, — ответил Бонд холодно.

По-прежнему улыбаясь, — должно быть, это уже вошло в привычку — Доктор подошел к ним. Казалось он не идет, а скользит по ковру. Он был очень высок. К тому же он держался прямо, и Бонд со своим ростом в метр восемьдесят казался рядом с ним маленьким мальчиком. Голова его была гладко выбрита, подбородок заострен. Это придавало его лицу вид перевернутой капли воды, или даже скорее, капли масла, так как кожа имела желтый оттенок. Невозможно было определить возраст этого человека. На лице ни одной морщинки: это придавало его физиономии довольно забавное выражение — гладкий лоб плавно переходил в такой же гладкий череп. Очень впалые щеки и выступающие скулы, очертаниями напоминавшие старую слоновую кость. Черные тонкие брови, казалось, были нарисованы. Под ними сверкали черные, как уголь, глаза без ресниц... Не глаза, а две черные точки — пристальные, неумолимые и совершенно лишенные какого бы то ни было выражения. Тонкий прямой нос заканчивался почти у самых губ. И улыбка — жесткая и решительная.

Остановившись в нескольких метрах от Бонда, доктор Но поклонился. Улыбка его стала совершенно невыносимой.

— Извините, что я не предлагаю вам руки. Я не могу этого сделать.

Медленно он развел рукава кимоно в стороны.

— У меня нет рук, — сказал он глухо.

Две пары стальных зажимов, напоминающие усики богомола, высунулись из шелковых рукавов, затем исчезли.

Ханничайлд в ужасе отпрыгнула.

Он протянул рукава в сторону девушки и сказал важно:

— Да, это большое несчастье.

И затем повернувшись к Бонду:

— Вы любуетесь моим аквариумом? Человеку свойственно любить животных и птиц, я же решил полюбить рыб... Это гораздо интереснее. Я уверен, вы вскоре разделите мои пристрастия.

— Я вас поздравляю от всей души, — ответил Бонд спокойно. — Я никогда не забуду этой комнаты.

— Безусловно, — проговорил доктор Но несколько сардоническим тоном. — ...Но нам так много нужно сказать друг другу, а у нас так мало времени!.. Садитесь, пожалуйста. Хотите выпить?.. Сигареты рядом с вами.

Доктор Но уселся на высокий стул. Бонд напротив.

К ним подошел маленький негр-китаец в черных шароварах и белой курточке.

— Вот мой телохранитель, — любезно представил его доктор Но. — Это эксперт по многим вопросам... Не удивляйтесь, что он появился так неожиданно. У меня всегда при себе передатчик... — Он кивком показал на грудь.

— Что вам налить, мадемуазель?

"Он не сказал «мадам», — подумал Бонд, поворачиваясь к Ханничайлд.

Глаза девушки вспыхнули.

— Кока-колы, пожалуйста.

Бонд облегченно вздохнул. Ханни выдержит. Она не даст себя одурачить всей этой показухой.

— Я предпочел бы martini-драй с русской или польской водкой и лимонной цедрой, — сказал он мягким голосом. — Охлажденный, но не слишком.

— Понимаю, — кивнул доктор Но, улыбнувшись своей загадочной улыбкой. — Я вижу, вы один из тех, кто знает, чего он хочет. На этот раз ваши пожелания будут учтены... Вы не заметили, что когда действительно хочешь чего-нибудь, всегда добиваешься? Я часто размышляю об этом.

— Это верно, когда речь идет о мелочах, — ответил Бонд.

— Ну, если вам не удаются сложные вещи, значит у вас нет честолюбия. Достаточно иметь сильную волю и уметь сосредоточиться на желаемом объекте. Остальное приложится само собой. Дайте мне точку опоры, и я переверну вселенную... Если мне, действительно, захочется ее перевернуть. Я вам наскучил, может быть? Мы болтаем о том о сем и ждем серьезного разговора, не так ли?.. Мартини вам по вкусу? Сам-Сам, — позвал он повернувшись к своему телохранителю, — поставьте шейкер [стакан для приготовления коктейлей] рядом с господином, а девушке еще одну бутылку кока-колы... Сейчас десять минут девятого. Мы приступим к ужину ровно в девять.

Доктор Но выпрямился в красивом кожаном кресле. На какое-то мгновение в комнате воцарилась полная тишина. Затем он сказал:

— А теперь, мистер Бонд из «Секретной службы», поговорим о наших маленьких секретах. Сперва, чтобы доказать вам, что я ничего не скрываю, я поделюсь своими, затем, — ваша очередь.

Глаза доктора Но сверкали, словно два черных уголька.

— Но мы ведь будем говорить только правду, не так ли? — добавил он. — Только правду.

Он повертел своими клешнями у Бонда перед носом.

— Если вы солжете, — отчеканил он, — эти штуки дадут мне знать.

И осторожно доктор Но поднес зажимы к глазам, словно хотел пронзить их своим взглядом. Послышался легкий металлический щелчок.

— Эти штуки все видят, — сказал он.

15

Джеймс Бонд взял свой стакан и стал задумчиво потягивать коктейль. И так, его карта бита. История с представительством общества Одюбон не выдержит критики. Оставалось придумать, как ему выпутать Ханничайлд. И прежде всего, как ее подбодрить. Он любезно улыбнулся доктору Но и сказал:

— Несколько дней назад мне посчастливилось встретиться с вашим агентом, мисс Таро, в резиденции губернатора. Я написал рапорт и этот факт будет обнародован в самое ближайшее время.

Ни один мускул не дрогнул на лице доктора Но. Никакого интереса.

— Как впрочем, — продолжил Бонд, — и многое другое. Но раз уж мы затеяли серьезный разговор, оставим все как есть, прошу вас. Вы очень интересный человек, но к чему вам вызывать лишний интерес к своей персоне? С вами случилось несчастье — вы потеряли руки и носите протезы. Эта участь постигла многих, кто был ранен на войне. Вы также носите контактные линзы вместо очков и используете карманную рацию вместо звонка для вызова слуг. У вас, наверняка, есть и другие забавные штучки. Но несмотря на это, доктор Но, вы всего лишь человек, который спит и ест, как и все люди... Приберегите ваши штучки для землекопов. Я и не такое видал.

Доктор Но слегка наклонил голову.

— Хорошо сказано, мистер Бонд. Я принимаю ваш урок. Вы безусловно правы, у меня есть свои маленькие слабости, так как долгое время я жил среди людей недостойных. Но все же, будьте осторожны, я ведь технарь. Я пригоняю инструмент к материи, и у меня имеется богатый выбор инструментов специально для упорных материалов. Но продолжайте, мне очень приятно беседовать с таким умным человеком как вы. Очень редко мне доводится говорить на равных. Я хотел бы поведать вам историю самого выдающегося человека в мире. Вы первый, кто услышит эту историю, так как до сегодняшнего дня я ее никому не рассказывал. Вы единственный человек, который способен оценить ее по достоинству. А также, — доктор Но выдержал паузу, — оставить ее при себе. Последнее замечание относится также и к мадемуазель.

Ну вот! Занавес приподнимается, но ни Бонд, ни Ханничайлд никогда никому не смогут рассказать о том, что они здесь видели и слышали. Теперь Бонд знал точно: доктор Но очень силен и хорошо экипирован. Тем не менее, он сделал последнюю попытку.

— Не стоит, — проговорил он вяло, — впутывать девушку в наши дела. Она не имеет ко мне никакого отношения. Я увидел ее впервые здесь, на пляже, вчера утром. Она собирала ракушки. И так как ваши люди сломали ее лодку, я вынужден был взять ее с собой. Отправьте ее домой. Она будет молчать. Она даст вам слово.

— Я буду молчать?! — возмутилась Ханничайлд. — Я все расскажу. Я не хочу домой — я остаюсь с вами.

— Вы мне уже надоели, — заявил Бонд ледяным тоном.

— Послушайте, — сказал доктор Но, блаженно улыбаясь. — Не разыгрывайте из себя героев! Это ни к чему. Никто никогда не возвращался с этого острова. Никто, слышите? Не надо ни спорить, ни пытаться меня задобрить — это совершенно бесполезно.

Бонд посмотрел на Ханни, улыбаясь:

— Сам не знаю, что я говорю, Ханни. Я очень хочу, чтобы вы остались со мной. Послушаем вместе, что нам расскажет этот маньяк.

— Это правда, мистер Бонд, — тихо сказал доктор Но, — я маньяк. Великие ученые, художники, философы, святые — все маньяки. Я, видите ли, страдаю манией власти. Она придает моей жизни смысл, и именно потому я здесь. И вы тоже. И Крэб Ки не совсем обычный остров тоже именно поэтому.

Бонд допил свой стакан и налил другой.

— Это не удивительно, — сказал он степенно. — Знакомая история. Мир полон людей, которые мнят себя то королем Англии, то президентом Соединенных Штатов, то самим Господом Богом. Сумасшедшие дома ими просто переполнены. Разница лишь в том, что вместо того, чтобы отдыхать в государственной или частной клинике,

вы построили себе индивидуальную психушку. Но я пытаюсь понять как вы, находясь здесь, в полной изоляции от остального человечества, строите иллюзии о мировом господстве.

— Мистер Бонд, — сказал доктор Но с некоторым раздражением в голосе, — неужели вы не понимаете, что власть — это полная самостоятельность. Вы говорите о королях, президентах... Какая у них власть?.. Только та, что дает им их народ. Какой властелин в нашем современном мире имеет еще право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных? Теперь, когда Сталин мертв, можете ли вы назвать мне хоть одно имя, кроме моего? А как это возможно, что я обладаю именно такой властью? Да очень просто, потому что никто об этом не знает... Потому что я ни перед кем не должен отчитываться.

— Это иллюзия власти, — сказал Бонд, пожимая плечами. — Всякий человек с револьвером в руке распоряжается жизнью и смертью своего ближнего. Даже если кто-то убьет втихаря, и никто при этом не узнает, он не избежит наказания. Этот человек окажется в полной изоляции, так как есть высшая власть — власть общества. И вас ждет та же участь, доктор Но. Говорю вам: ваши поиски абсолютной власти — иллюзия, потому что власть сама по себе иллюзия.

— Красота тоже, мистер Бонд, иллюзия. И искусство, и деньги, и смерть. И жизнь, вероятно. Это всего лишь относительные понятия. Вы играете словами. Мне это безразлично. Вернемся, если хотите, к началу нашего разговора — о моей мании власти. И прошу вас, — сказал он с неизменной улыбкой, — не думайте, что эти полчаса нашего разговора что-либо изменят в моей линии поведения. Послушайте лучше историю, которую я хочу вам рассказать...

Искусственность всей этой сцены: три человека в мягких креслах, преспокойно попивающих разные напитки, приглушенный свет, пушистые ковры... все это вдруг показалось Бонду полным абсурдом. Надвигающаяся опасность, трагизм их положения превратились в ничто по сравнению с грациозным передвижением раковины в форме тюльпана за стеклом. А что, если стекло лопнет?.. Что если сопротивляемость стекла плохо рассчитана, или рабочие допустили небрежность в работе?.. И что если, просто-напросто, море чуть-чуть сильнее надавит на стекло?..

— Я, — начал доктор Но не спеша, — единственный сын миссионера методистской церкви, немца по происхождению и юной китаянки из добропорядочной семьи. Я родился в Пекине, но по ту сторону баррикад, как говорится. Я всем был помехой. Тетушке моей матери хорошо заплатили за то, что она взяла меня к себе и воспитала. Никакой любви, понимаете, мистер Бонд! Отсутствие эмоций. Семя посеяно — и дало всходы. Я начал работать в Шанхае, где связался с тонгами. Благодаря им я полюбил конспирацию, кражи, убийства, поджоги... Это был протест против отца, которого мне не доставало, который меня предал... Я полюбил убивать, уничтожать предметы и людей. Я стал большим специалистом в преступном мире. Тогда-то и начались неприятности. Тонги слишком меня ценили, чтобы использовать как простого убийцу. Меня послали в Нью-Йорк. У меня было зашифрованное рекомендательное письмо к одному из двух главарей тонгов в Америке. Я так и не узнал, что было в письме, но он принял меня как человека, которому можно доверять. В тридцать лет я стал у них казначеем. Я ведал суммой в миллион долларов. И тут началась война между двумя группировками тонгов. Это было в двадцатые годы. В течение буквально нескольких недель и с той и с другой стороны были убиты сотни людей. пытки, убийства, поджоги — я чувствовал себя в своей стихии... Дело испортилось, когда для наведения порядка мобилизовали всю полицию Нью-Йорка. Тогда я перевел миллион долларов в золото и исчез в Гарлеме... Это было ошибкой: мне следовало покинуть Америку, забраться как можно дальше, так как тонги разыскивали меня даже в камерах Синг-Синга [крупнейшая американская тюрьма]. И они меня отыскивали. Убийцы пришли ночью. Меня пытали, но я так и не сказал, где

спрятано золото. Они пытали меня всю ночь, а наутро, убедившись, что ничего не добьются, они отрубили мне руки, в доказательство того, что я вор, и пустили пулю в сердце... Но они не учли одного: что у человека с миллионом долларов в кармане сердце находится справа, и что этим человеком был я. Я выжил. Операция, месяц в больнице... все это время я размышлял. Я не переставал думать о той минуте, когда получу деньги: как мне их сохранить и как потратить.

Доктор Но замолчал. На его скулах появились красные пятна. Он заерзал в кресле — видимо, заново переживал свои воспоминания. Он закрыл глаза, как бы погрузившись внутрь себя самого.

Бонд подумал: «Подходящий момент: я разобью стакан и перережу ему горло». Но глаза без ресниц тотчас же открылись.

— Я вам не наскучил еще? — спросил доктор Но едва слышно.

— Нет, — ответил Бонд.

Момент был упущен. Представится ли такая возможность еще раз?

— Когда я вышел из больницы, мистер Бонд, — продолжил этот страшный человек, — я отправился прямо к Зильберштейну, самому крупному продавцу марок в Нью-Йорке. Я купил конверт, единственный в своем роде конверт, в котором были самые редкие в мире марки. Я вложил все свое золото в эти марки. Я догадывался о том, что будет мировая война. Я знал, что будет инфляция, и только самые редкие вещи не упадут в цене. Тогда же я изменил свою внешность. Я вырвал волосы — каждый волосок отдельно, с корнем. При помощи пластической операции мой нос из большого и широкого превратился в прямой и тонкий, рот стал больше, губы — тоньше. Так как я не мог стать ниже ростом, я стал выше: носил специальную обувь, несколько месяцев мне вытягивали позвоночник — у меня изменилась осанка. Я заменил металлические протезы на восковые и носил перчатки. Я также сменил имя. Я взял имя своего отца — Джулиус и фамилию Но, в знак того, что я от него отрекся. От него и от остального мира. Я первым в мире надел контактные линзы. Затем я уехал в Милуоки, где нет китайцев, и поступил на Медицинский факультет. Там я занялся изучением человеческого тела и мозга. Зачем, спросите вы? Потому что я хотел знать все: на что это тело и мозг способны. Мне нужно было научиться пользоваться своими инструментами. Я хотел научиться делать другим то, что эти другие проделали со мной, стать единственным судьей. Именно это, нравится вам или нет, и есть суть земной власти. Бонд посмотрел на Ханничайлд. Она ему улыбалась. — Вы, должно быть, проголодались оба, — сказал доктор Но с неожиданным участием в голосе. — Теперь уже немного осталось. Я окончил учебу, покинул Америку и изездил весь свет. Я назывался «доктором», так как доктор вызывает доверие и может задавать вопросы, не вызывая подозрений. Я стал искать свою будущую резиденцию. Надежное место на случай войны: стало быть — остров. Мне необходимо было стать полновластным хозяином на этом острове. Второе неременное условие: чтобы он был пригоден к большим индустриальным работам. Я нашел Крэб Ки и живу здесь вот уже четырнадцать лет. Гуано — идеальная отрасль промышленности. Птицы не нуждаются в каком бы то ни было уходе — им нужен только покой. Единственная трудность — это стоимость рабочей силы. Шел 1942 год. Простой кубинский или ямайский рабочий получал десять шиллингов в неделю на тростниковых плантациях. Среди них я нашел около сотни людей за двенадцать шиллингов в неделю, но с одним условием: что их зарплата будет неизменной. Таким образом я застраховал свою общину от мировой инфляции. Не скрою, время от времени мне приходилось прибегать к насилию. Но мои рабочие довольны своим заработком, так как это самая высокая зарплата, о которой они когда-либо слышали. Затем я выписал дюжину негров-китайцев с семьями, чтобы охранять весь этот прекрасный мир. Они получают полтора ливра в неделю. Это надежные и сообразительные ребята. Они быстро поняли, что мне от них нужно и

очень довольны тем, что имеют. Я выписал также несколько инженеров и архитекторов, и мы начали подземные работы. Время от времени я вызываю команду специалистов, которым плачу очень большие деньги — но они никак не сообщаются с другой частью общины. Они живут под землей, а когда их работа заканчивается, уезжают. Я полагаю, вы признаете, что вам оказали достойный прием, и что убранство этого дома ничем не уступает резиденции какого-нибудь американского миллиардера. Я начинаю распространять свою клась на внешний мир. Я уже сказал вам, что провел здесь четырнадцать безоблачных лет. Это не совсем так. Одно облачко все же омрачало мое присутствие на этом острове — это дурацкие птички общества Одюбон. Я не буду вас утомлять подробностями. Вы знаете, что было двое охранников, которые жили на островке в центре озера. Они получали провизию с Кубы. Время от времени какой-нибудь американский орнитолог проводил несколько дней в лагере, затем убирался восвояси. Меня это не волновало, так как эта зона была запретной для моих людей, а охранники, в свою очередь, не имели права выходить за пределы лагеря. Но однажды, я получил письмо — его привез корабль, который приходит раз в месяц. Общество Одюбон сообщало о своем намерении построить отель на своей территории, на берегу реки, которая вам знакома. Любители птиц со всего света съедутся сюда; они будут снимать фильмы, и Крэб Ки станет всемирно известным, сообщали мне... Какая горькая история! Я отвоевал свою независимость, задумал грандиозный план на будущее — и все насмарку из-за стайки птичек и компании полоумных старух!.. Я предложил огромную сумму, чтобы выкупить концессию на эту часть острова. Они отказались. Я был просто в бешенстве. Я стал изучать повадки этих птиц, и вдруг, решение пришло само собой, как луч света в пасмурный день. Их просто-напросто нужно напугать, и они сами покинут остров. Я купил во Флориде автомобиль-амфибию, который используют для разведки нефтяных месторождений, и сделал из него смертоносное оружие. Оно наводит страх и сжигает все на своем пути — не только птичек, но и людей. Нужно было ликвидировать охранников. Зимней ночью я сжег лагерь. Мне сказали, что оба охранника погибли. На самом деле, к моему великому сожалению, один из этих идиотов добрался все-таки до Ямайки, чтобы подохнуть там. Что касается птичек — эффект был полный. Они умирали тысячами. Но общество Одюбон сильно забеспокоилось. Они обратились ко мне с просьбой посадить самолет на Крэб Ки и провести расследование. Я согласился, чтобы не вызвать подозрений. Несчастный случай... — сказал он с неотразимой улыбкой, — произошел в тот же день... Увы, им этого было мало. Они послали миноносец. На этот раз я принял капитана и помощников. Они были очень довольны оказанным приемом, и мир был восстановлен.

Доктор Но деликатно кашлянул. Глаза его попеременно останавливались то на Бонде, то на девушке.

— Вот, — заключил он, — и вся моя история. Или скорее первая глава моей истории. Так как теперь общество Одюбон успокоилось, и я снова свободен.

— Все это очень интересно, — сказал Бонд. — Теперь я понимаю, почему вы ликвидировали Стренжвейза и секретаршу. Так где же они все-таки?

— На дне ущелья Мона, — ответил Но бесцветным голосом. — Стренжвейз становился опасным — он много знал. Я думал, что смогу разделаться с вами тем же способом, но вам повезло. Я читал ваше досье и представлял себе, что вы за человек. Я был уверен, что вы доберетесь до острова и никуда от меня не денетесь. Мой радар обнаружил вашу лодку. Я ждал вас.

— Ваш радар, — сказал Бонд, — не такой уж мощный, так как было две лодки, и вы обнаружили не мою, а каноэ этой девушки, которая не имеет ко мне никакого отношения.

— Это очень кстати, — заметил доктор Но, — мне как раз нужна белая женщина

для небольшого эксперимента. — Все это очень увлекательно, доктор Но, — заявил Бонд почти вызывающе, — но боюсь, что вы не учли одну маленькую деталь: вам не удастся спастись, даже если вы нас уничтожите. Я подготовил рапорт о вашей деятельности: три покушения на убийство и подстроенный несчастный случай с самолетом, при котором погибли двое невинных людей; имена ваших агентов — мисс Тонд и мисс Таро... — там все указано. Рапорт будет вскрыт, согласно моим инструкциям, если я не вернусь с Крэб Ки через три дня.

Лицо доктора Но было непроницаемо.

— Но ради этой девушки, и только ради нее, — продолжил Бонд, — я хочу вам сделать интересное предложение. В обмен на наше возвращение на Ямайку я даю вам отсрочку в неделю. Этого времени будет достаточно, чтобы еще раз положить в конверт вашу маленькую коллекцию марок, сесть в самолет и постараться исчезнуть. Что вы на это скажете?

— Ужин подан, мсье, — произнесли у него за спиной. Бонд обернулся. В дверях стояли два человека — телохранитель и еще один китаец. Оба похожи друг на друга, как братья-близнецы. Засунув руки в широкие рукава кимоно, они почтительно поклонились хозяину.

— Уже девять! — вздохнул доктор Но, словно пробудившись от долгого сна. — Пойдемте, мы продолжим этот интересный разговор в более интимном месте. Спасибо, что вы оба выслушали меня с таким вниманием. Смею надеяться, что неприязнительность моей скромной кухни и не менее скромный погреб будут достойны вас.

Двойная дверь бесшумно раскрылась. Бонд и Ханни последовали за доктором Но в маленькую восьмиугольную комнату. Прекрасная люстра венецианского стекла освещала изысканные деревянные панели, которыми были обиты стены. Интерьер вполне достойный Малого Трианона. Столик, на котором поблескивали хрусталь и серебро, был накрыт на троих. Почтительным жестом доктор Но указал Ханни куда ей следует сесть. Они уселись и развернули салфетки из белого шелка. Эта роскошь приводила Бонда просто в бешенство. У него было желание задушить доктора Но этой самой шелковой салфеткой. Сжимать его горло до тех пор, пока его драгоценные контактные линзы не выпадут из-под век.

Двое телохранителей с большим мастерством подавали кушанья. Оба — в белых перчатках. Время от времени доктор Но обращался к ним по-китайски. В самом начале, когда они приступили к еде, он, казалось, чем-то озабочен.

Бонд старался есть с самым непринужденным видом и очень много пил. Прежде всего он хотел скрыть свои страхи от Ханни, и светским тоном рассказывал ей о Ямайке, ее флоре и фауне, которые он очень хорошо знал. Он чувствовал ее ногу рядом со своей под столом. Она почти что развеселилась. Глядя на них можно было подумать, что это молодая парочка, приглашенная на ужин к злобному дядюшке, на чье наследство они сильно рассчитывают. Он спрашивал себя: подействовал ли на доктора Но его рассказ о рапорте. Он уже ни на что не надеялся. Какой бы чудовищной ни казалась на первый взгляд биография этого китайца, она была правдоподобной. Продолжая разговор на светские темы, он готовился к худшему. Прежде всего необходимо раздобыть оружие. Когда принесли бараньи котлеты, он умышленно не взял нож, используя в этом качестве корочку хлеба. Непринужденно болтая он легонько подталкивал свой нож к тарелке. Затем неловким жестом опрокинул бокал с шампанским и, воспользовавшись замешательством, засунул нож в широкий рукав кимоно. Рассыпавшись в извинениях, он протолкнул нож дальше, за пояс. Затем небрежным жестом подтянул шелковый пояс, плотно прижав нож к животу.

Ужин подходил к концу. Подали кофе. Двое телохранителей стояли позади Бонда и девушки, сложив руки на груди. На лицах — никакого выражения: невозмутимые, спокойные, словно палачи перед казнью.

Доктор Но встал и едва заметно поклонился в сторону Бонда. На его лице не осталось и тени заботы. Глаза жестко сверкали.

— Надеюсь, ужин пришелся вам по вкусу, мсье Бонд, — прошептал он язвительно.

Бонд взял сигарету из серебряной коробочки на столе и медленно закурил. Затем стал играть с зажигалкой. Дело портилось, он это чувствовал. Необходимо завладеть и зажигалкой тоже, огонь всегда пригодится.

— Превосходный ужин, — ответил Бонд самым что ни на есть светским тоном. Облокотившись на стол, он наклонился к Ханни. Улыбаясь, он скрестил руки.

— Все было очень вкусно, не правда ли, дорогая?

— Отличный ужин, — согласилась Ханни.

Бонд то и дело менял позу. Он повернулся к доктору Но.

И пока зловещие глаза доктора пристально уставились на него, он ловко спрятал зажигалку в рукав.

Доктор Но сказал с расстановкой:

— Я тщательно обдумал ваше предложение. Сожалею, но я не могу его принять.

— Напрасно, — ответил Бонд, пожимая плечами.

— Нет, мистер Бонд. Я определенно не верю тому, что вы сказали. Если я ошибаюсь, тем хуже, я буду отвечать за последствия. Предположим, что нагрянет полиция и солдаты захватят остров. Они разыскивают мужчину и девушку. Какого мужчину, какую девушку? Я ничего не знаю. «Прошу вас, оставьте меня в покое, вы распугаете птиц с моей гуанеры. Где ваши доказательства, ордер на обыск? С английскими законами не шутят, господа...» А теперь представим себе худшее: один из моих агентов проговорится. Что, впрочем, маловероятно, — добавил он со своей изумительной улыбкой. — Я его уничтожу, только и всего. Одним, двумя трупами больше, какая разница? Вы еще что-нибудь хотите сказать?.. Вам обоим предстоит очень насыщенная ночь... А время идет. Мне же пора спать. Завтра утром мне нужно встать рано, чтобы проследить за погрузкой корабля, который приходит раз в месяц. Что скажете, мсье Бонд?..

Бонд посмотрел на Ханничайлд. Она была смертельно бледна. Глаза ее пристально смотрели на него в ожидании какого-нибудь чуда. В ожидании невозможного...

— Я бы хотел знать, — выговорил Бонд с расстановкой, чтобы протянуть время, — продолжение вашей программы.

— Вы любопытны, мсье Бонд. Это ваша работа. Но это также качество, которое мне очень нравится в человеке, которому осталось жить всего несколько часов. Я отвечу на ваш вопрос. Чтобы утешить вас, скажу, что вы не ошиблись. Крэб Ки имеет совсем другое назначение. Гуано лишь прикрытие. Этот остров, мистер Бонд, — сказал он повысив голос и чеканя каждое слово, — со дня на день станет одним из самых значительных секретных центров в мире.

— О, это невозможно! — воскликнул Бонд.

— Вы знаете, — продолжил доктор Но, — что Текс Айлэнд, расположенный в пятистах километрах отсюда — это остров, на котором американцы испытывают свои телеуправляемые ракеты.

— Неужто?

— Вы, наверно, читали в газетах, что последние «Рокетсы», запущенные совсем недавно, потерпели неудачу... «Смарк», к примеру, закончил полет в лесах Бразилии, вместо того, чтобы погрузиться в воды Южной Атлантики. Вы помните, что он

отказался следовать полученным инструкциям... А проявил, так сказать, собственную инициативу.

— Да, припоминаю, — ответил Бонд.

— Были и другие промахи, тоже весьма обидные... Я забыл названия всех типов ракет, которые были испытаны: «Зуни», «Матадор», «Регулус», «Бомарк» и многие другие... Но что я знаю наверняка, мистер Бонд, — его голос задрожал от гордости, — и что вам будет также небезынтересно — Крэб Ки причина всех этих неудач...

— Что вы говорите!

— Вы мне не верите? И не надо! Зато другие мне доверяют. Те, кто принимали участие в крушении целой серии прототипов — «Мастодонты» потерпели неудачу по причине повторяющихся ошибок в системе воздушной навигации и нежелания следовать инструкциям с Текс Айленд. Я имею в виду русских. Русские — мои партнеры в этом деле. Они обучили всех моих людей. Обучили всему, что касается радиочастот и телеуправляемых ракет. На этом острове одного только специального оборудования на миллион долларов, мсье Бонд. Приборы, контролирующие сигналы, другие — которые их глушат, обсерватория, которой нет равной в мире и многое другое... Достаточно вам будет знать, что здесь мы можем влиять на электронный мозг ракет и приказывать им уничтожать самих себя... Результат — паника в Пентагоне. Они берут новых инженеров, конструкторов и начинают все сначала... Что вы думаете, мистер Бонд, о моем маленьком хобби? К тому же эта побочная деятельность весьма прибыльна и может приносить еще больший доход. Кто знает? Возможно, у коммунистического Китая будет другое будущее.

"Ну вот! — подумал Бонд. — Все части кроссворда сошлись. Чтобы сохранить свое место на рынке мирового шпионажа, доктору Но нужно лишь одно — уничтожить Ханничайлд Ридер и Джеймса Бонда из «Секретной службы».

— Покончим с этим, доктор Но, — сказал он твердо. — Какова ваша программа? Нож, пуля, яд, веревка? Но побыстрее, я на вас уже достаточно насмотрелся.

Глаза доктора Но были холодны, как сталь, и больше не улыбались. Маска вежливости спала с лица. Он сказал что-то двум телохранителям, и те схватили Бонда и девушку за локти, не давая им встать.

— Я очень сожалею, Ханничайлд, — сказал Бонд. — Боюсь, что не смогу выполнить обещание, которое дал вам прошлой ночью.

— Это плохо кончится? — спросила Ханни с дрожью в голосе.

— Замолчите! — крикнул доктор Но. — И довольно глупостей! Разумеется это кончится плохо, мадемуазель. Я очень интересуюсь пределом сопротивляемости человеческого тела. Иногда я имею возможность ставить опыты на тех из моих людей, которым необходимо преподать маленький урок, а также на тех несчастных, которые, как вы, отваживаются высадиться на Крэб Ки. Вы оба доставили мне массу хлопот. За это я подвергну вас неимоверным страданиям. Это справедливо, не так ли?.. За вами будут наблюдать в течение всего эксперимента, ваша реакция будет записываться. И когда-нибудь я потрясу мир своими открытиями. Таким образом, ваша смерть послужит развитию науки... Это то, что делали немцы во время войны. Год назад я подверг женщину смерти, которая ждет и вас, мадемуазель. Это была негритянка. Она продержалась три часа и умерла от страха... Я безумно рад, что наконец имею белую женщину, для сравнения.

Безжалостным взглядом он посмотрел на Ханничайлд. Глаза ее широко открылись. Она смотрела на доктора Но, словно птичка, замороженная взглядом змеи.

Бонд сжал зубы.

— Вы жительница Ямайки, — продолжил доктор Но, — и догадываетесь, о чем я говорю. Этот остров называется Крэб Ки, потому что он заполнен крабами. Крабами, которых на Ямайке называют черными. Они не очень крупные, но все же каждый

весит не менее фунта. В это время года они тысячами выползают из своих дыр у реки и медленно поднимаются вверх по холму. Ничто не в силах их остановить. Они проходят везде. На Ямайке они даже забираются в дома. Также как и лемминги в Норвегии. Они откладывают яйца на вершине холма и пожирают все, что встречается им на пути. Сейчас они в дороге. Десятками тысяч они ползут у нас над головой, толкают друг друга, чтобы поскорее добраться до места. И этой ночью, прямо на полпути, они натолкнутся на голое женское тело, привязанное к земле. Королевский обед... Они будут вгрызаться в теплую человеческую плоть своими огромными клешнями. Самый отважный сделает первую рану. А затем...

Ханничайлд вскрикнула от ужаса. Голова ее упала на грудь: она потеряла сознание.

Бонд чуть не выпрыгнул из кресла; громадные лапы китайца вдавили его в сиденье. Он разразился бранью и обрушился на доктора Но:

— Сукин сын! Ты будешь корчиться в адских муках за все то, что ты сделал!

Доктор Но улыбнулся тонкими губами. Он сказал что-то по-китайски. Один из охранников взвалил бездыханное тело девушки на плечо и вышел.

В комнате воцарилось гробовое молчание. Бонд думал только о лезвии ножа, которое впивалось ему в тело, и яростно сжимал подмышкой зажигалку.

— Я вам говорил, мистер Бонд, что сопротивляемость организма это единственное, что меня интересует. Но как ее измерить? Как измерить инстинкт самосохранения, терпимость к боли, терпимость к страху? Я думаю, эта проблема разрешима. И вы первый, кто будет подвергнут этому испытанию... Я дал вам снотворное, чтобы ваш организм отдохнул. Я вас хорошо накормил, чтобы вы были в прекрасной исходной форме. Мои будущие пациенты также будут пользоваться этим преимуществом. На старте все будут равны. Что произойдет дальше — это вопрос индивидуального мужества и способности к сопротивлению. Я создал полосу различных препятствий для этой смертельной гонки. Больше я вам ничего не скажу, так как неожиданность является одним из элементов страха. Но могу сообщить, что вас ожидает много сюрпризов. Особенно интересно будет понаблюдать, мистер Бонд, какова будет реакция человека, наделенного такими физическими качествами, как ваши... Я возлагаю на вас большие надежды. Но в конце концов вам придется сдаться, я в этом совершенно уверен. Когда мне принесут ваше тело, клянусь, я исследую его самым тщательным образом... вернее, то, что останется от вашего тела. Надеюсь, вы оценили какую честь я вам оказываю тем, что первым запускаю в этот опыт?

Бонд ничего не сказал. Он пытался представить, что уготовил ему доктор Но. Возможно ли будет выжить, убежать и освободить Ханни, пока еще не поздно? Даже если придется прикончить ее, чтобы освободить от мук... Страх подступил к горлу. Он собрал все свое мужество. Мысленно вооружился против неожиданных сюрпризов, сосредоточился на единственном желании — выжить.

Доктор Но поднялся и медленно направился к дверям. Черные угольки его глаз испытующе смотрели на Бонда.

— Покажите мне, на что вы способны, мистер Бонд. Я буду с вами, мысленно.

Он сделал полоборота, и дверь мягко закрылась за ним.

17

Распахнутые двери лифта уже поджидали Бонда. «Ангел-хранитель» подтолкнул его вперед. «Обеденная комната, должно быть, опустела, — думал он. — Сколько времени может пройти, пока они заметят пропажу ножа и зажигалки?»

Лифтер закрыл двери и нажал на кнопку. Они поднимались вверх. Бонд пытался прикинуть расстояние. Лифт остановился. Бонду показалось, что прошло

чуть меньше времени, чем на спуске. Двери раскрылись и перед его взором открылся совершенно пустой коридор, выкрашенный тусклой серой краской.

— Подождите меня, Жос, — сказал охранник лифтеру. — Я сейчас вернусь.

Вдоль коридора располагались двери, на каждой из которых прикреплена табличка с буквой алфавита. Слышался тихий гул двигателя. За одной из дверей, как показалось Бонду, работал передатчик. По всей видимости, они находились неподалеку от машинного зала. Последняя дверь по коридору была отмечена черной буквой "О". Охранник открыл ее и толкнул Бонда в камеру такого же серого цвета, площадью примерно в четыре квадратных метра. В камере был только деревянный стул, на котором лежали выстиранные и выглаженные джинсы и голубая рубашка Бонда. Охранник отпустил Бонда. В его глазах светилось любопытство и удовольствие одновременно. Задержав руку на дверной ручке он сказал:

— Ну вот, парень, приехали!.. Тебе остается взять старт. Если ты не предпочтешь остаться здесь. Выберишься как знаешь.

— Что ты скажешь, — тихо проговорил Бонд, — о десяти тысячах долларов и билет в любой конец света?

— Спасибо, парень, но я предпочитаю остаться в живых.

Человек уже почти закрыл дверь. Бонд прошептал настойчиво:

— Мы могли бы выбраться отсюда вдвоем.

— И с твоей тетей впридачу! — хмыкнул охранник, захлопывая дверь.

Бонд пожал плечами. Он осмотрел замочную скважину. Дверь была из железобетона, ручка отсутствовала. Бесполезно искать способ выбраться этим способом. Он сел на стул и оглядел комнату. В одном углу под потолком была вентиляционная решетка из толстых железных прутьев. Отверстие шире его плеч. Это, по-видимому, и был выход.

Над дверью толстое стекло пропускало в камеру свет от коридора. Больше в камере ничего не было. Было, должно быть, около половины одиннадцатого. Нужно торопиться. Где-то там, на холме, лежала Ханничайлд — лакомый кусочек для крабов. Бонд сжал зубы и вскочил на стул. Нужно выбраться отсюда во что бы то ни стало. Что его ждет за этой решеткой? Наплевать! Это единственный путь к спасению!

Он вытащил нож и зажигалку. Затем снял кимоно и надел свои вещи. Зажигалку засунул в карман для револьвера. Большим пальцем провел по лезвию ножа — достаточно острое, но не слишком. Он уселся на корточки и принялся точить лезвие о каменный пол. Прошло десять минут. Нельзя сказать, что это был готовый стилет, но достаточно грозное оружие, чтобы перерезать кому-нибудь горло. Он зажал нож зубами, поставил стул к решетке и попытался дотянуться до нее.

Резкая боль пронзила плечо. Бонд упал на спину, стукнувшись затылком об пол. Он лежал на полу, в голове у него все звенело. Все, что он мог вспомнить — синеватая вспышка и потрескивание электричества. Ему удалось встать на колени. Он машинально тряхнул головой, словно раненый зверь. В воздухе стоял запах горелого мяса. Он осмотрел правую кисть. На сгибе пальцев — ярко-красный ожог. Его чуть не стошнило. Он сжал зубы и встал на ноги. Поднял стул и снова приставил его к стене. Затем взял нож, отрезал кусок шелка и перевязал им руку. Забравшись на стул, он внимательно осмотрел решетку.

Выход был здесь. Решетка была под напряжением, вероятно, затем, чтобы немного охладить его пыл. Интуиция подсказывала ему, что теперь они выключили ток. Осторожно, кончиками пальцев он дотронулся до нее. Ничего. Ничего не произошло. Он расслабился. Ухватился за решетку и потянул на себя. Из всех сил он уперся ногой в стену и вырвал два медных прута, затем спустился вниз и перевел дыхание. Прутья могли пригодиться. Довольно долго он орудовал стулом в качестве молотка, чтобы выпрямить их. В конце концов у него получился довольно длинный,

около метра, стержень. Один конец прута был перекушен плоскогубцами. Ему удалось согнуть его о металлическую дверь, так, чтобы получился большой крючок. Затем он измерил стержень по ноге — он был слишком длинный. Он сложил его пополам и засунул в штанину, зацепив крючком за пояс. Как раз то, что нужно — он доходил до колена. «Ничего нельзя знать наперед, — подумал Бонд, задыхаясь от ярости, — может быть именно этой штукой я и задушу доктора Но».

Еще раз он забрался на стул и, не раздумывая, вырвал вентилятор. Ток был отключен. Он протиснулся в отверстие. Оно было лишь на несколько сантиметров шире его плеч. Эта была круглая металлическая труба. Лежа на животе, Бонд нащупал зажигалку, радуясь, что ему в голову пришла эта замечательная мысль: украсть ее. При слабом свете пламени он разглядел, что труба была цинковая, и вид у нее был совершенно новенький. Погасив зажигалку, он начал ползти по трубе. Воздуха было достаточно, так как это была вентиляционная труба. Но Бонд не чувствовал запаха моря. В конце туннеля мерцал слабый огонек. Бонд подполз поближе, насторожившись. Огонек превратился в свет. Здесь труба заканчивалась, переходя в другую, вертикальную. Бонд перевернулся на спину. Прямо над ним, в пятидесяти метрах — яркий свет. Впечатление было такое, как если бы он заглянул в ствол ружья. Ему предстояло подняться вверх по гладкой металлической трубе, не имея никакой опоры. Возможно ли это? Бонд протиснул плечи — в самый раз — можно держаться, надавливая на стенки. Но что делать с ногами? Упереться не во что — они скользили по гладкой поверхности. Он оглядел трубу и заметил, что на сочленениях были небольшие шероховатости. Значит нужно попробовать. Он скинул ботинки и начал мучительное восхождение, упираясь, в основном, на плечи — то напрягая, то расслабляя их. Это было невероятно трудно: казалось, трубе нет конца. Каждый раз как его ноги достигали сочленения, он позволял себе малость передохнуть. Главное — не смотреть вверх, не подсчитывать сколько сантиметров он уже преодолел и сколько ему еще осталось. Не думать о свете наверху — становится ли он ярче... Ни в коем случае нельзя было потерять опору и соскользнуть обратно — вниз. Не думать о судорогах, которыми сводило его мускулы, ободранных плечах, обожженной руке, скользящих от пота ступнях...

Нужно ползти вверх и только вверх, ни о чем не задумываясь. Ноги его вспотели, и два раз он не удержался и соскользнул немного вниз. Тогда он решил остановиться, упершись в сочленения и передохнуть минут десять, чтобы немного проветриться. По его телу струился пот. На лезвии ножа, которое он держал в зубах, промелькнуло едва различимое отражение его лица. Он не уступил искушающему желанию посмотреть наверх, чтобы определить расстояние, которое ему осталось преодолеть. Тщательно он вытер каждую ступню о джинсы. И снова начал этот тягостный путь наверх. Вдруг, голова его на что-то натолкнулась. От неожиданности он чуть было не рухнул вниз. И только теперь он заметил яркий свет и почувствовал сильную струю воздуха возле левого уха. Очень осторожно он повернул голову — это была еще одна труба, боковая. А над ним — электрический свет проходящий сквозь круглое окошко с толстым стеклом. Он медленно переполз в эту боковую трубу. Сердце его прямо разрывалось на части при мысли о том, что он совершил ложный шаг и может потерять площадку.

Позже — он совершенно потерял ощущение времени — он открыл глаза и перевернулся на спину. Он понял, что заснул и спал какое-то время, и только ощущение холода вывело его из того беззаботного состояния, в котором он пребывал, лежа здесь. Плечи и ступни ног ломило от боли. Он заметил, что за ним наблюдали через иллюминатор: два глаза и огромный желтый нос... Глаза смотрели на него без всякого любопытства, а с явно профессиональным вниманием. Бонд выругался сквозь зубы. Итак, за ним велось наблюдение, и о его успехах будет доложено доктору Но!

— Пошли вы все к черту! — закричал он.

Глаза исчезли. Бонд поднял голову и посмотрел прямо перед собой: туннель был совершенно темен. Итак, нужно продолжать!

Сумерки сгущались. Время от времени, он останавливался и щелкал зажигалкой. Но впереди — только темень, и больше ничего. Воздух слегка потеплел, затем стал совсем теплым, и наконец горячим. К горлу подступал резкий запах раскаленного металла. Бонд снова начал потеть. Вскоре все его тело было пропитано потом: он вынужден был останавливаться каждые пять минут и протирать глаза. Туннель сворачивал вправо. Дышать было нечем. Пропихнув локоть вправо, он включил зажигалку и понял, что его ждет впереди. Так... теперь он поджарится, как на сковороде...

Бонд громко застонал. Как его израненное тело перенесет это испытание? Как защитить кожу от раскаленного металла? Но другого пути не было. Разве что, вернуться назад или остаться здесь навсегда. Нет, нужно двигаться вперед, и только вперед) Он был уверен лишь в одном — этот адский жар не убьет его, а только обожжет. Это было единственное утешение. Его интуиция подсказывала, что это не конец его мучений, самое худшее ждет его впереди, и нужно вынести эту пытку...

Он подумал о Ханни и тотчас же отогнал эту мысль. Не думать о ней, не давать себе расслабиться. Не думать ни о ней, ни о себе. Он взял нож и начал резать рубашку на полосы, чтобы обвязать ими те части тела, которые придут в непосредственный контакт с раскаленным металлом. Руки и ноги. Колени хоть как-то защищены джинсами, а локти — рукавами рубашки. Он был готов. Раз, два, три — пошел...

Он свернул за угол и вполз в раскаленную печь. Нельзя допустить, чтобы его обнаженный живот касался металла. Так — сначала плечи! Руки, колени, пальцы ног, колени, пальцы, быстро, еще быстрее... Давай, скорей, скорей!

Хуже всего было коленям: они несли на себе всю тяжесть. Тряпки на руках начали гореть. Искра, другая — полоска огня. Дым разъедал глаза; Бонд задыхался без воздуха. Боже мой, он не может двигаться дальше, силы на исходе! Легкие просто разрываются от жара. Руки почти голые, так как тряпки сгорели. Кожа на руках тоже начала гореть. Он двигался вперед, словно слепец, не разбирая дороги. Изодранным плечом он задел раскаленный металл и завопил от боли. И продолжал кричать всякий раз, как его руки, ноги, колени или плечи касались раскаленных пластин. Он больше не мог терпеть. Похоже, это конец. Остается лечь и жариться на решетке, пока он не потеряет сознание... Нет! Нужно двигаться вперед, выть от боли, но двигаться, даже если руки и ноги сгорят до костей. Колени превратились в две открытых раны, и только пот, струящийся градом по рукам и ногам, не давал вспыхнуть лохмотьям, в которые превратились тряпки. Кричать, кричать, кричать! Чтобы знать, что ты жив. Продвигаться во что бы то ни стало. Теперь уже не долго. Умереть тебе предстоит не здесь. Не останавливайся. Так нужно.

И вдруг правая рука Бонда коснулась чего-то очень холодного. Затем другая рука, голова. Перед ним возвышалась стена. Вслепую он ощупывал ледяную стену; направо — налево. В правом углу он нашарил выемку и, не раздумывая, залез туда. Легкие наполнились свежим воздухом; кончиками пальцев он ощупал металл. Да, он был совершенно холодный. С мучительным стоном он упал лицом в пол и потерял сознание.

Он очнулся от боли. Перевернулся на спину. На миг ему показалось, что над ним иллюминатор, и два черных глаза внимательно смотрят сквозь стекло. Затем он снова погрузился в небытие.

Медленно он стал приходить в себя. Колени, руки, ноги, израненные, залитые кровью плечи, причиняли ему нестерпимую боль. Все его тело, казалось, утыкано острыми иголками, а укусы свежего воздуха буквально раздирали на части его

обожженные легкие. Но сердце по-прежнему ритмично и сильно билось в груди. Мало-помалу приток кислорода возвращал его к жизни, нормализовал кровообращение, укреплял нервы. Наконец он окончательно пришел в себя. Ему показалось, что прошла целая вечность. Он приподнял голову, и глаза его встретились с другой парой глаз за стеклом. Этот пристальный взгляд снова причинил ему боль. И чтобы не видеть этого безжалостного очевидца его страданий, избежать стыда, ужаса и закипавшей в нем ярости, он перевернулся на живот и уткнулся лицом в ладони.

Затем он успокоился и стал осматривать свое тело, стараясь не проявлять при этом никаких эмоций. Готов ли он вынести еще одно испытание? Губы его разжались, и он застонал. Это был почти звериный вой. Он был на грани человеческих возможностей, страдания его дошли до предела. На этот раз доктор Но, действительно, прижал его к стенке. Но в нем еще были жизненные резервы: животный инстинкт самосохранения и способность не отчаиваться.

Бонд прополз несколько метров, чтобы уйти от черных блестящих глаз, которые все еще смотрели на него сквозь стекло. Он вытащил зажигалку. Перед ним по-прежнему простиралась темная пасть туннеля. Он загасил пламя, глубоко вздохнул и встал на четвереньки. Боль приутихла. Он пополз дальше. Колени и локти — открытые раны. «Это можно стерпеть, — повторял он про себя. Предположим, я попал в авиакатастрофу — какой бы поставили диагноз? Поверхностные ушибы и ожоги... Это пустяки. Несколько дней больницы. Предположим, я единственный кто выжил. Мне больно, но это ничего. Подумай лучше о тех, кто погиб и возблаговари небо, что дешево отделался».

Далеко впереди, в крошечной тьме плясали малюсенькие красные точки. Что это? Галлюцинация, усталость?.. Он остановился и долго тер глаза. Затем тряхнул головой. Точки были на месте. Он пополз дальше. Теперь красные точки шевелились. Он прислушался и уловил едва различимый шорох. Красные точки множились. Их было уже больше тридцати. Он снова зажег огонь. Завидев желтое пламя, точки прыгнули в стороны. В метре от Бонда была решетка — тонкая металлическая сетка, преграждающая туннель. За ней — что-то вроде клетки, в которой находились красные точки. Змеи? Скорпионы? Сколопендры?..

Бонд подполз к сетке, стараясь производить как можно меньше шума. Приблизившись к ней вплотную, он резко щелкнул зажигалкой. Он успел лишь разглядеть лес тонких лапок, маленькие волосистые тела и на них-большие головы насекомых с огромными, во всю величину головы, глазами. Коричневые тельца спешно ретировались вглубь клетки. Бонд осмотрел клетку, и у него вырвался стон отчаяния. Выхода не было: нужно было разорвать сетку или остановиться здесь. А по ту сторону преграды его поджидали двадцать гигантских остервенелых тарантулов.

«Так, так, — сказал он себе, — интересно, их укусы смертельны? Они наверняка могут убить животное. А человека?..» Бонд вздрогнул. Он вспомнил сколопендру у себя на животе. Прикосновение тарантула более нежно... словно к тебе прикоснется маленький коричневый медвежонок... а затем вдруг укусит и выпустит тебе в кровь пузырек с ядом. И еще раз он спросил себя — это ли конец туннеля, та ли это смерть, которую доктор Но выбрал для него? Но доктор Но все рассчитал, не принимая во внимание зажигалку, нож и медный прут. Подумав, Бонд решил, что ему удастся выбраться. Ничего не бояться и действовать с предельной осторожностью. Он подкрутил фитиль, чтобы сделать пламя побольше, зажег его и в то время как тарантулы отпрыгнули вглубь клетки, разорвал тонкую сетку ножом, сделав широкое отверстие. Затем он снова зажал нож зубами и проскользнул в дырку...

Тарантулы отступали перед огнем, в беспорядке перепрыгивая друг через друга. Бонд вытащил из штанины медный прут и принялся дико хлестать им по груди насекомых. Некоторые пытались подобраться к нему, но замороженные пламенем,

останавливались, не решаясь напасть. Он прикончил их одного за другим. Теперь, оставшиеся в живых тарантулы, набросились на убитых и раненых собратьев, и Бонду оставалось передавить прутом эту массу шерсти и крови. Несколько конвульсивных движений, и все было кончено. Теперь нужно взять себя в руки и пройти по этой каше трупов. Огонек пламени становился все слабее. Бонд решительно Пересек клетку и разорвал металлическую сеть... Он спасен!

Он прополз еще несколько метров и лег, чтобы перевести дыхание и успокоиться. У него над головой зажегся яркий свет. Бонд уже знал, что за этим последует. Сквозь толстое стекло на него смотрели насмешливые желтые глаза. Наблюдатель медленно покачал головой. В его взгляде было что-то вроде жалости пополам с иронией. Он махнул рукой как бы на прощанье, и свет потух.

Бонд прижался щекой к холодному металлу. Последний жест наблюдателя со всей очевидностью указывал, что он наконец подошел к главному испытанию, и с ним попрощались, не надеясь больше увидеть его в живых.

Ему стало даже обидно, что человек за стеклом не выразил ни одобрения, ни восхищения по поводу его выносливости. Эти китайцы ненавидели его всем сердцем, единственное их желание — видеть как он подохнет. Причем самой страшной смертью.

Бонд подумал о Ханничайлд. Воспоминание о девушке прибавило ему сил. Он разложил так называемое оружие по местам и с трудом двинулся дальше. Туннель слегка шел на спуск. Это облегчало продвижение вперед. Спуск становился ощутимее. Бонд мог почти что скользить вниз, не делая при этом никаких движений. Это было поистине замечательно — дать отдых разбитым мускулам. Вдали брезжил серый свет. Сумерки стали разряжаться. Воздух также изменился. Да, точно так, это был запах моря.

Внезапно Бонд понял, что он на бешеной скорости скользит вниз по гибкому шлангу. Он расправил плечи и расставил ноги, чтобы притормозить, но только причинил себе боль. С неумолимой быстротой он продолжал падать вниз. Теперь туннель стал расширяться. Зацепиться было не за что. Скорость увеличивалась. Труба все больше загибалась вниз.

Он думал, что его тело разорвется на части. Его подбросило — поворот — и он полетел дальше, вниз головой. Кожа стерлась до крови о металлическую трубу. Совершенно отчаявшись, он напрягал ноги и руки, чтобы за что-нибудь зацепиться. Все напрасно — он продолжал лететь, словно пуля по стволу ружья, не в силах ни остановиться, ни замедлить скорости.

Далеко внизу — кружок серого цвета. Это могли быть и воздух и море. Свет приближался с невероятной быстротой. Он падал, словно камень с крутого обрыва, собирая последние силы, чтобы набрать воздуха в легкие. Чтобы остаться в живых.

18

Тело Бонда вылетело из туннеля головой вперед. Он перевернулся в воздухе и бомбой плюхнулся в воду.

Прежде чем вылететь из туннеля он вытащил нож и инстинктивно вытянул руки вперед, зажав голову как перед прыжком с вышки. В последнюю долю секунды он сделал глубокий вдох и вошел в воду. Удар был такой сильный, что он потерял сознание. Прыжок с высоты метров в семь, да еще на скорости шестьдесят километров в час. Очнувшись, он стал медленно выбираться на поверхность. Он изо всех сил колотил руками и ногами, и наконец голова его вышла наружу, выплевывая набравшуюся воду. Не переставая кашлять, он машинально поплыл. Движения его становились все слаженнее, сквозь кровавую завесу он наконец различил свет.

Вдруг его штанина зацепилась за колючую проволоку. Он остановился и так и

остался болтаться на крючке. Время от времени его тошнило. Наконец он собрался с силами, чтобы повернуть голову и оглядеться.

Перед ним, вокруг, наверху — толстая канатная сетка отделяла его от остальной части океана. Сзади — очертания холма, возвышавшегося над Крэб Ки. Он находился в узкой и глубокой сетке. Со всех сторон канаты уходили под воду. Вокруг копошились маленькие рыбки. Они облепили его ноги, и казалось, что-то едят. Они приближались стройными рядами, затем отплывали, возвращались снова.

И вдруг он понял, что они пьют его кровь. Он содрогнулся от ужаса. Да, кровь убывала из тела через раны на плечах, коленях, ступнях. Только теперь он почувствовал жжение от соленой морской воды. Эта боль привела его в чувство, мозг заработал с необычайной ясностью. К чему эта толстая сетка, в которую он попал? Чтобы сюда не смогли заплывать большие рыбы? Или может наоборот? Если даже маленькие рыбки жадно пили его кровь, что сделала бы акула или другая хищная рыба?.. Но если его предположения верны, почему он еще жив?

Он оттолкнул эти мрачные мысли.

Первым делом нужно было забраться по сетке вверх и попробовать перебраться на другую сторону. Место, в которое он попал, находилось в густой серой тени, под утесом. Но вдалеке, на морской глади, сиреневый отблеск возвещал для остальной части света наступление нового дня. А в аквариуме царила кромешная тьма.

Силы его были на исходе... Он исчерпал до дна свои физические резервы. Последний отрезок пути по туннелю, прыжок в воду, сильный удар и пребывание под водой в полубессознательном состоянии выжали его словно губку. Он почти готов сдаться, пойти на дно. На мгновение он представил себе как хорошо было бы расслабиться, отказаться от жизни и дать морю грустно сомкнуть свои черные воды у него над головой!..

Маленькие рыбки нервно засуетились вокруг его тела. Они словно обезумели — что и вывело Бонда из состояния отрешенности. Он отбросил мысль о смерти.

В черно зловещей глубине моря, на самом дне, что-то словно зашевелилось. Это «что-то» медленно всплывало на поверхность. Тело Бонда инстинктивно сжалось. Мысль о надвигающейся опасности пронзила его, словно электрический ток. Он разжал онемевшие пальцы, которыми все это время судорожно сжимал рукоятку ножа, потряс кистями и снова взял нож в руки. Затем вытащил медный прут и стал ждать, пристально вглядываясь в воду.

Вода под ним забурлила. Что-то очень большое подымалось из бездны моря. Вдруг из воды резко вынырнуло щупальце, толстое, как рука Бонда. На конце его — узкий овал с присосками. Длинная нечеловеческая рука стала шарить по воде, в том самом месте, где секунду назад копошились рыбки. Уж не...

В ответ на его мысль, два огромных, как футбольные мячи, глаза медленно рассекли поверхность моря. Они остановились в нескольких метрах от Бонда и уставились прямо ему в глаза.

Бонд вздрогнул всем телом. Так вот он, последний сюрприз доктора Но! Конец пути!

Зачарованный, он не мог отвести глаз от этих желтых шаров. Прямо перед ним находился гигантский спрут — то самое морское чудовище, если верить легендам, которое способно потопить корабль — монстр величиной в пятнадцать метров, который легко вступает в битву с самыми большими китами. Дюжина щупалец... а меж глаз — огромный крючковатый клюв. Бонд знал, что спрут — чрезвычайно хитрое животное, он сражается с почти что человеческой изощренностью ума. Чудовище приближалось. Теперь Бонд разглядел целый лес щупалец, плавно колеблющихся на воде, словно огромное змеиное гнездо. Присоски втягивали воду.

Не спеша он закрепил ноги, затем руки — опутав их колючей проволокой. Нужно

было хорошенько закрепиться, чтобы спрут не смог присосать его тело. Этой гадине придется сначала вырвать человека из железной клетки, а потом уже рассчитывать на добычу.

Бонд стоял не шевелясь, моля небо, чтобы спрут потерял к нему интерес. В противном случае...

Пальцы его прямо-таки впились в рукоятку ножа.

Холодные желтые глаза терпеливо рассматривали добычу, словно прикидывая, стоит или не стоит...

Плавно, словно хобот слона, одно из щупалец высунулось из воды и погладило Бонда по ноге. Тот даже не шелохнулся, стерпел это мерзостное прикосновение. Затем щупальце поползло вверх по ноге и остановилось на кровоточащем колене.

Бонд прикусил губы, подавляя вопль ужаса. Он представил себе сигнал, который эта гигантская конечность посылает в мозг: «Да, это очень вкусно!» И мозг отвечает: «Хватай!»

Легкий ветерок, первый ветерок занимающегося дня, пробежался по синеватой воде, поднимая мелкие волны и направляя их в сторону утеса. Пролетела стайка бакланов, и Бонд услышал звук, который, очевидно, спугнул их: вой сирены с корабля, совсем близко, слева от себя. Это должно быть, рядом, за утесом.

И вдруг второе щупальце развернулось прямо у него перед носом. Теперь или никогда! Он сжал рукоять ножа и изо всех сил вонзил лезвие в отвратительную плоть животного. Раненая конечность упала в воду. Некоторое время море просто бурливо вокруг Бонда. Другое щупальце ухватило его за живот, всасывая с чудовищной силой кожу, раздирая ее на части...

Словно умалишенный, Бонд яростно орудовал ножом. Поднялась прямо-таки настоящая буря. Проволока ходила ходуном. В пене брызг вновь показалась голова спрута. Глаза монстра смотрели на Бонда с диким выражением. Колючая проволока впивалась под мышки. Если он отступит, его разорвут на куски. Глаза и хищный треугольный клюв подбирались к животу. Осталась последняя надежда.

Бонд зажал нож зубами, вытащил прут и яростно воткнул крючок в глаз монстра. Море словно взорвалось. Все стало черным. Что происходит? Он что, ослеп? Он ничего не видел... Глаза словно обожгло, а во рту — чудовищный вкус рыбы. Но он все еще чувствовал проволоку, опутавшую его колени. Значит он жив.

Бонд провел рукой по глазам. Теперь он "дел. Посмотрел на руку: она была черной и липкой. Все его тело было покрыто черной вязкой смолой. Так вот оно что... Раненый спрут выпустил на него весь свой чернильный запас. Но где он? Что с ним стало?

Взгляд его судорожно пробежался по поверхности океана. Никого. Все спокойно. Ни единой морщинки на воде. «Нужно торопиться, — сказал он себе. — Бежать, бежать как можно быстрее». Он посмотрел направо, затем налево. Слева — корабль. Но это снова доктор Но! Справа — ничего. Чтобы построить эту клеть, люди, должно быть, зашли с левой стороны. Значит, там должен быть какой-то проход. Тропинка, может быть.

Бонд подтянулся к крайнему канату и зацепился за него. Пятнадцать метров отделяло его от скалы, где, видимо, крепился пеньковый трос. Нужно было преодолеть это пространство.

Бонд сам не мог понять, откуда в нем столько упорства, почему он не выпустил канат из обессиленных рук. Метр за метром он приближался к цели. Он не думал о кровоточащих пальцах, содранной до мяса коже, он двигался вперед, словно автомат. И вот он у скалы. Тряпичная кукла, коей он ощущал себя до этого момента, снова превратилась в человека. Прежде всего — вымыться. Отмыться от этих ужасных липких чернил, собственной крови и тошнотворного запаха рыбы.

Несмотря на чудовищную усталость, он скинул с себя лохмотья и вымылся,

стараясь не смотреть на свое тело, чтобы не потерять сознание.

Через несколько минут он был на полпути к вершине утеса. Так и есть — узенькая тропинка петляла вокруг скалы. Совсем рядом воздух вибрировал от разнообразных шумов. Бонд разобрал звук мотора подъемного крана, стук молотов, шум двигателя корабля и звук откачиваемой при помощи насоса воды.

Небо, нежного голубого цвета, было усыпано мелкими золотистыми тучками. В вышине, стая бакланов выписывала круги над гуанерой. Было, должно быть, шесть часов утра. Заря нового, прекрасного дня...

Он шел, оставляя на камнях кровавый след. Шум усиливался. Бонд ступал осторожно, так, чтобы ни один камешек не покатился вниз. И вот уже совсем близко кто-то крикнул:

— Готово!

И чуть подальше:

— Порядок!

Заработал мотор подъемного крана. Еще несколько метров... Еще один выступ... Есть!

Бонд припал к скале. Сейчас он узнает, что там, с другой стороны. И осторожно высунул голову.

19

Одним взглядом он охватил всю картину. И отпрыгнул назад, припал к скале и дождался пока дыхание придет в норму. Задумчиво он взял нож и осмотрел лезвие. Затем, с видимым удовлетворением, засунул его за пояс. Зажигалка была при нем, на месте, но она уже ни на что не годилась, и Бонд выбросил ее. Он сел и стал восстанавливать в памяти то, что он увидел за скалой.

Меньше чем в десяти метрах стоял подъемный кран. В кабине не было задней стенки, внутри сидел человек и управлял рычагами. Бонд узнал водителя «дракона», убийцу Куоррела. Перед ним — двадцать метров водной глади отделяли площадку от мола, на конце которого, на якоре, стоял старенький нефтевоз. Корма выступала метра на четыре над причалом. Корабль назывался «Бланш» и прибыл из Антверпена. На борту — никакого движения. Лишь один человек застыл у штурвала, остальные члены экипажа, видимо, сошли на берег.

Рядом с танкером — мощный грузовик, доверху заполненный гуано. А дальше, слева на молу... высокий силуэт доктора Но... Так, это все.

Утренний ветерок отдавал прохладой. Мотор подъемного крана непрерывно журчал. Шла погрузка гуано на корабль. В нескольких метрах доктор Но с невозмутимым видом наблюдал за погрузкой. С другой стороны холма, должно быть, работали люди.

Бонд продолжал сидеть, мысленно измеряя расстояние, вспоминая, где в точности располагались руки и ноги крановщика. Его загорелое лицо медленно расплылось в улыбке. Да, это вполне возможно. Но не спешить. Медленно и верно!..

Он осмотрел ладони. Они еще должны ему послужить. Затем нащупал нож, поднялся на ноги и несколько раз глубоко вдохнул. Пошевелил пальцами. Он был готов.

Еще раз от отважился высунуться из-за скалы. Все было на своих местах. Прикидка расстояния была абсолютно точной. Крановщик сосредоточенно выполнял свою работу, ему некогда было смотреть по сторонам. Крепкая шея торчала над воротничком рубашки цвета хаки. Голая, незащищенная...

В пятнадцати метрах от площадки доктор Но, стоя спиной к Бонду, смотрел в направлении залежей гуано. Матрос на палубе зажег сигарету...

Бонд окинул взглядом расстояние, которое ему предстояло преодолеть, чтобы

подобраться к крану. Он отметил все места, куда следует ступать. Затем вышел из-за скалы и побежал, стараясь не производить шума. Он зашел справа, за кабину, так, чтобы ни крановщик, ни доктор Но не заметили его. Добравшись до места он остановился, сел на корточки и прислушался.

Шум мотора не прерывался. Два железных поручня у задней части кабины на вид были прочны. Гул мотора поглотит другие звуки, но все же действовать нужно быстро, чтобы стащить крановщика с сиденья и занять его место. Один удар ножом, но этот удар должен быть смертельным.

Он послушал еще несколько секунд, затем выхватил нож и устремился по железным ступенькам к кабине, мягко, как пантера.

Крановщик повернулся к нему в пол-оборота. Бонду показалось, что тот узнал его.

— Это от Куоррела! — прошептал он.

Из открытого рта вырвался сдавленный звук, огромное тело свесилось на бок и рухнуло на пол кабины.

Бонд даже не посмотрел на него. Он уже сидел на сиденье, нащупывая ногами педали и рычаги. Мотор глох. Ковш медленно шел вниз, словно шея жирафа, перенося груз в трюм корабля. Доктор Но поднял голову, рот его был открыт. Может, он что-то кричал.

С ледяным спокойствием Бонд схватился за железный руль и не спеша начал маневрировать. Кран послушно повернулся вправо. Глаза Бонда были прикованы к молу. Доктор Но зашевелился. В руке он держал переносной телефон. Бонд видел как его рука судорожно жмет на кнопки, как бы привлекая к себе внимание.

Боже, как медленно идет руль! Пара секунд, и будет поздно, доктор Но ускользнет от него навсегда!

Кран медленно развернулся. Пять метров, четыре метра, три метра, два... Не оборачивайся, скотина! Так... остановить руль, дернуть рычаг... Ваше здоровье, доктор Но!

Тот едва успел заметить как на него движется громадная масса гуано. Он поднял руки, открыл рот... И на молу не было больше ничего, кроме желтой кучи гуано, которая становилась все больше и больше...

О чем подумал доктор Но в последнюю секунду, прежде чем задохнуться в этой вонючей каше? Что взяло верх: ярость, ужас или ощущение того, что он проиграл?

Он повернул голову в сторону корабля. В эту минуту послышались три коротких вопля сирены. Они эхом отдались в скалах. Затем последовал четвертый, который уже не прерывался. Бонд представил себе часового, мечущегося по палубе, бьющего тревогу. Нужно было срочно уносить ноги...

Он наклонился к мертвому крановщику и вытащил у него пистолет, «Смит и Вессон» 38 калибра, засунул его за пояс, затем прыгнул на землю. Тут он заметил широкую трубу, метра два в диаметре, которая выходила из скалистой стены и доходила почти до кормы танкера. Отбросив колебания, он забрался туда. Запах гуано подступил к горлу. Какова глубина туннеля? Сто метров? Двести?.. Судя по запаху, он выводит к шалашам рабочих, что рядом с гуанерой. Все, на что Бонд мог надеяться выбравшись из туннеля, — это создать панику пальбой из пистолета, схватить одного из людей и заставить его сказать где Ханничайлд. А потом?.. Допустим он поднимется на холм, что он там увидит?..

Бонд бежал пригнув голову. И вдруг он наткнулся на лежащее тело и почувствовал как кто-то схватил его за ноги. Стрелять было поздно. Он упал на колени и, в свою очередь, ухватил противника за ноги. И тут раздался пронзительный крик. Нет, это невозможно! Он с ума сошел! Это не она!

Острые зубы впились ему в голень, маленький кулак с силой ударил в низ живота. Он скорчился от боли и успел только крикнуть: «Ханни!»

— Остановитесь, Ханни, это я!

— Джеймс!

Он изо всех сил сжал ее в своих объятьях.

— О, Ханни, Ханни, вам не больно!

— Нет, Джеймс, нет!

Он чувствовал ее руки: они гладили его спину, волосы.

— Джеймс, дорогой, — проговорила она рыдая...

— Все в порядке, Ханни, — заверил Бонд, глядя ее по голове. — Доктор Но мертв. Но нужно поскорее выбираться отсюда. Пошли... Но как вы оказались здесь, в этой трубе?

Бонд поднялся на ноги. На ней был грязный синий комбинезон, рукава и штанины которого были закатаны. Она выглядела, словно маленькая девочка в папиной пижаме.

— Сюда, — сказала она. — Есть туннель, который ведет в машинный зал и гараж. Вы думаете они нас могут схватить?

Времени на разговоры не было.

— Быстро, за мной! — сказал Бонд настойчиво. И они побежали. Они свернули в боковой туннель. В глубине слышались голоса.

— Очень сожалею, Ханни, но мне придется кое-кого прибить.

— Конечно, — кивнула Ханничайлд, ни секунды не задумываясь.

Он пожал ей руку. Затем проверил пистолет. Шесть пуль. Голоса приближались. Трое мужчин громко разговаривали, с явным раздражением в голосе.

— Ты мне должен шесть мешков, Сэм, — говорил один.

Бонд слышал шум шагов.

— Подожди до вечера, — отвечал второй. — Мы сыграем на них в кости.

— Никаких игр сегодня вечером, приятель! Вечером я развлекаюсь с девочкой!

Бонд рывком:

— Неужто, приятель? Я в этом сильно сомневаюсь!

Все трое оглянулись. Бонд выстрелил одному в голову, другому в живот. Третья пуля просвистела и растворилась в глубине туннеля. Бонд снова выстрелил — третий человек схватился за горло руками и рухнул навзничь.

Человек с пульей в животе корчился на земле. Бонд засунул дымящийся пистолет за пояс и увлек Ханни в боковой туннель.

— Сожалею, Ханни, я не мог поступить иначе, — сказал он.

— Не разыгрывайте из себя идиота, — ответила Ханни.

Они бежали в полной тишине, слышно было только шлепанье их босых ног по трубе. Становилось свежо. Бонд двигался, словно автомат. Все его тело ныло от боли. Но мозг продолжал работать, сосредоточившись на том, чтобы эту боль не замечать. Какие трудности их ждут в конце туннеля? Услышали ли наверху выстрелы? Он не мог ответить на эти вопросы. План его был таков: стрелять в каждого, кто попадется у них на дороге и помешает им добраться до гаража, где стоит «дракон»-амфибия доктора Но.

Это была единственная возможность быстро добраться до побережья. За его спиной тяжело дышала Ханни. Бонд остановился.

— Извините, Джеймс, — еле выговорила она, — но я больше не могу...

Бонд обнял ее и спросил встревоженно:

— Вы не ранены?

— Нет, — ответила она. — Я только очень устала. И у меня совершенно стерты ноги. Может пройдем немного? Мы уже почти добрались. Чуть дальше — дверь в гараж. Здесь можно пройти, как вы думаете?

— Именно это я и собирался сделать, — сказал Бонд сильно волнуясь. — Это единственная надежда выбраться отсюда. Если вы немного потерпите, считайте, что

мы спасены.

Бонд обхватил ее за талию и так они пошли дальше. Лицо Бонда сводило судорогой, а ступни Ханничайлд оставляли кровавые следы на полу. Они почти сразу же вышли к деревянной двери в стене туннеля. Она была приоткрыта. Внутри — тишина.

Бонд вынул пистолет и пнул ногой дверь. Длинный гараж был совершенно пуст. Под светом неоновых рампы черный блестящий «дракон» выглядел словно карнавальная колесница. Он стоял лицом к раздвижным воротам, кабина была открыта. Бонд взмолился чтобы бак был залит горючим и механики успели починить эту чудовищную машину.

Внезапно снаружи раздались голоса. Разговаривали несколько человек. Бонд взял Ханничайлд за руку, и они побежали. Спрятаться можно было только в одном месте: внутри «дракона». Ханни залезла первой. Бонд — за ней. Он закрыл дверь. Тяжело дыша, они присели на корточки. Бонд подумал: «У меня только три пули». Голоса были уже совсем рядом. Дверь раздвинулась, и до них долетели обрывки фраз:

— Откуда ты знаешь, что они стреляли?

— Я в этом уверен. Я знаю, что говорю!

— Тогда прихватим оружие, на всякий случай. Держи... это Лемму, а ты, Джо, бери кольт. И гранаты. Кто знает... Коробка под столом.

Послышался металлический звук.

— Там какой-то парень, видимо чокнутый. Во всяком случае, это не тот идиот англичанин. Он наверняка мертв... Ты видел когда-нибудь гигантского спрута в бухточке?.. Этот гад, должно быть, полакомился сегодня... Ну и гнида же этот доктор Но!

— А девчонка? — спросил Джо. — От нее, верно, мало что осталось. Кто-нибудь ходил туда сегодня утром?

— Нет, — ответили голоса хором.

— Ха! Хотел бы я оказаться на месте одного из этих крабов! — хихикнул Лемми.

— Порядок, пошли, — сказал один из них. — Идем парами до основного туннеля. Кого встретите — стреляйте в ноги. Даже если это сумасшедший, лучше привести его живым. Доктор Но будет доволен.

Бонд затаил дыхание. Заметили они, что дверь «дракона» закрыта? Нет. Они вошли в туннель. Звук их шагов гулко отозвался в тишине. Затем все стихло.

Бонд тронул девушку за плечо и прижал палец к губам. Он тихонько открыл дверь и прислушался. Убедившись, что в гараже никого нет, он спрыгнул на пол. Со стороны туннеля — ни звука. Тогда он притворил дверь и запер ее на ключ. Затем подошел к стойке с оружием, взял один «Смит и Вес-сон», карабин «Ремингтон», проверил, есть ли там пули и протянул Ханни. Затем так же бесшумно он раздвинул двери гаража и снова забрался в кабину «дракона». Он сел на водительское место и, повернувшись к Ханни, скомандовал:

— Закройте дверцу... Быстро!

Затем включил зажигание. Стрелка горючего была на максимуме. Лишь бы только побыстрее двинуться с места. Он потянул стартер. Шум мотора оглушил их. Бонду показалось, что его слышно на весь остров. Мотор заглох. Вспотевшими ладонями он снова завел мотор. Тот ритмично заурчал. Бонд тронулся с места и на ходу переключил скорость, наугад. Все шло нормально. От волнения он чуть было не выпустил руль из рук.

Они выехали на дорогу. Бонд выжал акселератор до упора.

— За нами нет погони? — закричал он зычно, чтобы перекрыть шум дизеля.

— Нет... Подождите! Я вижу человека, который выходит из шалаша. Еще один... Они машут руками... кричат в нашу сторону. А вот еще один. С ружьем... Он в нас

стреляет.

Стрелка скорости показывала сорок пять километров в час. Такая машина не могла двигаться быстрее. Пуля рикошетом отскочила от кабины, затем другая...

— Ханни, не могли бы вы посмотреть?

— Они перестали стрелять, но их целая толпа. Они... Я думаю, они спустили собак по нашему следу. Скажите, а они нас не сожрут?

— Не беспокойтесь, Ханни, — успокоил ее Бонд. — Едем дальше... Когда мы остановимся, я застрелю одного пса, и вся свора набросится на него.

Он прижал Ханни к себе и закричал бодрым голосом:

— Мы выберемся отсюда! Когда они узнают, что Но мертв, им будет не до нас — нужно будет убираться отсюда подобру-поздорову. Отвечаю вам... Через час мы будем на берегу. Погода прекрасная. Этой ночью мы отправимся на Ямайку. Вы сможете продержаться?

— Конечно, Джеймс. А вы? Что они с вами сделали?

— Я вам расскажу обо всем позже... Но скажите, как получилось, что крабы вами побрезговали?

— Видите ли, — сказала Ханни важно, — доктор Но полагал, что он все знает. По правде говоря, он боялся черных крабов гораздо больше, чем я... И он не знал, что эти животные с большим удовольствием едят растения и водоросли, нежели живые организмы. Конечно же, если бы у меня были раны на теле, все было бы иначе. Впрочем, — сказала она сжимая его руку, — если я и упала в обморок во время ужина, то только потому, что мне стало страшно при мысли, что он сделает с вами.

— Если бы я знал это раньше! — простонал Бонд. — Я бы меньше попортил себе крови.

— Разумеется, — продолжала Ханни, — это была вовсе не увеселительная прогулка по окрестностям Крэб Ки. Эти скоты положили меня совершенно голую и привязали к земле. Но они не осмелились притронуться ко мне. Они тупо хохотали и отпускали всякие скабрзные шуточки. А потом оставили совсем одну... Я думала о вас и о том, как лучше убить доктора Но. Крабы начали приближаться тесными рядами. Я лежала не двигаясь до самого утра. Они мне даже стали нравиться, эти крабы. Они составили мне компанию этой ночью. А на рассвете я стала дергать за веревки, и мне удалось высвободить правую руку. Остальное было несложно. Я добралась до шалашей. Все еще спали. Я стала искать какую-нибудь одежду. В гараже я нашла этот отвратительный костюм. Но это лучше, чем ничего... А потом я пробралась в туннель, потому что думала, что на том конце найду доктора Но, а единственное, что я хотела сделать — это убить его, чтобы отомстить за нас обоих. Вот, я вам все рассказала.

Она прижалась к нему.

— Мой дорогой, — прошептала Ханни, — надеюсь я вам не очень больно сделала, когда мы подрались? Это кормилица научила меня, что бить нужно в это место.

Бонд расхохотался.

— Так я и думал... Ваша кормилица была замечательная женщина.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

«Дракон» слегка вильнул в сторону. Они въехали в чащу деревьев у реки.

20

— Как? — воскликнул губернатор с вытаращенными глазами. — Вы вполне уверены в том, что рассказываете?

Несчастный имел жалкий вид, в глазах его светился упрек. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он не допустит и мысли о том, что подобные

вещи могли происходить у него под носом, на одном из принадлежащих Ямайке островов. Он, чьим девизом было — «только без приключений» — на пороге отставки, рисковал получить публичный выговор от колониального ведомства. Он уже представил себе длинный светло-голубой конверт с отметкой «срочно передать в собственные руки». Он открывает его дрожащими пальцами и читает следующие слова: «По просьбе Государственного Секретаря выражаю вам мое совершеннейшее удивление...»

— Мсье, — сказал Бонд сухим тоном, — я не сказал вам ничего такого, что нельзя было бы проверить.

Он не испытывал ни малейшей симпатии к губернатору и не мог забыть весьма прохладный прием, который был ему оказан этим высоким чиновником. Более того. Бонд не мог простить губернатору ехидных комментариев по поводу исчезновения Стренжвейза и Мэри Трублад, в особенности теперь, когда он знал, что их тела покоятся на дне ущелья Мона.

— Прежде всего, — говорил губернатор, — никакого скандала! Только не скандал!.. И ни слова в прессу. Понятно? Я отправлю рапорт Госсекретарю ближайшей диппочтой. Могу я рассчитывать на вашу скромность, мистер Бонд?

— Если мне будет позволено, мсье, — прервал его генерал, отвечающий за безопасность Карибского бассейна, — то я считаю, что нужно немедленно приступить к действию, не дожидаясь указаний из Лондона. У вас под рукой стоит «Нарвик». Я предлагаю немедленно высадить десант на Крэб Ки.

— Я совершенно согласен с генералом, мсье, — сказал шеф полиции. — Как нам совершенно справедливо заметил майор Бонд, большая часть гангстеров, вероятно, уже попробовала добраться до Кубы. Нужно как можно скорее прочесать местность. И войти в контакт с Гаваной, чтобы потребовать выдачи тех, кому удалось сбежать.

— Я хотел бы отметить, — сказал Плейдл-Смит, первый раз взявший слово, — восхитительное поведение майора Бонда. Мне кажется, что мы не можем сделать ничего лучшего, как последовать его советам, то есть высадиться на Крэб Ки как можно быстрее и пролить свет на это грязное дело. Майор Бонд сильно облегчил нам задачу. Он один проделал три четверти работы. Самое умное, что мы можем сделать, это закончить ее.

— Я вижу, господа, — сказал губернатор, — что вы все заодно. Тогда я сдаюсь.

Раз уж он не мог поступить по-своему, следовало использовать ситуацию с наибольшей выгодой для себя. Если грамотно подойти к газетчикам, они могут дать эффектные заголовки: «Губернатор принимает решительные меры», «Правитель Ямайки берется за дело», «Высадка морской пехоты».

— Господа, — продолжил он, — я полагаюсь на вас в плане подготовки операции и благодарю за помощь.

Он встал, сделал грациозный жест рукой и исчез.

— Видели, как старая обезьяна повернула дело? — говорил Плейдл-Смит Бонду.

— Я благодарю вас за поддержку, — ответил Бонд коротко. — А теперь я думаю вернуться в Бо Дезер.

— Это безумие! — воскликнул Плейдл-Смит. — В больнице сказали, что вы должны пролежать не менее недели.

— Ну так я вернусь туда завтра, — ответил Бонд, пожав плечами. — Но прежде мне нужно проведать девушку. Вы отослали мою телеграмму в Лондон?

— Да, — ответил Плейдл-Смит. И он в точности повторил текст: «Сожалею вынужден просить отпуск по здоровью точка медицинское заключение высылаю

точка прошу сообщить оружейнику, что Смит и Вессон совершенно непригодны против огнемёта точка».

Конечно, это не очень понравится М., но Бонду все еще не давал покоя этот «лечебный отдых». Он всегда сможет извиниться в следующем рапорте.

— Я хотел бы, — сказал Бонд напрямик, — спросить вас кое о чем. Видите ли, — продолжил он, — эта девушка, Ханничайлд Ридер, очень хорошая и умная. Естественная история не представляет для нее никакого труда... Если бы можно было устроить ее в институт, я был бы вам очень признателен... Мне хотелось бы знать, что она устроена. Сначала я отвезу ее в Нью-Йорк, чтобы ей сделали операцию и выправили сломанный нос. Вы сможете, когда она вернется, уделить ей немного внимания, вы и ваша супруга... Это действительно, — заключил он выдавливая из себя каждое слово, — очень хороший человек.

— Я понимаю, — сказал Плейдл-Смит, опустив глаза. — Вы можете на меня положиться.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Спасибо за все.

Он помахал рукой и сел в машину. У него было лишь одно желание: как можно быстрее добраться до Бо Дезер. Послать подальше всех этих чересчур любезных людей, которые его немного раздражали.

По дороге он как бы снова переживал возвращение с Крэб Ки на Ямайку. Все прошло как по маслу. Никто не пытался их задержать. Он отделался от собак. А в остальное никаких трудностей не было. Ханни почти всю ночь провела у паруса. У него же не было сил на разговоры. Он упал на дно лодки и заснул как убитый.

А теперь он снова увидит ее. Нога его яростно жала на газ, ветер напевал «Ханни, Ханни...»

В Бо Дезер его ожидало письмо. Записка, написанная крупным детским почерком: «Я сейчас вернусь, я с моими животными. Не забудьте: сегодня вечером вы остаетесь со мной. Вы дали честное слово. Я вернусь в семь часов. Ваша Ханничайлд».

На газоне появилась тень. Бонд допивал третий «бур-бон», когда она появилась. На ней была ситцевая юбка в черно-белую полоску и розовая приталенная кофточка. Ее золотистые волосы колыхались от ходьбы. Она была невероятно свежая и красивая.

Ханни взяла его за руку и повела в свое жилище.

Бонд не мог себе представить, что он сейчас увидит. Во всяком случае, не это: подвал Ханни выглядел словно большая коробка из-под сигар. Пол и потолок — из полированного кедра, что наполняло комнату приятным запахом дерева. Стены покрыты циновками из бамбука. Тяжелая серебряная люстра на двенадцать рожков давала мягкий свет. Наверху — три квадратных окна открывали полоску моря и неба. Мебели было мало, но красного дерева. А под люстрой стоял столик, накрытый на двоих. На нем поблескивало серебро самой тонкой выделки.

— Да у вас просто восхитительно, — сказал Бонд, не скрывая своего удивления. — После всего, что вы мне рассказали, я представлял себе, что вы живете в зоопарке.

Ханни засмеялась, явно польщенная.

— Знаете, — сказала она, — я вытащила все свое серебро. Это все, что у меня есть. Мне пришлось потратить целый день, чтобы его начистить. Пошли, я покажу вам свою спальню... Она крохотная, но на двоих места хватит. Надеюсь вы ничего не имеете против холодного ужина? Есть омары и фрукты...

Не говоря ни слова, Бонд обнял ее и прижался к ее губам.

— Ханни, — прошептал он, — вы удивительная девушка. Вы самая восхитительная девушка, какую я когда-либо встречал. Надеюсь, вы не слишком изменитесь когда выйдете в свет. Вы уверены, что хотите сделать эту операцию?

— Не будем говорить о серьезных вещах сегодня, — сказала Ханничайлд, смешно хмуря брови. — Эта ночь принадлежит мне. Говорите мне лучше о любви, хотите?

Бонд сел.

— Да, очень хочу, Ханни.

Он взглянул на нее: она покраснела. Ее голубые глаза при свете свечей были просто неотразимы. Ее полные губы дрожали от нетерпения.

— Вы действительно намереваетесь есть, Ханни? — спросил он хрипло.

Пламя свечей над ними стало легонько пританцовывать. Вдруг Ханни высвободилась из его объятий. Не говоря ни слова, она расстегнула блузку и скинула ее. Затем юбку. Она нагнулась к Бонду, взяла его за руку и заставила подняться. Одну за другой, она расстегнула пуговицы его рубашки и стянула ее.

— Идемте, Джеймс, — прошептала она.

Она увлекла его в спальню. На кровати лежал большой раскрытый спальный мешок. Она выпустила его руку и скользнула внутрь. Затем медленно подняла на него глаза.

— Вы знаете, я купила его сегодня днем... Это спальный мешок на двоих, самый лучший, что был в магазине... Я заплатила ужасно дорого. Идите сюда. Вы обещали, Джеймс.

— Честное слово, — сказал Бонд, склоняясь к ней.

— Вы обещали, Джеймс. Вам не улизнуть теперь!

— Но...

— Повинуйтесь!